

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

2 (44)

2025

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 17 апреля 2021 г.) по следующим специальностям:

- 5.2.5 «Мировая экономика» (экономические науки);
- 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии» (политические науки);
- 5.5.4 «Международные отношения, глобальные и региональные исследования» (политические науки);
- 5.6.7 «История международных отношений и внешней политики» (исторические науки).

Журнал включен в Российский индекс научно-го цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2025 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук
Егоров В.Н. – заместитель главного редактора
Фаустова Н.А. – заместитель главного редактора, канд. филол. наук
Варфоломеев А.А. – канд. полит. наук
Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук
Зверева Т.В. – д-р полит. наук
Иванов О.П. – д-р полит. наук
Ишин А.В. – д-р ист. наук
Карпович О.Г. – д-р полит. наук, д-р юрид. наук
Конопляник А.А. – д-р экон. наук
Косов Г.В. – д-р полит. наук
Липкин М.А. – д-р ист. наук
Мастепанов А.М. – д-р экон. наук
Неймарк М.А. – д-р ист. наук
Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук
Пашенцев Е.Н. – д-р ист. наук
Сидорова Л.Н. – канд. полит. наук
Ткаченко М.Ф. – д-р экон. наук
Усманов Р.Х. – д-р полит. наук
Цвык В.А. – д-р филос. наук
Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г. Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Шитьков С.В.</i> Концептуальные основания анализа государственного суверенитета в цифровую эпоху	6
<i>Укусников П.Б.</i> Политика Китая в условиях турбулентности мировой политики	22
<i>Борисов А.В.</i> Д. Трамп и будущее гуманитарной системы ООН	32
<i>Симонова Э.Ю.</i> Праворадикальная и леворадикальная угрозы в риторике президентов США Д. Трампа и Дж. Байдена	51
<i>Чикова А.Е.</i> Стратегическое партнерство России и Китая в условиях нового мирового порядка	65
<i>Потапов Ю.Б.</i> О некоторых аспектах российско-иранских отношений в свете Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве.	80
<i>Шишков В.В., Хорошев С.В.</i> Дилемма Миршаймера: вопрос о ядерном оружии для Украины в дискуссии 1990-х гг.	100

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Жильцов С.С.</i> Политика ЕС в Центральной Азии: новые акценты	117
<i>Комлева В.В.</i> Постсоветские страны: динамика коммуникационных режимов	132
<i>Павлов И.Е.</i> Межгосударственное сотрудничество в урегулировании экологических проблем морских регионов: на примере Черноморского бассейна	152

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Бажан Н.С.</i> Титул и другие атрибуты верховной власти государей России.	175
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Сидорова Г.М.</i> Новые реалии взаимодействия незападных стран с африканскими государствами.	194
---	-----

К сведению авторов	209
-------------------------------------	------------

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World" is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on April 17, 2021) in the following specialties:

- 5.2.5 "World economy" (economic sciences);
- 5.5.2 "Political institutions, Processes and Technologies" (political science);
- 5.5.4 "International relations, Global and Regional studies" (political science);
- 5.6.7 "The history of international relations and foreign policy" (historical science).

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia" may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue "Press of Russia. Newspapers and Journals" for the 2nd half of 2025 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author's interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Vyacheslav Egorov – Deputy Editor-in-Chief

Nina Faustova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (Philological Sciences)

Anton Varfolomeev, PhD (Political Science)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Tatiana Zvereva, DSc (Political Science)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Andrey Ishin, DSc (History)

Oleg Karpovich, DSc (Political Science), DSc (Law)

Andrey Konoplyanik, DSc (Economics)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogmova, PhD (Political Science)

Evgeny Pashentcev, DSc (History)

Lidiia Sidorova, PhD (Political Science)

Marina Tkachenko, DSc (Economics)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia,
53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФЦ77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

© Diplomatic Academy, MFA, Russia, 2025

© Page make-up. «Kvant Media», 2025

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Sergey Shitkov.</i> Conceptual Foundations Analysis of State Sovereignty in the Digital Age	6
<i>Pyotr Uksusnikov.</i> Chinese Policy Amid Turbulence of World Politics	22
<i>Alexey Borisov.</i> D. Trump and the Future of the UN Humanitarian System	32
<i>Ellada Simonova.</i> The Radical Right and the Radical Left in the Rhetoric of the US Presidents D. Trump and J. Biden	51
<i>Anastasia Chikova.</i> Strategic Partnership Between Russia and China in the Context of the New World Order.	65
<i>Yury Potapov.</i> On Some Aspects of Russian-Iranian Relations in the Light of the Comprehensive Strategic Partnership Agreement	80
<i>Vasily Shishkov, Sergej Horoshev.</i> Mearsheimer's Dilemma: The Question of Nuclear Weapons for Ukraine in the 1990s Debate	100

REGIONAL PROBLEMS

<i>Sergey Zhiltsov.</i> EU Policy in Central Asia: New Emphases	117
<i>Valentina Komleva.</i> Post-Soviet Countries: Dynamics of Communication Regimes . . .	132
<i>Igor Pavlov.</i> Interstate Cooperation in the Settlement of Environmental Problems of Marine Regions: On the Example of the Black Sea Basin	152

HISTORY AND RELIGION

<i>Natalia Bazhan.</i> Title and Other Attributes of the Supreme Authority of the Sovereigns in Russia	175
---	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Galina Sidorova.</i> New Realities of Interaction Between Non-Western Countries and African States.	194
---	-----

Notice to the authors	209
--	------------

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Шитьков Сергей Владимирович,

кандидат юридических наук,
и.о. Ректора Дипломатической академии МИД России,
Проректор МГИМО МИД России, Москва.

Sergey V. Shitkov,

PhD in Law Sciences,
Acting Rector of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Vice-rector of MGIMO University, Moscow.

E-mail: lenni70@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

CONCEPTUAL FOUNDATION ANALYSIS OF STATE SOVEREIGNTY IN THE DIGITAL AGE

Аннотация: статья посвящена анализу эволюции концепции государственного суверенитета с Античности до современности. Рассматриваются исторические предпосылки формирования института суверенитета, начиная от римской системы управления до становления современной системы международных отношений. Особое внимание уделяется теоретическому осмыслению суверенитета в трудах классиков политической мысли (Боден, Гоббс, Локк) и его трансформации в XX веке. Анализируются различные аспекты суверенитета — территориальный, политический, юридический и экономический, а также современные вызовы в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: государственный суверенитет, теория государства и права, цифровой суверенитет.

Abstract: the article is devoted to analyzing the evolution of the concept of state sovereignty from Antiquity to modern times. Historical prerequisites for the formation of the institution of sovereignty, starting from the Roman system of government to the formation of the modern system of international relations, are considered. Special attention is paid to the theoretical understanding of sovereignty in the works of classical political thinkers (Boden, Hobbes, Locke) and its transformation in the XX century. Different aspects of sovereignty are analyzed — territorial, political, legal and economic, as well as modern challenges in the digital age.

Key words: state sovereignty, theory of state and law, digital sovereignty.

Римская правовая система как предпосылка зарождения категории государственного суверенитета

Категория государственного суверенитета восходит к Античности и Римской империи, в рамках которой были заложены основы государственного управления, впоследствии сыгравшие ключевую роль в формировании концепции суверенитета в современном понимании. Правовые и философские традиции Римской империи положили начало идеям о праве, государственности и власти, хотя сам термин «суверенитет» появился значительно позже [13]. В античное время прото-суверенитет проявлялся через независимость городов-государств (полисов), прежде всего через централизованную власть Римской империи, самостоятельное проведение внешней политики, а также через законодательную и судебную системы. Античные государства демонстрировали элементы верховной власти и независимости, которые являются основополагающими для современной концепции суверенитета.

Римская империя с ее сложной системой управления и права установила фундамент, на котором строились последующие концепции государственного устройства. Император Римской империи, воплощавший в себе высшую исполнительную, законодательную и судебную власть, стал прототипом суверена. Кодификация римского права, осуществленная при Юстиниане I, укрепила основы правовой системы, которая оказала значительное влияние на развитие европейского права и понятий политической власти и государственного суверенитета [20].

Эволюция суверенных полномочий монарха в средневековой Европе

Практика суверенитета продолжила эволюционировать в средневековой Европе, отражая изменения в политическом ландшафте. В Средние века суверенитет был размыт между множеством феодальных владений и католической церковью. Феодальная система, характеризующаяся раздробленной властью и взаимными обязательствами между сеньорами и вассалами, представляла собой отход от централизованной власти Римской империи, но в то же время способствовала развитию идей о локальном самоуправлении и автономии. В Средние века в Ев-

ропе Римско-Католическая Церковь была одной из самых могущественных институций. Ее влияние проникало в политические, экономические и социальные аспекты жизни, что значительно ограничивало суверенитет светских правителей. Церковь обладала огромным духовным авторитетом, который часто использовала для вмешательства в светские дела, ставя под вопрос самостоятельность и независимость князей. Папа Римский как глава Римско-Католической Церкви обладал верховной духовной властью над всей христианской Европой, которая позволяла вмешиваться во внутренние дела княжеств. Папа мог отлучить правителя от Церкви или наложить интердикт на целое государство, что означало приостановление церковных служб и таинств. Духовная монополия папской власти подрывала легитимность правителя и его контроль над подданными, заставляя его подчиняться воле Церкви. Церковь владела обширными землями и имуществом, что делало её крупным экономическим игроком. У Церкви была также собственная автономная судебная система. Власть Римско-Католической Церкви в средневековой Европе существенно ограничивала суверенитет светских правителей через духовное, экономическое, судебное и политическое влияние. Папство играло ключевую роль в европейской политике, используя свою духовную власть для вмешательства в дела государств, контролируя значительные экономические ресурсы, создавая параллельную судебную систему и формируя политические союзы. Соперничество светской и духовной властей порождало конфликтность и вызывало недовольство как со стороны подданных, так и со стороны князей и духовенства.

Закрепление принципов суверенитета в Вестфальской системе международных отношений

Реформация в Европе позволила разрешить конфликт между интересами Церкви, князей и подданных. Проповедник Мартин Лютер, выступая против папской власти и утверждая идею «Sola Scriptura» (только Писание), способствовал тому, что светские власти стали восприниматься как независимые от религиозной власти. Одним из основных принципов Лютера было утверждение, что каждый человек имеет право на личную веру и непосредственное отношение с Богом, без посредничества Церкви. Это

подрывало авторитет Церкви и укрепляло идею государственной концепции суверенитета, в рамках которой государства могли действовать независимо от внешних религиозных авторитетов. Лютер настаивал на разделении сфер светской и духовной власти, считал, что государственная власть должна быть автономной и не подчиненной религиозным авторитетам. Результатом стало формирование секулярного государства в Европе, где суверенитет определяется независимостью светской власти от религиозных институтов. Реформация, начатая Мартином Лютером, существенно ослабила власть Римско-Католической Церкви и привела к укреплению национальных государств. Важной предпосылкой для формирования концепции суверенитета стал Аугсбургский мир, подписанный в 1555 году. Был установлен принцип «*Cuius regio, eius religio*»¹ («Чья власть, того и вера»), который позволял князьям государств в составе Священной Римской империи выбирать лютеранство или католицизм в подвластных им владениях. Этот принцип позволил каждому князю в Священной Римской империи определять религию своих подданных, что способствовало укреплению их политической независимости и суверенитета, ограничив возможности вмешательства со стороны Церкви во внутренние дела государств [1, с. 83]. Подданным, не пожелавшим подчиниться выбору князя, предоставлялся льготный период, в течение которого они могли свободно эмигрировать в регионы, где была принята желаемая религия². Это соглашение фактически положило конец религиозной борьбе в Европе и стало основой для последующего правового воплощения принципа государственного суверенитета в рамках Вестфальского мира 1648 года.

Признание Аугсбургским миром принципа соответствия религии вероисповеданию правителя, а также исключения и защита, которые он предусматривал для определенных групп населения, стали поворотным моментом в признании и практике суверенной власти в Священной Римской империи, создав прецедент для последующего развития государственного устройства в Европе. Созданная им система, основанная на принципе суверенитета территориальных правителей над религиозными вопро-

¹ Чья страна, того и вера.

² Чье царство, того и религия.

сами в пределах их владений, в конце концов рухнула в начале XVII века, что способствовало началу Тридцатилетней войны.

Концептуальные основы научного осмысления категории государственного суверенитета

Концептуальное оформление суверенитета в научном дискурсе начало складываться в то же время: различные теории власти и государственности начали обретать четкие очертания. Вестфальский мир 1648 года положил начало современной системе международных отношений, основанной на принципах государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств. Как отмечает М.М. Лебедева: «Подписание Вестфальского мира в 1648 г. стало важнейшей в историческом и политическом развитии вехой, ознаменовавшей собой формирование политической системы, которая в дальнейшем распространилась по всему миру. Политическая система получила название по месту заключения мира — Вестфальской, и/или по основному принципу, который был положен в основу мирных договоров, — государственно-центристской, поскольку идея национального государства, обладающего суверенитетом, явилась ключевой. Это была величайшая социальная инновация, позволившая преодолеть многочисленные конфессиональные, территориальные, этнические и другие противоречия, раздиравшие Европу середины 17 в.» [11]. В политической науке сложился консенсус, согласно которому суверенитет имел определяющее значение в мировой политике после 1648 года, когда был подписан Вестфальский мирный договор, заложивший основы Вестфальской политической системы мира, которая сохраняет свое значение до сих пор [12]. Суверенитет стал важнейшим общим знаменателем, определяющим равенство государств в мировой политике и международном праве [11]. И хотя дискуссии о трансформации и размывании суверенитета были популярны в 1990-х и 2000-х годах [24], в настоящее время бесспорно, что суверенитет является важнейшим и неотъемлемым свойством государства как международного актора. Успешное разрешение комплексной и многоуровневой научной проблемы определения природы и функций суверенитета государства в цифровую эпоху невозможно без изучения истории концептуализации данной

темы в академической литературе и обращения к анализу практического применения данной категории в политике и дипломатии.

Теоретическое обоснование суверенитета в трудах классиков политической философии

Впервые категория государственного суверенитета была представлена в политическом трактате французского юриста и философа Ж. Бодена «Шесть книг о республике» 1576 года, где он определяет суверенитет как наивысшую, абсолютную, ничем не ограниченную власть над гражданами и подданными. Важный вклад в становление теории суверенитета в политической и юридической науках внесли труды Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Н. Макиавелли и других политических философов эпохи Просвещения.

Суверенитет государства всегда был динамичной, изменчивой аналитической категорией, эволюционировал под влиянием и по мере развития политического устройства государств, научно-технического прогресса и практики международных отношений и в настоящее время включает в себя не только территориальный суверенитет, но и суверенитет в области территориальных вод, воздушного пространства государства, валютный суверенитет, экономический суверенитет, технологический суверенитет, кадровый суверенитет и ряд других компонентов. В последние годы в научный и политический оборот вводятся такие новые термины, как «когнитивный суверенитет государства», «кадровый суверенитет государства», «академический суверенитет» и ряд других.

Однако изначально суверенитет в самом широком смысле рассматривался как исключительная прерогатива монарха, возможность контролировать территорию, расположенную внутри определенных границ, и проживающее на этой территории население. Вестфальский мир установил принцип «государь — император в своих владениях», согласно которому верховная власть принадлежит князю, и, таким образом, заложил основы для системы баланса сил в Европе. При этом концептуально категория суверенитета так же эволюционировала в классической политической мысли, отражая изменяющиеся реалии. В частности, можно выделить такие термины, как «государственный сувере-

нитет», «народный суверенитет», «национальный суверенитет». Вышеуказанные термины отражают разные подходы к источнику легитимности государственной власти. Еще один термин — «экстерриториальный суверенитет» — отражает возможности выведения суверенитета за пределы государственных границ в исключительных случаях, например такие возможности имели метрополии в своих колониях.

Так, например, Гуго Гроций в классическом труде «О праве войны и мира» в 1550 году пишет, что «общим носителем власти является государство», однако полагает, что у государства могут быть различные формы правления, отмечая при этом божественную природу монархической власти. Кроме того, он выделяет несuverенные государства, то есть колонии, на которые фактически распространялся суверенитет монополий [3]. Он заложил, таким образом, основы категории экстерриториального суверенитета.

В то время как традиционная теория суверенитета, предложенная в XVI веке французским политическим философом Жаном Боденом, касалась полномочий правителя принимать окончательные решения, Жан-Жак Руссо изменил концепцию так, чтобы она сосредоточилась на народном суверенитете, а не на монархическом [26]. Боден в своем труде «Шесть книг о республике» [21] впервые систематически обосновал концепцию суверенитета как абсолютного, полного, неограниченного и бессрочного авторитета сюзерена над его подданными, основанного на естественном праве.

Полемизируя с Николло Макиавелли, Боден выделял четыре основных неотъемлемых признака суверенной власти внутри республики: постоянство, абсолютность, неделимость и верховенство закона [20, с. 9]. Под постоянством подразумевался непрерывный характер власти, сохраняющийся даже при переходе от одного правителя к другому. Абсолютистский характер демонстрировался через верховенство данной власти над другими видами власти и ее неограниченность никакими условиями. неделимость означала невозможность разделения суверенной власти между разными лицами или группами, если только это решение не принято самим сюзереном. Верховенство закона предполагало, что суверен обладает способностью создавать, изме-

нять и отменять законы, а также требовать их неукоснительного соблюдения всеми субъектами в пределах государства.

Помимо этого Боден подчеркивал, что суверенитет не подразумевает произвольное или деспотическое правление: суверен должен действовать в интересах общественного блага и соблюдать определенные моральные и естественно-правовые ограничения [15]. Несмотря на эти ограничения, суверен обладает исключительной властью решать, что является общественным благом и какие средства для его достижения наиболее подходящие [15].

Исключительный характер суверенитета обуславливает наличие целого комплекса иммунитетов в правовой, экономической, юридической сферах. Исторически они нашли воплощение в таких концептуальных формулировках, как «*par in parem non habet imperium*» — «равный над равным не имеет власти», «*par in parem non habet jurisdictionem*» — «равный над равным не имеет юрисдикции», «*par in parem non habet potestas*» — «равный над равным не имеет полномочий» [18].

Ж. Боден рассматривал главу государства как наместника Бога на земле, поэтому суверенитет был обусловлен божественной природой государственной власти. Решающим средством развертывания суверенитета становилась компетенция принятия решений. Таким образом, можно согласиться с тезисом, что само появление доктрины суверенитета ставило своей задачей легитимизировать монархическую власть [13].

Эволюция концепции суверенитета в трудах Т. Гоббса и Дж. Локка

В свою очередь английский философ Т. Гоббс в труде «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» от 1651 года развил идею суверенитета как основы социального договора и гаранта мира и порядка в обществе и сформулировал ответ на вопрос об источнике суверенитета. Теория государственного суверенитета Томаса Гоббса подразумевает, что в его «естественном состоянии» человек обладает агрессивностью, характерной для «войны всех против каждого». Переход человека в «общественное состояние» сопровождается заключением «общественного договора», который предполагает наличие механизма для гарантированного выполнения его

положений и наказания нарушителей. Этот механизм должен быть реализован всеми членами общества через передачу своих полномочий суверену, который в свою очередь станет гарантом соблюдения положений договора [4, с. 132–134]. На теоретические воззрения Гоббса серьезное влияние оказали исторические события, а именно Славная революция в Великобритании.

Гоббс утверждает, что форма правления, установленная посредством общественного договора, не может быть изменена подданными: люди, передавшие свою суверенность правителю, не могут передавать свои полномочия другому правителю. Источником суверенной власти является общественный договор, но само общество не является носителем суверенитета [18]. Носителем суверенитета является монарх.

Тем не менее Гоббс указывает на ограниченность власти суверена. Так как его власть не распространяется за пределы его государства, он не может командовать другими странами или контролировать своих граждан в плену у иностранцев. В международных отношениях суверены находятся в состоянии «войны всех против каждого», поскольку не существует межгосударственного общественного договора. Кроме того, даже внутри страны действия суверена ограничены законами и конституцией, его задача — обеспечить мир и благосостояние. Наконец, при ограничении публичной свободы граждане могут наслаждаться личной свободой в сфере предпринимательства, верований и личной жизни. Гоббс подчеркивает также, что поддержка частной собственности и развитие экономики являются ключевыми обязанностями суверена [18].

Параллельно с теоретическими осмыслениями суверенитета происходило постепенное воплощение концепции в реальной политической жизни: в 1648 году был заключен Вестфальский мир, который существенно повлиял на развитие суверенитета, закрепив принципы территориальности и невмешательства во внутренние дела других государств. Эта серия договоров, подписанных в вестфальских городах Мюнстер и Оснабрюк, положила начало государственной системе, лежащей в основе современных международных отношений, и ввела концепцию Вестфальского суверенитета. Этот принцип предполагает, что каждое национальное государство обладает суверенитетом над своей

территорией и внутренними делами, исключая влияние внешних сил, и основывается на идее невмешательства во внутренние дела другой страны [10]. Кроме того, в нем подчеркивается, что каждое государство независимо от его размера равноправно в международном праве [7, с. 122]. То есть западноевропейские государства признавались единицами, главенствующими на определенной территории в политическом, экономическом и социальном плане, и, что еще более важно, они сами определили данный статус для себя [2].

В Новое время мир вновь обратился к идеям демократии, истоки которых можно найти в трудах Античности, а Джон Локк и Жан-Жак Руссо заложили основы идеи народного суверенитета, предложив концепцию, отличавшуюся от абсолютной монархической суверенности. Возникновение и становление государственного суверенитета связано с эволюцией взглядов на природу государственной власти и постепенным признанием неотъемлемых политических прав и свобод народа [22].

Джон Локк отверг господствовавшие до него теории божественного права монархической власти и абсолютного суверенитета монарха и ввел концепцию народного суверенитета. В «Двух трактатах о правлении» он утверждал, что законная власть правителей проистекает из согласия управляемых. Народ соглашается на создание общества и правительства, чтобы защитить свои естественные права, включая право на жизнь, свободу и собственность. Если правительство не защищает эти права или нарушает их, народ имеет право сменить или свергнуть правительство [2]. Таким образом, по мнению Локка, суверенитет основан на договоре между правителями и управляемыми, а правительство можно рассматривать как условно выполняющее свои обязательства перед гражданами.

Концепция Жан-Жака Руссо, в свою очередь, рассматривала суверенитет как выражение общей воли народа, отличной от воли всех индивидов в обществе. Данная категория является основополагающей для понимания политической философии Руссо и описана в его работе «Об общественном договоре». По мнению философа, суверенитет должен принадлежать не монарху, а народу, что означает выражение и реализацию его интересов. Эта идея была связана с демократическим правлением и легла

в основу французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и Конституции Франции 1791 года.

Концепция народного суверенитета доминировала в XIX веке. Однако мыслители, такие как Гегель, ставили под сомнение практическую реализацию этой модели. Подобные дискуссии подготовили почву для интеграции идеи народного суверенитета во все формы правления, не только в республики, но и в монархии [20].

Помимо этого возникла проблема определения соотношения между суверенитетом и принципом разделения властей. Отвечая на этот вызов, представители немецкой школы права утверждали, что народный суверенитет не подразумевает суверенитета управляемых над управляющими, поскольку обе группы являются частью общей воли. Таким образом, народ является источником власти, но не обязательно источником административного контроля.

Эпоха национализма и демократических революций способствовала утверждению идей национального суверенитета. Великая французская революция (1789–1799) и Американская революция (1775–1783) были яркими примерами борьбы за суверенитет народа. Декларация прав человека и гражданина провозгласила идеи народного суверенитета и равенства перед законом. Принцип народного суверенитета был закреплен в Конституции США, установив республиканскую форму правления.

Эволюция осмысления государственного суверенитета в XX веке

В начале XX века немецкий философ Макс Вебер, выражая принципы бюрократической организации государственной власти, в работе «Политика как призвание и профессия» определил государственную власть через присущую исключительно ей монополию на легитимное насилие [6]. Подобный подход вдохновил Карла Шмитта на формулирование децизионистской теории суверенитета. Согласно этой теории суверенитет определяется как способность принимать решения в исключительных обстоятельствах, что включает в себя право нарушать существующий правовой порядок. Шмитт подчеркивал, что исключения из правил подтверждают суверенитет, а способность государства действовать вопреки собственным законам в критических ситуациях

является неотъемлемой чертой его власти и гарантом безопасности в кризисной ситуации [5, с. 20].

Точка зрения Шмитта была подвергнута критике французским исследователем, теоретиком права Леоном Дюги. В своих работах он выступал за понятие ограниченного суверенитета, адаптированного к реалиям международного взаимодействия и внутренних демократических процессов [21]. Дюги провозглашал идею всеобщего верховенства права как норму социальной солидарности. Полемизируя с концепцией народного суверенитета и общественного договора, ученый делал особый акцент на роли государственного суверенитета в сфере международных отношений и международного права, утверждая, что в этой сфере суверенитет имеет четко определенное значение [6].

Теоретическая конструкция народного суверенитета развивалась, и ее логическим следствием стала теория о самоопределении народов: если вся власть в государстве принадлежит народу, то это означает, что если какая-либо группа, объединившаяся на какой-либо территории, признает себя народом, то она имеет также право создать на этой территории независимое суверенное государство. Ранее Гуго Гроций, будучи сторонником монархической формы правления, прямо отрицал такую возможность, полагая, что некоторые государства несuverенны, состоят в полном обладании, то есть с возможностью их отчуждения [3]. Однако данный тезис был оспорен сторонникам народного суверенитета. Другими словами, каждый народ имеет право определять не только правительство, которым он хочет управлять, но и государство, к которому он хочет присоединиться.

Влияние этой идеи особенно выросло после Великой русской революции 1917 года и трудов Ленина, который рассматривал народный суверенитет как основу легитимной власти [12]. В свою очередь, последующее развитие международного права и создание Лиги Наций в 1919 году подчеркнули необходимость сотрудничества государств и признания определенных ограничений суверенных прав в интересах международного мира и безопасности [9].

После двух мировых войн суверенитет стал центральным принципом в международных отношениях. Создание ООН закрепило право народов на самоопределение и уважение суверените-

та государств. Все эти процессы и концептуальные образования в совокупности привели к следующему важному этапу в практическом развитии суверенитета — включению права народов на самоопределение в качестве принципа в статью 1(2) Устава Организации Объединенных Наций [21], на возникновение которой оказал сильное влияние Советский Союз. Этот принцип сыграл решающую роль в формировании международной системы после Второй мировой войны, способствуя процессу деколонизации и возникновению новых государств.

Включение положения о самоопределении в Устав ООН означало сдвиг в сторону международного признания легитимности стремления народов к независимости и самоуправлению. На международном уровне признавалось, что суверенитет принадлежит не только государствам, но и народам, составляющим эти государства. Это привело к росту поддержки движений за независимость и обеспечило правовую легитимность для их борьбы. В середине XX века многие колонии добились независимости, что было признанием права народов на самоопределение и укреплением концепции национального суверенитета.

Современные аспекты развития категории государственного суверенитета

Базовые основы категории государственного суверенитета, заложенные в Римской империи, эволюционировали через идеи монархии и абсолютной власти. Параллельно с теоретическим осмыслением суверенитет институализировался в западноевропейских политических системах посредством Аугсбургского мира и Вестфальского мира, заложивших основы для современного понимания территориального суверенитета и невмешательства. Данные принципы отражены сегодня в Уставе ООН.

Развитие политической философии Нового времени углубило понимание суверенитета, подчеркнув его неотъемлемые признаки и взаимосвязь с гражданскими правами и народом. В XX веке Макс Вебер и Карл Шмитт дополнительно развили концепцию, вводя идеи легитимного насилия, подчеркивая роль государства как основного регулятора правопорядка и исключительного обладателя суверенной власти. В противовес этому Леон Дюги отмечал необходимость ограничения суверенитета через внеш-

ние международные институты и внутренние демократические процессы. Таким образом, суверенитет как концепт прошел путь от абсолютной монархической власти к сложной сети прав и обязанностей, учитывающей как внутренние, так и международные реалии, подтверждая свою адаптивность и важность в развитии государственной власти и международных отношений. Следовательно, суверенитет — подвижная концепция, меняющаяся под воздействием времени и окружающей его современности [24].

В современной трактовке **государственный суверенитет** — это принцип, согласно которому государство обладает верховной властью на своей территории и в своих внутренних делах без вмешательства извне.

Суверенитет включает в себя:

- *территориальный суверенитет*: государство имеет полную власть над своей территорией и ресурсами;
- *политический суверенитет*: государство самостоятельно определяет свою политическую систему и форму правления;
- *юридический суверенитет*: государство издает законы и распоряжения, которые обязательны для исполнения на его территории;
- *экономический суверенитет*: государство ведет самостоятельную экономическую политику и контролирует свои экономические ресурсы;
- *цифровой суверенитет*: с развитием цифровых технологий формируется новая аналитическая и прикладная категория — цифровой суверенитет.

Заключение

Концепция государственного суверенитета прошла длительный путь эволюции от античных представлений о верховной власти до современного понимания как комплексного института, включающего в себя территориальный, политический, юридический, экономический и цифровой аспекты. Несмотря на изменения в содержании и формах проявления, суверенитет остается фундаментальной категорией международных отношений и государственного устройства. Современные вызовы, связанные с глобализацией и цифровизацией, требуют нового осмысления и адаптации концепции суверенитета к меняющимся реалиям,

сохраняя при этом его базовые принципы как основы стабильности мирового порядка.

Литература

1. *Беляев М.П.* Аугсбургский религиозный мир 1555 года как конституционный акт Священной Римской империи // История и археология. — 2020. — № 3. — С. 78–91. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/augzburgskiy-religioznyy-mir-1555-goda-kak-konstitutsionnyy-akt-svyaschennoy-rimskoj-imperii> (дата обращения: 24.03.2024).
2. *Бусыгина И.М.* Европейский Союз: новые измерения концепции суверенитета // Политическая наука. — 2005. — № 4. — С. 47–69. — URL: <https://clck.ru/3ANX2E> (дата обращения: 01.04.2024).
3. *Гроций Г.* О праве войны и мира. — М.: АСТ: ОГИЗ, 2023. — 912 с. — (Вся история в одном томе).
4. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. — URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 01.04.2024).
5. *Гройсберг А.И.* Современные подходы к определению понятия «суверенитет» // Современное состояние российского законодательства: проблемы и пути совершенствования. — 2009. — № 1.
6. *Дюги Л.* Конституционное право. Общая теория государства. — М., 1908. — С. 393–424.
7. *Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М.* Поствестфальский суверенитет в постглобальном мире // Политическая наука. — 2022. — № 4. — URL: <https://clck.ru/3ANWxh> (дата обращения: 01.04.2024).
8. Жан-Жак Руссо и Джон Локк: некоторые идеи о суверенитете и естественном праве / С.П. Сальников, О.А. Клименко, А.К. Мирзоев, И.Л. Третьяков // Юридическая наука: история и современность. — 2016. — № 5. — URL: <https://clck.ru/3ANX3y> (дата обращения: 01.04.2024).
9. *Ильинская О.И.* Защита прав человека в деятельности Лиги Наций // Журнал российского права. — 2017. — № 11. — С. 96–110. — URL: <https://clck.ru/3ANXiW> (дата обращения: 01.04.2024).
10. *Куприянов А.В.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. — 2019. — № 4. — С. 11–23. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vestfalskiy-mif-i-vestfalskiy-suverenitet> (дата обращения: 01.04.2024).
11. *Лебедева М.М.* Политическая система мира: ее размывание и поиск решений // Современные глобальные проблемы мировой политики. — 2009. — С. 229–254.
12. *Лебедева М.М.* Политическая система мира: проявления «внесистемности», или новые акторы — старые правила // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. — М.: Голден Би, 2008. — С. 53–66.
13. *Ленин В.И.* Государство и революция. — 2-е изд. — М.: АСТ, 2020. — 136 с.
14. *Леонов А.С.* Государственный суверенитет: этимология и предистория развития концепта // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — 2013. — № 3–2. — С. 131–135. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-etimologiya-i-predystoriya-razvitiya-kontsepta> (дата обращения: 18.02.2024).
15. *Никитина В.С., Чудаева Е.А.* Теория суверенитета Жана Бодена // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2019. — № 1. — С. 129–133. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-suvereniteta-zhana-bodena> (дата обращения: 24.03.2024).
16. *Осветимская И.И.* Государственный суверенитет: содержание и преобразование в условиях глобализации // Актуальные вопросы публичного права: конституционное право. — 2017. — С. 150–167. — URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/225697087.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).
17. *Романовская В.Б., Пужаев В.В.* Проблема государственного суверенитета и ее отражение в творчестве Леона Дюги и Раймона Карре де Мальберга // Журнал российского права. — 2016. — № 2 (230). — С. 26–38.

18. *Сергунин А.А.* Суверенитет: эволюция концепта // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — Т. 6. — 2010. — № 4. — URL: <https://clck.ru/3ANWf8> (дата обращения: 01.04.2024).
19. *Субочев В.В.* Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. — 2016. — № 2. — С. 13–21. — URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/0c7/Subochev-dissolution-of-sovereignty.pdf?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 24.03.2024).
20. Суверенитет. Трансформация понятий и практик: монография / М.В. Ильин, И.В. Кудряшова, Я.И. Ваславский [и др.]; под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. — М.: МГИМО — Университет, 2008. — 228 с.
21. Устав Организации Объединенных Наций [подписан 26 июня 1945 г. в Сан-Франциско по завершении Конференции Организации Объединенных Наций по международной организации] / Организация Объединенных Наций. — URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 24.03.2024).
22. Федерализм // Энциклопедия / отв. ред. К.С. Гаджиев. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 531–532 с.
23. *Язов А.Н.* Источники формирования идеи народного суверенитета в либеральной правовой мысли России второй половины XIX — начала XX века // Философия права. — 2017. — № 1 (80). — С. 38–44. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-formirovaniya-idei-narodnogo-suvereniteta-v-liberalnoy-pravovoy-mysli-rossii-vtoroy-pолоviny-xix-nachala-xx-veka> (дата обращения: 01.04.2024).
24. *Krasner S.D.* Power, the state, and sovereignty: essays on international relations. — Abingdon: Routledge, 2009.
25. *Onuf N.G.* Sovereignty: Outline of a conceptual history // *Alternatives*. — Vol. 16. — 1991. — No. 4. — P. 425–446. — URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/030437549101600403?journalCode=alta> (accessed: 01.04.2024).
26. *Putterman E.* Rousseau, Law and the Sovereignty of the People. — Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Уксусников Петр Борисович,

старший преподаватель кафедры политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Pyotr B. Uksusnikov,

Senior Lecturer, Department of Political Sciences and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow.

E-mail: p.uksusnikov@dipacademy.ru

ПОЛИТИКА КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

CHINESE POLICY AMID TURBULENCE OF WORLD POLITICS

Аннотация: в статье исследуется политика Китая в условиях возросшей неопределенности мировой политики и обострения международных отношений. Китай вынужден защищать свои интересы перед усилившимся давлением США. Особое внимание уделено концептуальным взглядам китайской стороны. В статье сделан вывод, что глобальное столкновение США и Китая определяется долгосрочными интересами двух государств. Для США принципиальным вопросом является сохранение лидирующих позиций в мире, в том числе в мировой экономике. Для этого американская сторона готова применять широкий спектр инструментов давления на Китай, который, в свою очередь, отстаивает свои интересы.

Ключевые слова: Китай, США, китайские теории международных отношений, глобальное управление, глобальное лидерство.

Abstract: the article analyzes the policy of China in the context of increased uncertainty of world politics and aggravation of international relations. Beijing is forced to defend its interests taking into consideration the growing pressure coming from the US. Special attention is paid to the conceptual views of China. The research concludes that the global competition between Washington and Beijing is determined by the long-term interests of the two states. For the US, the main goal is to maintain its leading position in the world, including in the global economy. In order to achieve this purpose, the American side is ready to apply a wide range of instruments of pressure on China, which in turn defends its interests.

Key words: China, the United States, Chinese theories of international relations, global governance, global leadership.

Введение

В 1990-х годах и первом десятилетии XXI века китайская экономика достигла значительных успехов. Нормой стали темпы экономического роста в 10–11% в год. Это позволило Китаю приступить к кардинальной перестройке своей экономики и реализовать масштабные планы по модернизации вооруженных сил.

В 2012 году Си Цзиньпин заявил о великом возрождении китайской нации, что предполагало усиление позиций Китая к столетию образования КНР — к 2049 году [5].

Амбициозные планы Китая предполагают формирование независимой от Запада экономической системы и превращение Китайской Народной Республики в новый центр политического и экономического развития. Таким образом, Китай претендует на глобальное лидерство, к которому он последовательно идет. Очевидно, что планы Китая вызывают беспокойство у США. Американская элита, которая ориентируется на сохранение лидирующей роли США, не готова смириться с подобным сценарием.

К новому экономическому порядку

В истории не раз менялись лидеры мирового развития. Благодаря техническим достижениям, получению доступа к природным ресурсам отдельные страны вырывались на определенное время вперед, занимая лидирующие позиции. На протяжении последних 200 лет лидирующие позиции в мировой политике и экономике занимали США. В последнее десятилетие новым претендентом на лидирующие позиции в мировой политике стал Китай. Он не только демонстрирует значительные экономические успехи, но и стремится занять ведущие позиции в мировой политике, потеснив США. Такой сценарий рассматривается китайской стороной.

Политическая идея «выхода в мир» Си Цзиньпина (то есть выхода за свои государственные границы), чтобы снова сделать Китай мировой державой, «появилась в то время, когда на разных континентах ужесточились конфликты между державами: США против Китая, США против России, Индия против Китая, Саудовская Аравия против Ирана, Китай против ЕС, США против Китая в Латинской Америке, США поддерживают Индию, Китай поддерживает Пакистан и т.д.» [5, с. 106].

Торговые противоречия между США и Китаем имеют длительную историю. Попытки Запада надавить на Китай (события 1989 года на площади Тяньаньмэнь) не увенчались успехом. Китайское руководство подавило протесты, продемонстрировав, что не собирается действовать по указаниям западных государств. В то же время США не стали вводить санкции против

Китая, поскольку «перед лицом баснословных барышей от использования дешевой китайской рабочей силы предпочли продолжать торговать и инвестировать» [6, с. 228–233].

Одним из основных факторов, который в конце XX — начале XXI века обеспечил рывок Китая, стали достижения в экономическом развитии. Достаточно сопоставить показатели ВВП Китая за последние десятилетия. Так, в 1978 году ВВП Китая составлял 216 млрд долл., а в 2023 году достиг 21,8 трлн долл. [20], выведя китайскую экономику в число лидеров. Это привело к тому, что недовольство и обеспокоенность в США от политики Китая нарастало.

Причина этого заключалась в том, что торговый баланс в китайско-американских отношениях складывался не пользу США, прежде всего из-за искусственно заниженного курса юаня. В 2017 году «китайский профицит в торговле составлял 335 млрд долларов: американцы покупали китайских товаров на 523 млрд долларов, а своих продавали всего на 188 млрд долларов» [14].

Д. Трамп провозгласил одной из ключевых задач своей внешней политики исправление ситуации с торговым балансом. США хотят покупать меньше дешевых китайских товаров и больше продавать своих товаров в Китай.

Еще в 2018 году Д. Трамп ввел первый пакет заградительных пошлин на товары из Китая (солнечные батареи, стиральные машины, электроника). И хотя Китай пошел на ответные меры, в конце года начались переговоры. А в январе 2020 года было достигнуто торговое соглашение.

В 2024 году ситуация с торговым балансом практически не претерпела изменений. Китай экспортировал в США товаров на сумму 525 млрд долл. По итогам года дефицит торгового баланса США с КНР составил 295,4 млрд долл. [2].

В КНР не только не скрывают, что концепции китайской школы международных отношений тесно связаны с внешнеполитическими проектами КНР (инициативой «Пояс и путь», участием в БРИКС и ШОС), но и прямо заявляют, что сама идея создания национальной школы выросла из необходимости разъяснения миру китайского видения мироустройства, выработки и обоснования внешнеполитических решений КНР [15].

Ряд западных аналитиков рассматривают китайские теории как инструмент легитимации гегемонии КНР, особенно в контексте инфраструктурных проектов в Африке и Азии. Практически все современные исследователи фиксируют усиление роли «мозговых центров» (think tanks), таких, например, как Китайский институт современных международных отношений (CICIR), в формировании внешнеполитической стратегии КНР. Кроме того, сохраняются обусловленности китайских концептов западными лекалами (еще десятилетие назад многие считали китайские теории международных отношений западными по сути, но переформатированными на китайский лад [9; 11]). А в 20-е годы XXI века отчетливо проявилась разнородность китайских подходов и концепций, вылившаяся в конкуренцию отдельных научных направлений, например шанхайского и пекинского [4]. К слову, шанхайская школа (теория международного симбиоза) фокусируется на взаимозависимости государств и поиске гармонии через сотрудничество, избегая конфронтации, в то время как пекинская не исключает ситуаций, при которых конфронтация не просто неизбежна, но и желательна для судеб мира.

Критика западного этноцентризма как основной характеристики сложившейся в XX веке науки о международных отношениях — это то, что объединяет все национальные школы, в том числе китайскую и российскую. Эта идея проявляется в российских исследованиях о китайских взглядах на теории международных отношений: глобальное управление должно учитывать культурное разнообразие и многоуровневые взаимодействия, а не основываться на доминировании отдельных государств [1; 3; 11].

Однако немногие исследователи обращают внимание на то, что в целом ряде китайских концепций нет места не только гегемонии великих держав, но и национально-государственным образованиям как основным несущим конструктам международных отношений.

«Тянься»: в китайских базовых парадигмах нет места национальным суверенитетам

Теория «Тянься» («Поднебесной») Чжао Тиняна предполагает модель мирового порядка, где суверенитет государств переосмысливается через призму конфуцианских ценностей сотрудни-

чества и гармонии. Эта концепция фактически является антиподом Вестфальской системы, которую авторитетный китайский ученый считает устаревшей и конфронтационной. Сам Китай выступает не в качестве государства, а играет роль стабилизирующего центра [18]. «Тянься» критикуется на Западе как инструменты легитимации гегемонии Китая.

Помимо указанных концептов особое место занимает теория отношений Цинь Яцина, которая часто именуется как «релэйшенизм». В ней отвергается западный индивидуализм, взамен акцентируются межсубъектные связи в мировой политике. По мнению Цинь, международные отношения — это сеть взаимодействий, где статус акторов определяется их позицией в системе связей [17]. В этой системе координат государства — это не более чем один из видов акторов, практически как в большинстве западных неолиберальных теориях или концепциях, связанных с антропологическим разворотом в науке.

Мессианство по-китайски

Пожалуй, самый растиражированный китайский концепт — моральный реализм Янь Сюэтуна, который, будучи творческой переработкой реалистической концепции Ганса Моргентау, сочетает элементы классического реализма с конфуцианской этикой, подчеркивая роль морали в международной политике. Янь утверждает, что сильное государство должно руководствоваться справедливостью (гунчжэн) [20].

Политика Китая направлена на перераспределение влияния в глобальном управлении, где Китай позиционирует себя как ответственного лидера, предлагающего «общезначимые блага» (например, инвестиции в инфраструктуру).

Моральный реализм Янь Сюэтуна интегрирует конфуцианские принципы справедливости и долга в международные отношения. Это противостоит западному утилитаризму и индивидуализму, предлагая этическую основу для глобальных решений.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества», продвигаемая Си Цзиньпином, акцентирует коллективную ответственность за решение транснациональных проблем, таких как изменение климата или пандемии. По мнению президента Китайской академии международных проблем Сюй Бу, «на нынеш-

нем этапе, начавшемся после прихода к власти Си Цзиньпина, идеи Китая о глобальном миропорядке стали коллективным благом (公共产品), которое соответствует общемировым тенденциям и ведет к прогрессу всего человечества» [23].

Директор Института международных отношений Народного университета КНР Ян Гуанбин отмечал, что «вместо либерального миропорядка западными странами был создан “миропорядок либерал-империализма”» [24]. Директор Института международных отношений исследований Университета Цинхуа Янь Сюэтун называет США времен Трампа анемократическим типом лидерства. Согласно концепции Янь Сюэтуна, «такое положение дел дает основание претенденту на моральное лидерство свергнуть гегемона, переродившегося в тирана, даже если для этого понадобится сила» [19; 20].

В третьем десятилетии XXI века представители экспертного сообщества Китая критически относились к возможности сотрудничества США и Китая, стратегического партнерства между странами. Сторонников подобной линии в экспертном сообществе практически не осталось. Модель формирования «Большой двойки» фактически ушла в историю. Более того, в экспертной среде укрепились взгляды, согласно которым создание оборонного союза между Россией и Китаем должно уступить место превращению Китая во вторую глобальную державу. Это должно произойти, прежде всего, за счет ускоренного строительства авианосного флота.

Видный китайский политолог Юй Суй пишет, что Китай вырабатывает на основе пяти принципов мирного сосуществования «новую концепцию безопасности и теорию многополюсного мира», «концепцию нового международного политического и экономического порядка, базирующегося на принципах мира, стабильности, справедливости и разума».

В представлении китайских элит мировое лидерство Китая не является, как и соперничество с Америкой, буквально самоцелью. Это по своей сути является составной частью национальной идеи как таковой. Китай прилагает усилия, чтобы реализовать китайскую мечту о великом обновлении китайской нации. При этом предполагается, что развитие Китая даст импульс к миру во всем мире. Вместе с тем публичная декларация указанного документа мобилизует китайское общество на стратегический прорыв.

Возможно, речь идет не буквально о совокупной национальной мощи, а о некой созданной социальной модели, обеспечивающей устойчивое и гармоничное развитие и конкурирующей с претендующими на подобное другими моделями. Как представляется, развитие такой огромной и разнообразной страны-цивилизации, как Китай, невозможно было без сохранения своего культурно-исторического потенциала.

По мнению отечественного исследователя Я.М. Бергера, «основным доводом, призванным доказать, что Китаю необходимо перенять у США руководство миром, служит тезис о том, что американское лидерство завело человечество в тупик и угрожает его безопасности». Пекин понимает, что мирное возвышение Китая может дестабилизировать мировую систему, соответственно, «через экономическое развитие и мирную дипломатию Китай намерен уменьшить потрясение для мировой системы, связанное с изменением его места в мире» [1].

Исследователи обращают внимание, что в разных официальных документах КНР неоднократно говорится о стремлении Китая вносить свой вклад в формирование нового политического и экономического миропорядка. Пекин призывает все миролюбивые страны и народы к совместным усилиям по установлению нового справедливого и рационального международного политического и экономического порядка, заявляет, что выступает за установление нового международного экономического порядка на основе справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, отказа от дискриминации в мировой торговле [12].

Как отмечал Янь Сюэту, «побеждают силы экономического протекционизма. США возглавили это движение, и другие страны будут вынуждены последовать за ними» [19]. В интервью, данном журналисту газеты «Коммерсантъ» 17 мая 2017 года, Янь Сюэту отметил: «Времена изменились, и теперь Китай наполовину приблизился к статусу сверхдержавы» [19]. Данное утверждение актуально в 2025 году, когда Китай продолжает острое соперничество с США.

Современный этап

В последнее десятилетие торгово-экономическая конкуренция между США и Китаем трансформировалась в жесткое про-

тивоборство двух государств. США всё более активно пытаются решить внутривнутриполитические и экономические проблемы своего развития через давление: политическое, экономическое и военное. Однако, несмотря на предпринимаемые усилия, глобальное лидерство США находится под угрозой его утраты.

Противоборство двух государств происходит на фоне обострения проблем в мировой экономике, что, в свою очередь, повышает «ставки» в глобальной конкуренции. Подъем Китая представляет собой беспрецедентный вызов для внешней политики США. «Впервые после Второй мировой войны США столкнулись с конкурентной великой державой, обладающей и экономическими, и военными возможностями, которые вскоре смогут поспорить с американскими» [12, с. 84].

Это провоцирует США ужесточать свою позицию, прибегая к открытому давлению на Китай. Последним примером является введение в марте — начале апреля 2025 года дополнительных пошлин на китайские товары. Добиваясь от Китая уступок в сфере торговых отношений, США ввели пошлины в отношении китайских товаров на уровне 145%, а в отношении американских товаров размер пошлин достигает 125%. Подобные шаги и ответные действия двух сторон провоцируют кризис в мировой экономике. Это может привести к снижению товарооборота, росту инфляции, реформатированию логистических цепочек.

В то же время и Китай сталкивается с определенными экономическими сложностями, которые затрудняют его развитие. Сказывается также конкуренция внутри китайской элиты, в которой доминируют представители, готовые отстаивать развитие Китая в качестве самостоятельного «игрока» в мировой политике.

Заключение

Создание альтернативного теоретического пространства за счет единства наработок незападных школ в современных условиях выглядит довольно утопично: каждая из национальных парадигм решает свои утилитарные задачи, что особенно ярко видно на примере китайских подходов. Видение китайскими международниками глобального управления, основанное на синтезе исторического наследия и современных амбиций, настолько специфично, что найти единую результирующую с российскими

подходами представляется невозможным. Развитие отражает стремление КНР создать альтернативу западным парадигмам, однако генетическое родство с ними в 20-е годы XXI века чувствуется всё отчетливее: разница лишь в том, какие именно силы китайцы видят в роли лидера или морального гегемона.

Китайская школа международных отношений демонстрирует амбиции КНР стать не только экономическим, но и интеллектуальным лидером. Однако ее развитие осложняется внутренними противоречиями и зависимостью от западных исследовательских рамок. Большое влияние оказывают экономические противоречия между США и Китаем, что наносит урон двум сторонам.

Литература

1. Бергер Я.М. Стремление Китая к мировому лидерству требует пояснений // НГ — Сценарии. — 26.01.2010. — URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-01-26/15_china.html (дата обращения: 21.03.2025).
2. Боровикова К. Торговля угрозами. — 06.02.2025. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7480816> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Бояркина А.В. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация: монография / науч. ред. В.Ф. Печерица; Дальневост. федеральн. ун-т. — Владивосток: Изд-во Дальневост. федеральн. ун-та, 2023. — 342 с. — URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/2f9/nsq6uc2x6h640rbh4u2tjhtbwpwi2fiБояркина_А_В_Внешнеполитические_концепции_КНР.pdf (дата обращения: 23.02.2025).
4. Глобальное управление: кризис или трансформация? // Мировое развитие. Вып. 22 / под ред. А.А. Алешина, Ю.А. Барониной, А.Р. Борисовой и др. — М.: ИМЭМО РАН, 2021. — 225 с. — URL: <https://www.imemo.ru/publications/info/globalnoe-upravlenie-krisis-ili-transformatsiya-mirovoe-razvitie-vipusk-22> (дата обращения: 23.02.2025).
5. Глянц М.Г., Росс Р. Дж. Один пояс и один путь. Долгий марш Китая в 2049 год. — М.: Международные отношения, 2021. — 264 с.
6. Зуенко И. Китай в эпоху Си Цзиньпина. — М.: АСТ, 2024. — 320 с.
7. Карлусов В.В. Китай: эволюция концепции глобализации и поиск руководством страны модели глобального управления. — URL: https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2024-02_karlusov.pdf?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 22.02.2025).
8. Крамаренко А.М. Спрос на коллективное лидерство // Стратегия России. — 2009. — № 1. — С. 12–14. — URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1232713908&archive=1232714081&start_from=&ucat=14& (дата обращения: 22.02.2025).
9. Кузнецов Д.В., Бугаров Д.В. Современный Китай и его окружение. — М., 2015. — 440 с.
10. Ли Юаньчао. Основные признаки нынешней архитектуры мира // Ляован. — 1991. — № 19. — С. 23–34.
11. Понька Т., Бельченко А., Забелла А. Китайский взгляд на теорию международных отношений // МЭиМО. — Т. 61. — 2017. — № 10. — С. 76–86. — URL: [https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0076_0086_\(8\)_Ponka_ID10155.pdf](https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/10_2017/0076_0086_(8)_Ponka_ID10155.pdf) (дата обращения: 22.02.2025).
12. Росс Р.С. Что означает подъем Китая для США // Рудольф Д. Китайское чудо: критический взгляд на восходящую державу. — М.: АСТ, 2023. — 320 с.
13. Россия и Китай в глобальном мире. Актуальные вопросы межкультурного сотрудничества: коллективная монография / под ред. А. Чумакова. — М.: Дашков и К^о, 2021. — 298 с.

14. Сарханянц К. Китай зафиксировал рекордный торговый профицит. — 13.01.2025. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7430749> (дата обращения: 23.03.2025).
15. У Чжичэн, Лю Пэйдун. Китайский взгляд на продвижение многосторонности и глобального управления // Мировая экономика и политика. — 2020. — № 9. — С. 23–44.
16. Хэ Яфэй. Китайский подход к глобальному управлению. — Пекин, 2019. — С. 34–56.
17. Цинь Яцин. Глобальное управление: важная международная возможность для усиления Китая // Международный форум. — 2022. — № 2. — URL: <https://fitr.com/c/2022-05-11/512275.shtml> (дата обращения: 20.01.2025).
18. Шарипов Ф.Ф., Тимофеев О.А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // Проблемы Дальнего Востока. — 2023. — Вып. 2. — С. 26–40.
19. Янь Сюэту: Не понимаю, почему Россия не настаивает на формировании альянса с Китаем // Коммерсантъ. — 2017. — 17 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3243633> (дата обращения: 07.03.2025).
20. China GDP History 1960–2023. — URL: <https://countrycassette.com/china-gdp/> (accessed: 12.03.2025).
21. 昏庸型领导 [阎学通. 大国领导力 (Янь Сюэту. Лидерство крупных стран). — 北京: 中信出版社, 2020. — 第56–57页.
22. 推动全球治理体系朝着更加公正合理的方向发展 (Сюй Бу. Способствовать развитию системы глобального управления в более справедливом и рациональном направлении) // 人民网. — 25.03.2022. — URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2022/0325/c40531-32383783.html> (accessed: 08.03.2025).
23. 杨光斌. 中国处在风险可控的战略机遇期 (Ян Гуанбин. Китай находится на этапе стратегических возможностей и контролируемых рисков) // 世界经济与政治. — 2023 年. — 第2期. — 第4页.
24. 王毅: “胸怀天下, 勇毅前行. 谱写中国特色大国外交新华章” (Ван И. Думая о мире, смело идите вперед. Вписать новую главу дипломатии крупной страны с китайской спецификой) // 国际问题研究, 2023年. — 第1期. — 第1–11页.

Борисов Алексей Владимирович,

кандидат философских наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexey V. Borisov,

Ph.D. (Philosophy)
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.
E-mail: aborisof@gmail.com

Д. ТРАМП И БУДУЩЕЕ ГУМАНИТАРНОЙ СИСТЕМЫ ООН

D. TRUMP AND THE FUTURE OF THE UN HUMANITARIAN SYSTEM

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы функционирования и перспективы гуманитарной системы ООН в свете инициатив Д. Трампа, направленных на ревизию программ иностранной помощи. Автор полагает, что ООН превратила гуманитарную помощь в инструмент трансграничного влияния, который продается странам-донорам, так как представляет легитимный способ вмешательства во внутренние дела ослабленных, нестабильных и бедных государств. Это происходит в результате делегирования ООН полномочий на создание правил, определяющих саму гуманитарную помощь и способы ее оказания. Эволюция гуманитарной системы ООН привела к формированию гуманитарной олигополии, которая претендует на установление целей, форм и характера гуманитарной деятельности, пренебрегая интересами доноров и реципиентов. Инициатива Д. Трампа не предполагает отказ от предоставления помощи, но выражает озабоченность той порочной практикой предоставления гуманитарной помощи, которая сложилась за последние три десятилетия, и подразумевает отказ от правил игры, установленных и поддерживаемых ООН.

Ключевые слова: доноры, глобальное управление, гуманитарная помощь, гуманитарные принципы, гуманитарная система, мировой порядок, олигополия, ООН, суверенитет, Д. Трамп.

Abstract: the article examines the problems of functioning and prospects of the UN humanitarian system in the light of D. Trump's initiatives aimed at revising foreign aid programs. The author believes that the UN has turned humanitarian aid into an instrument of trans-border influence, which is sold to donor countries, as it represents a legitimate way of interfering in the internal affairs of weakened, unstable and poor states. This occurs as a result of delegating to the UN the authority to create rules that determine humanitarian aid itself and the methods of its provision. The evolution of the UN humanitarian system has led to the formation of a humanitarian oligopoly, which claims to establish the goals, forms and nature of humanitarian activities, neglecting the interests of donors and recipients. D. Trump's initiative does not imply a refusal to provide aid, but expresses concern about the vicious practice of providing humanitarian aid that has developed over the past three decades, and implies a rejection of the rules of the game established and supported by the UN.

Key words: donors, global governance, humanitarian aid, humanitarian principles, humanitarian system, world order, oligopoly, UN, sovereignty, D. Trump.

Введение

Президент США Д. Трамп в первые после инаугурации дни подписал исполнительный указ «Оценка и перераспределение иностранной помощи Соединенных Штатов», объявляющий о пересмотре всех программ предоставляемой иностранной помощи и 90-дневной паузе в реализации программ содействия развитию [36]. Несмотря на заявления комментирующих указ экспертов, журналистов и общественных деятелей о том, что исполнительный указ Д. Трампа ставит на 90-дневную паузу лишь помощь, предоставляемую в рамках содействия развитию, и не затрагивает иные виды помощи, стоит указать на то, что во втором параграфе означенного указа содержится следующее: «...в дальнейшем *никакая* иностранная помощь Соединенных Штатов не может быть предоставлена, если она не соответствует внешнеполитическому курсу Президента Соединенных Штатов» (курсив мой. — А.Б.) [36]. Этот указ может рассматриваться как первый шаг на пути реализации предвыборной программы Д. Трампа, сформулированной в документе, более известном как «Проект 2025», где заявляется о необходимости преодоления зависимости от «корыстной и политизированной индустрии помощи агентств ООН, международных неправительственных организаций (НПО) и коммерческих подрядчиков» [19]. Но этот шаг ставит под вопрос существование института гуманитарной помощи ООН, сложившегося после окончания холодной войны.

Гуманитарная система ООН — вопросы концептуализации

Существование института гуманитарной помощи, как и любого другого института, определяется спецификой момента его создания и зависит от намерения государств соблюдать правила, которые были созданы в определенное время и с определенными целями. Участники института добровольно присоединяются к нему, и никто не может заставить их действовать против собственной воли. Заявление ключевого гуманитарного донора о намерении пересмотреть свое участие в данном институте ставит под вопрос существование всей гуманитарной системы ООН, которая является ключевым бенефициаром институциональной трактовки «гуманитаризма».

Определение гуманитарной системы, которое было дано в 2013 году «на полях» доклада Генерального секретаря ООН [8] и используемое в практике и документах Организации, не является единственным и, более того, оспаривается представителями не только академических кругов, но и «гуманитарных структур». Ряд исследователей заявляет о несистемном характере гуманитарного сообщества, некоторые допускают существование гуманитарного механизма как системного феномена, но затрудняются с описанием и определением структуры и границ [14; 16]. Но лишь немногие из определений содержат указание на ключевую функцию гуманитарных структур — оказание помощи жертвам стихийных бедствий, войн, техногенных и антропогенных катастроф. В «Отчете о состоянии гуманитарной системы в 2015 году», подготовленном ALNAP¹, содержалось следующее определение гуманитарной системы: «...сеть взаимосвязанных институциональных и оперативных структур, *через* которые оказывается гуманитарная помощь, в случае если локальные и национальные ресурсы недостаточны для удовлетворения потребностей населения, находящегося в кризисной ситуации» (курсив мой. — А.Б.) [40]. П. Уокер и Д. Максвелл предлагают рассматривать в качестве гуманитарной «систему, которая позволяет тем, кто оказался в кризисной ситуации, заявить о своих потребностях, а другим, более состоятельным, членам человеческого сообщества — предоставить ресурсы для удовлетворения данных потребностей» [42, р. 2]. Как видно из приведенных выше определений, гуманитарная система рассматривается преимущественно как сообщество посредников. Подобное уточнение допустимо, если рассмотреть контекст, в рамках которого гуманитарная система формировалась.

Предложение о создании координационного гуманитарного механизма прозвучало на Саммите G7 в Лондоне летом 1991 года; там же был разработан проект основополагающей резолюции Генеральной Ассамблеи ООН в области гуманитарной помощи [17]. Принятию Генассамблеей резолюции 46/182 предшествовала широкая дискуссия, которую спровоцировали страны так называемого Глобального Юга. Почти все были согласны с необходимо-

¹ ALNAP (Active Learning Network for Accountability and Performance) — международная сеть неправительственных организаций, аналитических центров и некоммерческих организаций, направленная на улучшение гуманитарной помощи.

стью тесной координации при оказании помощи в случае стихийных бедствий и сложных чрезвычайных ситуаций, однако среди государств-членов активно велось обсуждение вопроса о вмешательстве во внутренние дела. Как утверждается в исследовании, посвященном десятилетию принятия резолюции 46/182, положившей начало существования гуманитарной системы ООН, «некоторые государства-члены опасались, что предлагаемая резолюция узаконит иностранные интервенции под гуманитарным предлогом. После сложных переговоров государствам-членам удалось найти баланс между заботой о национальном суверенитете и поддержкой гуманитарной координации под эгидой ООН. Они согласовали список руководящих принципов гуманитарной деятельности, включая гуманность, нейтралитет и беспристрастность, а также уважение суверенитета, территориальной целостности и национального единства государств».

Таким образом, «руководящие» принципы стали основой идентичности изначально процесса оказания помощи, а потом и гуманитарного сообщества. Еще 1985 году Перес де Куэльяр, выступая перед Генеральной Ассамблеей с докладом «Новый международный гуманитарный порядок», отмечает неопределенность термина «гуманитарный»: «...иногда он используется для описания конкретного свода законов, таких как “право Гааги” или “право Женевы”... Иногда он используется для обозначения особого подхода к проблемам, подхода, который подчеркивает защиту и помощь человеку вне зависимости от политических соображений. А иногда этот термин используется в широком смысле и является выражением широко распространенного мнения: всё, что может быть сделано, чтобы облегчить страдания людей и помочь в реализации человеческих потребностей, должно быть сделано» [31]. Однако, если обратиться к Женевским конвенциям, которые, как предполагается, задают ключевые параметры гуманитарной деятельности, там гуманитарные организации определяются лишь как беспристрастные [3], а в документе, подготовленном в 1980 году Объединенной инспекционной группой ООН, «Оценка Управления Координатора ООН по оказанию помощи в случае стихийных бедствий» гуманитарная помощь рассматривается лишь как синоним чрезвычайной помощи, с призывом о предоставлении которой обращается государство в тех

случаях, когда масштабы катастрофы превышают ресурсы, доступные для ликвидации ее последствий, и никаких требований к организациям, ее предоставляющим, не предъявляется [11]. Даже в определении гуманитарной помощи, которое содержится в решении Международного суда ООН по делу «О военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа», содержится указание лишь на беспристрастность как способ предоставления помощи и гуманность как побудительный мотив [29, р. 114]. И, наконец, в самой резолюции 46/182 не содержится упоминания о гуманитарных организациях или «гуманитарных структурах», а говорится о «межправительственных и неправительственных организациях, действующих беспристрастно и исключительно по гуманитарным мотивам» [9].

Один из ведущих мировых исследовательских центров, занимающихся проблематикой гуманитарной деятельности — Overseas Development Institute (ODI), — заявляет о необходимости пересмотра отношения к базовым принципам гуманитарной помощи как некому идентификатору, позволяющему отнести тот или иной вид помощи к гуманитарной: «Принято считать, что гуманитарные принципы гуманности, нейтралитета, беспристрастности и независимости универсально применимы независимо от контекста или культурной традиции. Но, как и организации, заявляющие о своей приверженности этим принципам, они были сформулированы в определенный исторический момент...» [12]. Принятие руководящих принципов было вызвано необходимостью, во-первых, успокоить тех, кто рассматривал гуманитарную помощь как инструмент вмешательства во внутренние дела государств со стороны победителей в холодной войне, а во-вторых, легитимировать сам факт вмешательства. Антонио Донини, сотрудник Университета Тафтса, а в прошлом гуманитарный координатор в Афганистане, анализируя становление гуманитарной системы ООН по окончании холодной войны, заявляет: «Волна внутренних конфликтов, которая была развязана по окончании холодной войны, как следствие разрушения механизмов контроля, сложившихся в результате соперничества сверхдержав, является лишь одним из параметров, определяющих новую среду, в которую гуманитарные организации вынуждены вмешиваться. Во многих отношениях именно *само вмешательство следует рас-*

сма́тривать как новый определяющий элемент в постбиполярном мире, а не конфликты, которые существовали на протяжении всей предыдущей эпохи, будь то в форме войн по доверенности или же в качестве сопротивления гегемонии сверхдержавы. Таким образом, в последние годы мы стали свидетелями своего рода двойного снятия запретов, которые были в значительной степени «обусловлены» правилами игры холодной войны: запрета на ведение войны и запрета на вмешательство» (курсив мой. — А.Б.) [20].

***Гуманитаризм эпохи холодной войны: от помощи
до института глобального управления***

Однако «снятие запретов» времен холодной войны не исключало и не исключает обращение к опыту холодной войны. Запрет на вмешательство во внутренние дела государств, закрепленный в «Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета», под которым понималось не только вооруженное вмешательство, но и «применение экономических, политических мер или мер иного характера для принуждения другого государства подчинить осуществление его суверенных прав или для получения от него каких бы то ни было преимуществ» [2], и Декларация основополагающих принципов Красного Креста [41, р. 569] принимаются практически одновременно в конце 1965 года. Это не было простым совпадением. Берлинский и Карибский кризисы поставили мир на грань ядерной войны. Именно поэтому непосредственное участие в «битве за Африку» было зачастую неприемлемо для сверхдержав и их союзников. Геополитическое противостояние приводит к тому, что для действий на спорной территории, а таковой на послевоенный период оказываются получившие независимость азиатские и африканские страны, в качестве инструмента используются неправительственные организации, заявляющие о себе как о гуманитарных, то есть беспристрастных.

Неправительственные организации (НПО) испытывали зависимость от ресурсов, предоставляемых им донорами [22], либо от ресурсов, которыми сторона-реципиент готова была поделиться. И если первый из указанных видов зависимости многим кажется очевидным и не нуждается в примерах, то последний можно проиллюстрировать, обратившись к опыту НПО во время

войны в Нигерии. Именно тогда усилия гуманитарных НПО были кооптированы руководством Биафры для обслуживания кампании за международное признание и поставок ресурсов для ведения военных действий [13]. Характеризуя гуманитарную помощь Биафре, Ян Смайлли называет усилия по оказанию помощи «актом несчастной и вопиющей глупости», который продлевал войну и способствовал гибели тысяч людей [38, р. 104]. Именно гуманитарная акция в Биафре, которая стала одним из ключевых факторов, обусловивших взрывной рост НПО [27, р. 46], показала, что деятельность гуманитарных НПО не обязательно направлена на удовлетворение потребностей жертв гуманитарных катастроф.

Окончание холодной войны породило ряд либеральных иллюзий, одной из которых была убежденность в существовании единственно приемлемой модели государственного устройства, которое обеспечит достойное существование единого человечества. Открывая первое в истории Организации заседание Совета Безопасности ООН на высшем уровне, председательствующий премьер-министр Великобритании Д. Мейджор заявил: «В начальной строке нашего Устава, Устава Организации Объединённых Наций, говорится не о государствах и правительствах; в ней говорится о народах» [34]. Постулирование единого человечества и уверенность в обладании знанием о единственно верной форме его политической организации требовали новых инструментов, главным из которых стала гуманитарная помощь, вполне подходящая, чтобы обойти адаптированные в соответствии с требованиями победителей правила холодной войны, о которых упоминал А. Донини, — «запрет на ведение войны и запрет на вмешательство». Но, поскольку вмешательство в дела суверенных государств со стороны других государств, пусть даже победивших в холодной войне, противоречит нормам международного права и букве Устава ООН, Д. Мейджор в приветственном слове говорит, что: «Необходимо ясно показать, что именно через Организацию Объединённых Наций и ее Совет Безопасности мы намереваемся ликвидировать угрозы международному миру и безопасности» [34].

Стоит также обратить внимание на заявление Генерального секретаря ООН, сделанное в июле 1992 года в докладе «Повестка дня для мира». Б. Бутрос-Гали указывает на гуманитарную по-

мощь как средство превентивной дипломатии и напоминает, что «гуманитарная помощь должна представляться с согласия пострадавшей стороны и *в принципе* (курсив мой. — А.Б.) на основе просьбы этой стороны» [6]. Оговорка «в принципе» не случайна, ведь далее в докладе указывается, что «время абсолютного и исключительного суверенитета прошло... Задача руководителей государств сегодня состоит в том, чтобы понять это и обеспечить равновесие между потребностями благого внутреннего управления и требованиями всё более взаимозависимого мира» [6]. Зависимость суверенных прав от усилий по обеспечению «благого внутреннего управления», в том числе и оказание помощи людям, нуждающимся в гуманитарной помощи, подразумевает возможность вмешательства со стороны международного сообщества, представленного ООН. Гуманитарная помощь, оказываемая посредством ООН и аффилированных организаций, представлялась наилучшим вариантом вмешательства, позволяя представителям Глобального Севера вмешиваться в дела Глобального Юга, избегая обвинений в новом империализме. Подобная маскировка вмешательства не нова и проистекает из империалистического опыта государств коллективного Запада, каковой и был отмечен в начале XX века Дж. Гоббсоном: «...вмешательство в дела низшей расы прежде всего должно обеспечивать безопасность и прогресс мировой цивилизации, а не интересы вмешивающейся нации» [1, с. 186]. История сделала круг.

Гуманитарная помощь, возникнув, становится элементом глобального управления [26, р. 18], Комиссия по вопросам которого была создана в 1992 году и финансировалась в том числе посредством двух целевых фондов Программы развития ООН (ПРООН). В докладе Комиссии по глобальному управлению «Наше глобальное соседство» заявлено: «Мы считаем, что международное сообщество обязано принимать меры в ситуациях, когда безопасность людей находится под угрозой. ...В эпоху после окончания холодной войны всё чаще прибегают к различным видам гуманитарной деятельности, которая не всегда основывается на решениях Совета Безопасности и не связана с войной. Ряд органов и учреждений, как в рамках ООН, так и за её пределами, играют важную роль в обеспечении безопасности посредством гуманитарной и иной деятельности. Они не обязательно полагают-

ся на Совет Безопасности в вопросах принятия мер» [33]. И это утверждение позволяет сделать следующее замечание.

Возникновение института гуманитарной помощи было обусловлено потребностями стран-победителей, но это вовсе не означает, что данный институт служит лишь их интересам. По меткому замечанию Дж. Миршаймера, «политические институты не являются беспристрастными органами. Правила, которые управляют социальными группами, отражают видение хорошей жизни и неизменно благоприятствуют интересам одних людей или группировок больше, чем интересам других. Поэтому очень важно, кто пишет, интерпретирует и обеспечивает соблюдение правила. Потому что тот, кто это делает, может формировать повседневную жизнь таким образом, чтоб она отражала его интересы и взгляды» [5, с. 69]. Разработка и администрирование правил были поручены ООН, которая в условиях поствоенного мира претендовала на субъектность, отказавшись от роли, сложившейся в условиях холодной войны, интерфейса для взаимодействия сверхдержав. Таким образом, ООН получила мандат на конституирование института гуманитарной помощи, приобретая полномочия, которых она была лишена в предшествующие годы.

Попытки взять на себя руководство и координировать процесс предоставления гуманитарной помощи и возглавить гуманитарное сообщество предпринимались Организацией Объединенных Наций задолго до окончания холодной войны. Впервые вопрос о предоставлении помощи и участия в этом процессе ООН был поставлен в 1971 году, когда во исполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1971 г. № 2816 (XXVI) создается Бюро координатора ООН по оказанию помощи в случае стихийных бедствий (Office of the United Nations Disaster Relief Coordinator, UNDRO). По замыслу создателей UNDRO должно было стать центром системы ООН для решения вопросов, связанных с оказанием помощи жертвам стихийными бедствиями, в связи с чем Бюро должно было аккумулировать и координировать помощь доноров, обеспечивать обмен информацией, оказывать помощь правительствам в подготовке планов [37]. Проблема заключалась в том, что правительства, да и неправительственные и межправительственные организации, предпочи-

тали действовать в обход ООН. Попытка формирования гуманитарной системы не увенчалась успехом.

Причиной неудачи этой попытки были: во-первых, неопределенность мандата, поскольку было не вполне ясно то, когда, каким образом и в каких случаях Бюро осуществляет координацию усилий участников гуманитарной помощи; во-вторых, постоянные трудности с получением и выделением ресурсов на нужды помощи. Но – и это представляется главным — лишенная политической субъектности ООН не смогла сформулировать четкие правила, которые, с одной стороны, предписывали поведение других субъектов, участвующих в гуманитарной помощи, а с другой — позволяли сформировать корпоративную культуру, выступающую основой идентичности гуманитарного сообщества, которая способна обеспечить единство в понимании и оценке мира и, как следствие, способ интерпретации внешних вызовов или угроз, а также виды допустимых, с точки зрения «корпорации», ответных действий, которые будут реализованы. Вовсе не случайно, что при анализе причин неудач Управления Координатора ООН по оказанию помощи в случае стихийных бедствий, сделанном в 1980 году, указывается на разнородность реагирующего сообщества и несовпадающие интересы организаций, оказывающих помощь: «Международная сфера катастроф, в которой UNDRO стремится осуществлять свои координационные и “централизующие” усилия, переполнена сотнями правительств и организаций. ...Правительства-доноры, реагирующие на стихийные бедствия и катастрофы, могут исходить из собственных политических и общественных интересов. ...Организации по оказанию помощи могут подвергаться финансовому давлению и конкурировать между собой при реализации программ помощи, а принимающие страны могут препятствовать поставкам помощи или использовать их в корыстных интересах, отрицать наличие катастрофы либо сообщать о ней с опозданием» [11].

Гуманитарная система ООН — проблема принципал-агента

В 1991 году изменяется практически всё. Опираясь на ясно выраженную политическую волю государств — ключевых доноров ООН, Генеральная Ассамблея принимает резолюцию 46/182, где содержится призыв «обеспечить адаптацию и укрепление си-

системы Организации Объединенных Наций в целях эффективного и слаженного решения нынешних и будущих проблем» [9]. Новое в принятой резолюции — то, что это первая попытка, как оказалось, удачная, установить правила, в том числе с целью обеспечить ресурсную состоятельность, без которой невозможно администрирование последних.

Успех попытки обеспечили три новеллы.

Во-первых, переопределяется само понятие «гуманитарная помощь», которая до 1991 года являлась синонимом помощи «чрезвычайной». На чрезвычайный характер помощи указывает и то, что определение «чрезвычайная» всегда присутствует в названиях докладов Генерального секретаря и резолюций Генеральной Ассамблеи, посвященных вопросам координации помощи. Однако в резолюции 46/182 заявляется, что гуманитарная помощь «должна оказываться в соответствии с принципами гуманности, нейтралитета и беспристрастности» [9]. Перенос принципов с организации на деятельность ставит ООН в уникальное положение и позволяет самостоятельно определять, что есть гуманитарная помощь и кто является организацией, которая таковую может оказать. Таким образом, ООН определяет формы, источники и бенефициаров гуманитарной деятельности, степень соответствия гуманитарным принципам той или иной организации, очерчивая и защищая границы гуманитарной системы. В 2004 году этот перечень был дополнен еще одним принципом — «независимостью», под которой понималось «самостоятельное определение гуманитарных целей без учета политических, экономических, военных или других целей, которые та или иная сторона может иметь в районах, где осуществляется гуманитарная деятельность» [10].

Подобное дополнение было необходимо ввиду того, что с начала 90-х годов прошлого века гуманитарная помощь оказывается преимущественно в условиях длящихся внутренних и международных вооруженных конфликтов, где вооруженные силы участвующих государств оказывают помощь гражданским лицам, сражаясь «за ума и сердца», обеспечивая лояльность местного населения и безопасность операционных районов. Это, а также сложившаяся в Ираке и Афганистане ситуация требовали разграничения полномочий ООН и государств, использующих воен-

ные организации для оказания помощи поддерживаемой стороне конфликта, и нахождения баланса между ответственностью коалиционных сил в качестве оккупирующей державы и традиционной ролью ООН и других организаций, занимающихся оказанием гуманитарной помощи [39]. Указание на независимость как принципа, определяющего гуманитарную деятельность, усиливает позиции ООН как эксклюзивного поставщика гуманитарной помощи и арбитра гуманитарного сообщества.

Во-вторых, указание на то, что гуманитарная помощь оказывается в соответствии с принципами гуманности, нейтралитета и беспристрастности без учета политических, экономических, военных или других целей, которые та или иная сторона может иметь в районах, где осуществляется гуманитарная деятельность, приводит к тому, что именно ООН определяет перечень гуманитарных кризисов и катастроф, которые нуждаются в ответе мирового сообщества, задачи, которые будут решаться в ходе гуманитарного реагирования, необходимые ресурсы, которые сообщество доноров должно предоставить в распоряжение ООН, раз в год издавая «Консолидированные призывы к финансированию» (CAP). В памятке, разработанной Управлением по координации гуманитарных вопросов (УКГВ), отмечается: «Консолидированные призывы к финансированию — это не просто документы о сборе средств, а стратегические решения» [32]. Указание на стратегический характер решений позволяет утверждать, что ООН претендует на создание картины мира, где события, требующие гуманитарного реагирования, будут увязаны с интересами государств и негосударственных акторов, располагающих достаточными ресурсами, чтобы «принимать необходимые меры, направленные на увеличение взносов и ускорение их внесения, включая обеспечение на резервной основе финансовых и других ресурсов, которые могут быть переданы организациям системы ООН» [9].

Консолидированные призывы — постоянный компромисс, на возможность достижения которого влияет геополитический контекст. Выступая на пресс-конференции, посвященной презентации Глобального гуманитарного обзора 2025 года, заместитель Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам и Координатор чрезвычайной помощи Том Флетчер подчеркнул, что «реальность такова, что из-за нехватки финан-

сирования приходится расставлять приоритеты. Мы должны сосредоточиться на том, чтобы помочь тем, кто больше всего нуждается в помощи, и быть по-настоящему безжалостными. ...Это как решение суда, это безжалостность в определении приоритетов, куда будет направлено финансирование и где мы можем оказать наибольшее влияние» [30].

В-третьих, возможно, именно для того, чтобы избежать подобных компромиссов, и для закрепления за ООН роли органа глобального управления в области гуманитарной деятельности и администрирования гуманитарных процессов предполагается «предоставить в ее распоряжение ресурсы, соответствующие будущим потребностям» [9], создается «центральный механизм финансирования» в виде Центрального чрезвычайного оборотного фонда с целевым показателем в 50 млн долл. под руководством Генерального секретаря ООН. Предполагалось, что взносы в этот фонд будут делаться государствами «на дополнительной основе», вне зависимости от регулярных взносов в бюджет Организации. В 2005 году на базе Центрального чрезвычайного оборотного фонда был создан Центральный фонд реагирования на чрезвычайные ситуации (CERF) с целевым показателем в 450 млн долл., а в 1997 году создаются страновые объединенные фонды [18].

И если целью создания Центрального чрезвычайного оборотного фонда было заявлено «обеспечение выделения адекватных ресурсов для использования на начальном этапе чрезвычайных ситуаций», то относительно страновых объединенных фондов и Центрального фонда реагирования на чрезвычайные ситуации указывается не только на то, что они будут содействовать раннему реагированию, но и будут обеспечивать возможность реагирования на кризисы с дефицитом финансирования, а также будут способствовать получению несвязанного многолетнего финансирования. В декабре 2024 года, выступая с призывом к донорам обеспечить финансирование CERF, заместитель Генерального секретаря по гуманитарным вопросам Том Флетчер заявил: «Нам нужна глобальная гуманитарная система, которая пребывает в готовности, наделена полномочиями и хорошо финансируется для решения стоящих перед нами задач. Для этого жизненно важен CERF». Флетчер абсолютно прав в том, что фонд исключительно важен для системы ООН, так как получать сред-

ства из этого фонда могут лишь ООН и ее учреждения, гуманитарные организации иногда получают финансирование из него как действующие партнеры учреждений ООН, а правительства или гуманитарные НПО пострадавших стран не могут получать прямое финансирование из фонда [15].

Возможность создавать правила, формировать картину мира и постоянно растущие ресурсы, поступающие в распоряжение ООН, позволили построить гуманитарную систему, которая не выполняет ключевую задачу, для решения которой она формально была предназначена и которая постоянно подчеркивается во всех ежегодных докладах Генерального секретаря, — оказание чрезвычайной помощи. Согласно данным проведенного в 2024 году обзора гуманитарного финансирования, 91% всех ресурсов, предоставленных в распоряжение ООН, были направлены в районы затяжных кризисов, длящихся более 10 лет. Если учесть, что в 2014 году на подобные кризисы выделялось всего лишь 24% финансирования [23], то можно смело заявить о том, что гуманитарная помощь не решает, а усугубляет проблемы. В неоднократно цитируемой резолюции Генеральной Ассамблеи ООН указывается, что «многие чрезвычайные ситуации служат отражением лежащего в их основе кризиса в области развития, поразившего развивающиеся страны» [9]. Затяжные кризисы, поглощающие львиную долю финансирования, представляют собой внутренние вооруженные конфликты, а гуманитарная помощь, оказываемая по правилам, написанным в ООН, не может способствовать их завершению, не говоря уже о формировании дееспособной государственности.

В определении гуманитарной системы, которое используется в практике и документах Организации — «сеть международных гуманитарных структур, функционально связанных рамочной системой координации, которая создана Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 46/182 и ее последующих резолюциях и включает Координатора чрезвычайной помощи, Межучрежденческий постоянный комитет и механизмы планирования и финансирования, и руководствующихся приверженностью руководящим принципам, принципам гуманности и нормам международного права» [8], — нет ни слова о ее функциональном предназначении, хотя и утверждается функциональная связанность системы

координации. И, хотя в определении гуманитарной системы указывается на ее сетевой характер, справедливо указать на нее как на отраслевой рынок несовершенной конкуренции, то есть фиксируется простой факт сложившейся и продолжающей существовать олигополии, ориентированной на саму себя.

Подтверждением олигополистического характера являются данные о распределении ресурсов за 2023 год: 58% всего финансирования от доноров было направлено организациям ООН, 23% — международным НПО, 9% — Международному движению Красного Креста, 5,8% получили гуманитарные фонды ООН. Местные и национальные организации, которые, по заверению высших гуманитарных чиновников ООН, выполняют основную часть работы, получили (прямо либо в результате перераспределения) около 8,5% всего гуманитарного финансирования [23]. Но это не олигополия поставщиков помощи, а олигополия посредников, которые претендуют на эксклюзивные полномочия в области определения целей, форм и характера деятельности, а также — что принципиально важно — размеров и порядка ее ресурсного обеспечения. Олигополия защищает свое привилегированное положение, настаивая на безусловном соблюдении гуманитарных принципов, которые выступают в качестве заградительных барьеров, регулирующих доступ на «гуманитарный рынок».

Любой акт помощи оценивается не с точки зрения его эффективности в деле облегчения страданий людей, а с точки зрения соответствия принципам, нормам и стандартам, разработанным в недрах гуманитарной системы и для системы. Именно для этого разрабатываются правила и создаются структуры, их администрирующие. Как следствие, растут транзакционные издержки, которые составляют, как минимум, 31% объема финансирования для одной организации [21]. В уже цитировавшемся «Проекте 2025» указывается на более значительные суммы издержек — для OXFAM издержки составляют 75% от объема финансирования, а для Всемирной продовольственной программы ООН — 34% [19].

Заключение

Инициатива Д. Трампа по пересмотру программ иностранной помощи не предполагает отказ от предоставления помощи как таковой, но выражает озабоченность той порочной практи-

кой предоставления гуманитарной помощи, которая сложилась за последние три десятилетия, и предполагает отказ от правил игры, установленных и поддерживаемых ООН. Делегирование ООН права создавать и имплементировать нормы привело к передаче рычагов управления неподотчетной международной бюрократии. Нормы, которые создаются и навязываются, поддерживают те правила, которые выгодны бюрократии-агенту, а не государствам-принципалам. Именно эти правила, и не только в области гуманитарной деятельности, позволяют ООН претендовать на то, чтобы быть центром глобального управления, одновременно требуя ресурсного обеспечения от государств для реализации управленческих функций, оставляя за собой право определять то, куда, кому и в каком объеме перераспределить полученные средства. Институт гуманитарной помощи, созданный как инструмент, обеспечивающий легитимное вмешательство коллективного Запада в дела Глобального Юга, перестает выполнять инструментальную роль.

Экономический спад, формирование «правой» повестки, в том числе как реакции на экономический спад, приводят к пересмотру программ помощи и объемов финансирования не только со стороны США, но и практически со стороны всех ключевых доноров гуманитарной системы ООН. В 2024 году финансирование гуманитарных программ ООН из Германии сократилось на 7,5% [24], из Великобритании — на 16% [35] и из Канады — на 24% [28]. В бюджете Нидерландов на 2025 год финансирование гуманитарной деятельности сокращено на 9% [25]. Однако вряд ли стоит выделять в качестве ключевого фактора, определяющего поведение доноров, их экономическое положение. Сокращение донорами гуманитарных бюджетов, перераспределение средств в пользу масштабных проектов в сфере содействия международному развитию, рост прямого финансирования местных сообществ, организаций и структур гражданского общества — реакция на неэффективность гуманитарной системы ООН.

Заставит ли это гуманитарную систему измениться, или же всё ограничится очередной имитацией реформ, как это предполагают некоторые эксперты [28], получится ли диверсифицировать ресурсную базу, оптимизировать расходы? Сегодня трудно ответить на эти вопросы. Одно лишь можно сказать с уверенностью — ини-

циатива 47-го Президента США может и должна рассматриваться как выражение недоверия международной бюрократии, попытка переписать правила игры, усилия, направленные на слом одного из ключевых элементов мирового порядка, сложившегося после холодной войны. В Стратегии национальной безопасности России указано, что «увеличение количества центров мирового экономического и политического развития, укрепление позиций новых глобальных и региональных стран-лидеров приводят к изменению структуры мирового порядка, формированию новых архитектуры, правил и принципов мироустройства» [7]. Трудно, даже невозможно, оспорить это утверждение, но, может быть, стоит перестать рассматривать гуманитарную помощь как способ заслужить благодарность реципиентов и продемонстрировать свою состоятельность, как на то указывают авторы Концепции гуманитарной политики России за рубежом [4]. Гуманитарная помощь — инструмент трансграничного влияния, способ легитимации внешнеполитических действий государств, инструмент формирования новых рынков и новых субъектов мировой политики. Гуманитарная система ООН, порожденная либеральной иллюзией, уходит в прошлое под давлением новых реалий. Вполне возможно, что стоит предложить действенную альтернативу умирающему институту, учитывающую интересы России.

Литература

1. Гоббсон Дж. Империализм. — М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2021. — 288 с.
2. Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета [принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 г.] / ООН. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/inadmissibility_of_intervention.shtml (дата обращения: 05.02.2025).
3. Женевские конвенции и протоколы к ним / ООН. — URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml> (дата обращения: 05.02.2025).
4. Концепция гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом [утв. Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611] // Президент России: официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 05.02.2025).
5. Миршаймер Дж. Великое заблуждение: либеральные мечты и международные реалии. — Севастополь: Таврия, 2024. — 440 с.
6. Повестка дня для мира. Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира: [доклад Генерального секретаря в соответствии с заявлением, принятым 31 января 1992 г. на заседании Совета Безопасности на высшем уровне]. A/47/227 / ООН. — URL: https://main.un.org/securitycouncil/sites/default/files/89-92_08_agenda_pease.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400] // Президент России: официальный сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 05.02.2025).

8. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций: доклад Генерального секретаря. A/RES/68/84–E/2013/77.
9. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций: резолюция Генеральной Ассамблеи. A/RES/46/182 / ООН. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/135197/files/A_RES_46_182-RU.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
10. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. A/RES/58/114 / ООН. – URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/58/114> (дата обращения: 05.02.2025).
11. *Allen M.E., Sibahi Z., Sohm E.D.* Evaluation of the Office of the United Nations Disaster Relief Coordinator. Prepared by Joint Inspection Unit. JIU/REP/80/11 / UN. — URL: https://www.unjiu.org/sites/www.unjiu.org/files/jiu_document_files/products/en/reports-notes/JIU%20Products/JIU_REP_1980_11_English.pdf (accessed: 05.02.2025).
12. *Bennett Ch.* Time to let go. Remaking humanitarian action for the modern era. — L.: Overseas Development Institute, 2016. — 84 p.
13. *Bennett Ch., Kent R., Donini A., Maxwell D.* Planning from the Future: Is the humanitarian system fit for purpose? / ODI Global. — URL: https://media.odi.org/documents/planning_from_the_future_exec_summary.pdf (accessed: 05.02.2025).
14. *Borton J.* Future of the Humanitarian System: Impacts of Internal Changes / Humanitarian Futures. — URL: <http://www.humanitarianfutures.org/wp-content/uploads/2013/06/2009-Future-of-the-Humanitarian-system-impact-of-internal-changes.pdf> (accessed: 05.02.2025).
15. CERF Handbook. As of December 2024 / Central Emergency Response Fund. — URL: https://cerf.un.org/sites/default/files/resources/2412_CERF_Handbook_Dec2024.pdf (accessed: 05.02.2025).
16. *Collinson S.* Constructive Deconstruction: making sense of the international humanitarian system: A Literature Review, HPG Working Paper / ODI Global. — URL: <https://odi.org/en/publications/constructive-deconstruction-making-sense-of-the-international-humanitarian-system/> (accessed: 05.02.2025).
17. Coordination to Save Lives: History and Emerging Challenges / UN OCHA. — URL: <https://www.unocha.org/publications/report/world/coordination-save-lives-history-and-emerging-challenges> (accessed: 05.02.2025).
18. Country-Based Pooled Funds / UN OCHA. — URL: <https://www.unocha.org/country-based-pooled-funds> (accessed: 05.02.2025).
19. *Dans P., Groves St.* (ed.) Mandate for Leadership 2025: The Conservative Promise / Project 2025. — URL: https://static.project2025.org/2025_MandateForLeadership_FULL.pdf (accessed: 05.02.2025).
20. *Donini A.* The Policies of Mercy: UN Coordination in Afghanistan, Mozambique, and Rwanda // ReliefWeb. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/policies-mercy-un-coordination-afghanistan-mozambique-and-rwanda> (accessed: 05.02.2025).
21. *Eckhart-Queenan J., Etzel M., Silverman J.* Five Foundations Address the “Starvation Cycle” // The Chronicle of Philanthropy. — URL: <https://www.philanthropy.com/paid-content/the-bridgespan-group/five-foundations-address-the-starvation-cycle> (accessed: 05.02.2025).
22. *El Taraboulsi-McCarthy Sh., Metcalfe-Hough V., Willitts-King B.* Foreign policy and humanitarian action: An agenda for inquiry / ODI Global. — URL: <https://media.odi.org/documents/11125.pdf> (accessed: 05.02.2025).
23. Falling short? Humanitarian funding and reform. The latest data on global humanitarian assistance, as well as progress on Grand Bargain localisation targets, cash and voucher assistance, and anticipatory action / Development initiatives. — URL: <https://devinit.org/resources/falling-short-humanitarian-funding-reform/global-humanitarian-assistance-crisis-funding-response/> (accessed: 05.02.2025).
24. *Green A.* Germany plans billions in cuts to development, humanitarian aid // Devex. — URL: www.devex.com/news/germany-plans-billions-in-cuts-to-development-humanitarian-aid-108259 (accessed: 05.02.2025).
25. Implications of the new Dutch international development budget / HVFC International. — URL: <https://hvfc-international.com/2024/09/20/white-paper-implications-of-the-new-dutch-international-development-budget> (accessed: 05.02.2025).

26. *Kennedy D.* The Dark Sides of Virtue. Reassessing International Humanitarianism. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2004. — 400 p.
27. *Kent R.C.* Anatomy of Disaster Relief: The International Network in Action. — L.: Pinter Publishers, 1987. — 201 p.
28. *Loy I., Worley W.* What's shaping aid policy in 2025. The key trends driving change and disruption in the coming months // The New Humanitarian. — URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/analysis/2025/01/09/whats-shaping-aid-policy-2025#:~:text=The%20Trump%20effect:%20Volatility,%20multiplied> (accessed: 05.02.2025).
29. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment // International Court of Justice. — URL: <https://www.icj-cij.org/case/70> (accessed: 05.02.2025).
30. Mr. Tom Fletcher, Under-Secretary-General for Humanitarian Affairs and Emergency Relief Coordinator — Transcript of Press Conference on Launch of the Global Humanitarian Overview 2025. 4 Dec. 2024 // ReliefWeb. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/mr-tom-fletcher-under-secretary-general-humanitarian-affairs-and-emergency-relief-coordinator-transcript-press-conference-launch-global-humanitarian-overview-2025> (accessed: 05.02.2025).
31. New international humanitarian order. Report of the Secretary-General Submitted pursuant to General Assembly resolution 38/125. Part One. A/40/348 / UN. — URL: <https://docs.un.org/en/a/40/348> (accessed: 05.02.2025).
32. OCHA on Message: Consolidated Appeal Process // ReliefWeb. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/ocha-message-consolidated-appeal-process-enar> (accessed: 05.02.2025).
33. Our Global Neighborhood. Report of the Commission on Global Governance / Global Governance. — URL: <https://www.gdrc.org/u-gov/global-neighbourhood/> (accessed: 05.02.2025).
34. Provisional verbatim record of the Three thousand and forty-sixth meeting held at Headquarters, New York, on Friday, 31 January 1992, at 10:30 a.m. S/PV.3046 / UN. — URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/RO%20SPV%203046.pdf> (accessed: 05.02.2025).
35. Rebuilding Britain's reputation as a reliable development partner: The state of UK Aid in 2024 / BOND. — URL: www.bond.org.uk/wp-content/uploads/2024/09/Bond-Briefing-Series-UK-Aid-Part1-.pdf (accessed: 05.02.2025).
36. Reevaluating and Realigning United States Foreign Aid. Executive order. January 20, 2025 // White House: official website. — URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/reevaluating-and-realigning-united-states-foreign-aid/> (accessed: 05.02.2025).
37. Resolution of UN General Assembly 2816 (XXVI), adopted 14 December 1971. A/RES/2816(XXVI) / UN. — URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/328/32/pdf/nr032832.pdf> (accessed: 05.02.2025).
38. *Smillie I.* The Alms Bazaar: Altruism Under Fire: Non-Profit Organizations and International Development. — L.: Intermediate Technology Publications, 1995. — 286 p.
39. Strengthening the Coordination of Emergency Humanitarian Assistance of the United Nations: 2003 Report of the Secretary-General (A/58/89-E/2003/85) // ReliefWeb. — URL: <https://reliefweb.int/report/world/strengthening-coordination-emergency-humanitarian-assistance-united-nations-2003-report> (accessed: 05.02.2025).
40. The State of The Humanitarian System Report 2015 / Humanitarian Outcomes. — URL: <https://humanitarianoutcomes.org/sites/default/files/publications/alnap-sohs-2015-web.pdf> (accessed: 05.02.2025).
41. The XXth International Conference of the Red Cross // International Review. — November 1965. — No. 56. — P. 567–569. — URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/RC_Nov-1965.pdf (accessed: 05.02.2025).
42. *Walker P., Maxwell D.* Shaping the Humanitarian World. — Abingdon: Routledge, 2009. — 200 p.

Симонова Эллада Юрьевна,

соискатель ученой степени кандидата политических наук, стажер,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

E-mail: ellada.romanova@yandex.ru

Ellada Yu. Simonova,

external PhD student, intern,
The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow.

E-mail: ellada.romanova@yandex.ru

**ПРАВОРАДИКАЛЬНАЯ И ЛЕВОРАДИКАЛЬНАЯ
УГРОЗЫ В РИТОРИКЕ ПРЕЗИДЕНТОВ США
Д. ТРАМПА И ДЖ. БАЙДЕНА**

**THE RADICAL RIGHT AND THE RADICAL LEFT
IN THE RHETORIC OF THE US PRESIDENTS
D. TRUMP AND J. BIDEN**

Аннотация: в статье представлены результаты дискурс- и контент-анализа риторики американских президентов Д. Трампа и Дж. Байдена с точки зрения освещения в ней темы праворадикальной и леворадикальной угроз в США. В рамках работы избранные публичные выступления указанных американских лидеров были исследованы и проанализированы с помощью открытого программного обеспечения для лингвистического анализа текстов KH Coder 3.0 посредством лемматизации на базе вероятностного маркера частей речи Stanford PoS Tagger и встроенного графического преобразователя данных. Проведенный анализ иллюстрирует существующие общественно-политические разногласия в США на примере американской президентской риторики, а также то, как она в определенной мере их усугубляет. Кроме этого было проведено сравнение соответствующей риторики названных президентов США и было, в частности, выявлено, как они манипулируют темой праворадикальной и леворадикальной угроз при всех различиях в их стилях коммуникации.

Ключевые слова: контент-анализ, дискурс-анализ, риторика американских президентов, публичные выступления, национальная безопасность, терроризм, внутренние террористы, экстремизм, правые радикалы, левые радикалы, США, общественный раскол.

Abstract: this article presents the results of discourse and content analysis of the rhetoric of American presidents Donald Trump and Joseph Biden in terms of its coverage of the topic of the threats from the radical right and the radical left in the United States. The study analyzed key public speeches of the named American leaders with the help of open source software for linguistic analysis of texts KH Coder 3.0 by means of lemmatization based on the Stanford PoS Tagger probabilistic part-of-speech tagger and built-in graphical data converter. The analysis illustrates the existing social and political divisions in the United States through the example of the U.S. presidential rhetoric and how it exacerbates them to some extent. In addition, the respective rhetoric of the named U.S. presidents was compared and it was revealed, in particular, how they manipulate the topic of the threats from the radical right and the radical left with all the differences in their communication styles.

Key words: content analysis, discourse analysis, the US presidential rhetoric, public speeches, national security, terrorism, domestic terrorists, extremism, the radical right, the radical left, the USA, social split.

Введение

Победа Д. Трампа на американских президентских выборах 2024 года с новой силой обнажила противоречия между ультра-правыми консерваторами и левыми либералами.

Взаимная критика сторон в американском инфополе за последнее десятилетие эволюционировала до обоюдных обвинений в экстремизме, что в итоге нашло отражение в риторике президентов США Д. Трампа и Дж. Байдена. Одним из ключевых маркеров общественно-политического раскола в США является, с одной стороны, игнорирование в рамках публичных выступлений Президента США Д. Трампа праворадикальной угрозы при сильном акценте на леворадикальном насилии, а с другой — именование предыдущим американским президентом Дж. Байденом приверженцев крайне правых взглядов главным вызовом для национальной безопасности страны.

Описанная непримиримость во взглядах наглядно демонстрируется посредством проведения анализа политического дискурса президентов США Д. Трампа и Дж. Байдена. Контент-и дискурс-анализ публичных выступлений названных президентов в целом позволяет подробно рассмотреть как эволюцию места право- и леворадикальных угроз в политической повестке противостоящих администраций, так и роль соответствующей риторики в формировании общественного мнения.

В рамках данного исследования были проанализированы 72 публичных выступления названных американских лидеров, из них — более 40 речей Д. Трампа. Тексты были взяты из публичных источников внепартийного Центра Миллера при Университете Вирджинии, специализирующегося на изучении риторики американских президентов. Выборка речей была первоначально произведена специалистами Центра, которые ориентировались на критерии их программности и исторической значимости и рекомендовали их использование в исследовательских целях. Среди них — инаугурационные речи, ежегодные обращения к нации, заявления по Ирану, коронавирусу, Афганистану, нападению на Капитолий, СВО, Украине, Израилю и др.

Настоящее исследование было проведено с помощью открытого программного обеспечения для лингвистического анализа текстов KN Coder 3.0 посредством лемматизации на базе вероятностного маркера частей речи, разработанного Стэнфордской группой обработки естественного языка, Stanford PoS Tagger и встроенного графического преобразователя данных. Публикации Президента США Д. Трампа в соцсетях не анализировались, поскольку данная задача шире рамок данного исследования.

Рост право- и леворадикальных настроений в США в XXI веке

Правые радикалы в США — это политическое направление, склоняющееся к крайнему консерватизму, идеологии превосходства белой расы и другим ультраправым идеологиям в сочетании с конспирологической риторикой. Американские праворадикалы верят в то, что угрозу их ценностям и экономическим интересам представляют помимо прочих цветное население, евреи, иммигранты, мусульмане, буддисты, индуисты, масоны, коммунисты, представители сексуальных меньшинств и даже некоторые члены правительства США.

Ультраправые группировки в США имеют давнюю историю, в которой отмечались свои спады и подъемы. Последний подъем движения начался в середине 2010-х годов, чему способствовало несколько факторов: онлайн-радикализация, политическая поляризация и реакция на социальные перемены.

Взрывной рост социальных сетей и онлайн-форумов привел к созданию эхо-камер — «коммуникативных ситуаций, в которых пользователи сети Интернет предпочитают получать информацию из идеологически близких источников и распространять ее в ограниченных группах сторонников схожих с ними взглядов, в результате чего циркулирующие в этой среде сообщения получают исключительно положительное подкрепление и воспринимаются как истинные вне зависимости от фактической достоверности» [1].

Усиление общественно-политического раскола в США и провокационная политическая риторика, усугубленная недовольством части американского населения результатом президентских выборов 2016 года, вызвали у ультраправых группировок ощущение собственной легитимности и значимости.

Важную роль в усилении ультраправых настроений в Соединенных Штатах сыграла также реакция на расцвет движений за расовое и гендерное равенство, увеличение иммиграции, права представителей нетрадиционной сексуальной ориентации, которые воспринимались «правыми» как чрезмерная активизация «крайне левой повестки» в обществе. Недовольство падением уровня рождаемости среди белого населения и соответствующим ростом среди цветного, антиковидными ограничениями — всё это также способствовало росту праворадикальных настроений в американском обществе.

В результате «внутренний насильственный экстремизм» в лице правых радикалов после 20-летнего спада снова превратился в актуальную и серьезную проблему безопасности в США. К примеру, за большинством террористических нападений в Соединенных Штатах после терактов 11 сентября 2001 года стоят именно правые радикалы.

Напомним, что в американском законодательстве отсутствует общепринятое определение насильственного экстремизма. В статье используется определение Агентства США по международному развитию, сформулированное в документе «Меры реагирования в области развития на насильственный экстремизм и повстанческие движения. Воплощение принципов на практике»: «Насильственный экстремизм — это пропаганда, участие, подготовка или другая форма поддержки идеологически мотивированного или оправдываемого насилия для содействия достижению социальных, экономических и политических целей» [15]. Следует подчеркнуть, что термин «насильственный экстремизм» является более широким по сравнению с понятием «терроризм», поскольку включает в себя также пропаганду насилия.

Необходимо отметить, что с начала 2010-х годов в США фиксируется рост леворадикальных настроений, однако этому не придается особого значения, поскольку левые радикалы почти никогда не совершают нападений, влекущих за собой человеческие жертвы, за исключением случая в Портленде в 2020 году, когда членом ультралевого движения антирасистских и антифашистских групп «Антифа» был застрелен сторонник Д. Трампа. Комментируя произошедшее, тогда кандидат в президенты от демократов Дж. Байден заявил, что безоговорочно осуждает

это насилие и вообще насилие любого рода со стороны любого человека, будь то левые или правые [2]. Примечательно, что Дж. Байден не конкретизировал виновных — приверженцев крайне левых взглядов в данном случае, — а распределил вину на всех, включая ультраправых и, в частности, действующего Президента США Д. Трампа, который, по его мнению, «поощряет насилие» [2].

В целом в преобладающих в США левых и левоцентристских СМИ (70–80% от общего числа, по данным американской некоммерческой благотворительной организации «AllSides») [3] тема левого экстремизма, как правило, имеет смягченную коннотацию и размытую семантическую окраску, из-за чего создается ощущение отсутствия или незначительности проблемы как таковой.

В публичном пространстве левые радикалы отождествляются в основном с агрессивными проявлениями борьбы с расовой дискриминацией, навязчивым продвижением климатической, гендерной и ЛГБТ+ повестки и, главное, с борьбой с праворадикалами, что позиционирует их едва ли не как героев, несмотря на сопутствующие погромы и нападения.

Анализ риторики Президента США Д. Трампа

В начале первого президентского срока Д. Трампа (2017–2021 гг.) его риторика по вопросам безопасности строилась приоритетно на угрозах со стороны терроризма исламистского толка и нелегальной миграции как главного источника джихадистов на территории США. Однако постепенно тексты выступлений всё больше стали изобиловать обвинительными выпадами в адрес демократов, которые перешли из разряда обычной оппозиции в категорию угроз для Соединенных Штатов. Это, вероятно, было связано с нарастающим противодействием так называемого продемократического «глубинного государства» усилиям Президента США Д. Трампа по продвижению «правой» повестки и переизбранию на второй срок. Характерно, что сам термин «extremism» («экстремизм») в проанализированной выборке речей американского лидера встречается всего четыре раза, из которых он три раза контекстуально связан с джихадистской угрозой, и один раз — с левыми радикалами внутри США.

Результаты контекстного анализа по ключевым словам (KWIC Concordance) показали, что лексемы с корнем «extrem», семанти-

чески и контекстуально связанные с темой экстремизма в речах Президента США Д. Трампа, также используются исключительно для обозначения угроз со стороны джихадистов и леворадикалов.

В рамках проведенного исследования установлен 31 повтор лексем с корнем «radical», из которых в 22 случаях они используются для характеристики демократов и их действий, в 8 — в исламистской угрозы и 1 раз — в качестве характеристики иранского режима правления.

В то же время перечисленные «радикалы» едва ли равнозначны между собой: джихадисты официально были названы американским лидером главной террористической угрозой для США, Иран был назван государством — спонсором терроризма, тогда как именовать террористами леворадикалов Президент США обычно избегал. Одним из исключений стала реакция Президента США Д. Трампа на масштабные беспорядки, начавшиеся после гибели афроамериканца Дж. Флойда во время задержания в мае 2020 года. Тогда американский лидер заявил, что «это не акты мирного протеста, а акты внутреннего терроризма, за организацию которых ответственна в том числе “Антифа”» [13].

Ультраправые при этом не обозначаются ни как экстремисты, ни, тем более, как вооруженные экстремисты или террористы, несмотря на тот факт, что после 2017 года количество террористических атак с человеческими жертвами, совершенных правыми радикалами в США, превысило число аналогичных джихадистских нападения [14].

Нередко в риторике Президента США Д. Трампа демократы упоминаются в едином контексте с «эксцессами леворадикалов»: напрямую знак равенства между ними не ставится, однако почти всегда подчеркивается, что среди членов Демократической партии довольно много левых радикалов, на которых возлагается вина за многочисленные проблемы страны, включая нелегальную миграцию и связанные с ней терроризм, наркотрафик и рост уровня преступности в стране. Вероятно, это риторическая уловка для формирования в сознании общества стойкой ассоциации между принадлежностью к Демократической партии и левым радикализмом и экстремизмом — условным источников всех бед американского государства. Так, например, 20 июня 2020 года на митинге в Талсе, штат Оклахома, в рамках кампании по пере-

избранию Президент США Д. Трамп заявил, что кандидат от демократов Дж. Байден является «беспомощной марионеткой леворадикалов, хотя сам он не леворадикал» [4]. 8 августа 2020 года Президент США Д. Трамп обрушился с критикой на высокопоставленных политиков-демократов: спикера Палаты представителей США Н. Пелоси и сенатора США от штата Нью-Йорк Ч. Шумера, обвинив их в продвижении интересов леворадикальной части Демократической партии [10]. В том же выступлении американский лидер заявил, что Дж. Байден поддерживает крайне левые законодательные инициативы Демократической партии и «стал левее самого Б. Сандерса» (американского политика, который сам себя называет демократическим социалистом) и что потенциальная победа на президентских выборах леворадикальных демократов может оказать чрезвычайно негативное влияние на американский фондовый рынок [10]. Перечисленные заявления были сделаны 45-м президентом США в рамках кампании по своему переизбранию, однако необходимо подчеркнуть, что Д. Трамп, по мнению многих исследователей, в целом отличается от прочих американских лидеров, считая, что избирательная кампания не заканчивается никогда [11].

Уравнивание множества демократов, включая в их число на тот момент кандидата на пост президента Дж. Байдена, с левыми радикалами при замалчивании роста угрозы со стороны правых радикалов не могло не придать определенный импульс активности сторонникам «правых» республиканцев, увидевшим негласную поддержку со стороны действующего Президента, что в итоге привело к еще большему расколу в обществе.

В данном аспекте интерес представляют результаты анализа по ключевым словам «правый» и «левый», в частности по частоте употребления слова «левый» и его морфем (табл. 1).

Таблица 1

Частота употребления слова «left» («левый») и его морфем

Слово	Часть речи	Частота употребления
left	Сущ.	16
left-wing	Прил.	4
radical-left	Прил.	3

Окончание таблицы 1

far-left	Прил.	2
extreme-left	Прил.	1
far-left	Сущ.	1
left	Прил.	1
leftist	Прил.	1
leftist	Сущ.	1
super-left	Сущ.	1

Демократы в текстах публичных выступлений Президента США Д. Трампа изобилуют синонимами от нейтрально «левых» до оценочных «радикально левых», «крайне левых», «супер левых» и «левацких».

Из 16 случаев употребления слова «left» 3 эпизода семантически не связаны с темой «левых» и «правых» в политике, 10 случаев имеют определение «radical» (радикальный), 2 факта имеют усилительные конструкции в препозиции. И только один раз «left» упоминается в нейтральном контексте — когда Президент США Д. Трамп осудил нападение на Капитолий в своей речи от 13 января 2021 года, заявив: «Это должно прекратиться вне зависимости от того, “правый” вы или “левый”, демократ или республиканец, насилие никогда не может быть оправдано» [12].

В проанализированной выборке этот случай стал первым из двух, в которых вообще были упомянуты «правые» в значении политической ориентации. Второй случай произошел шесть дней спустя, 19 января 2021 года, в прощальном обращении 45-го президента США Д. Трампа к нации, где он отметил: «Наша повестка была не о правых или левых, не о республиканцах или демократах, а о благе нации, а это значит — всей нации» [5].

В исследуемую выборку речей не вошли отдельные ремарки Д. Трампа относительно событий в г. Шарлоттсвилле в августе 2017 года, когда сторонник ультраправых взглядов совершил преднамеренный наезд на своем автомобиле на группу левых контрпротестующих, в результате которого погибла одна женщина и 19 человек получили ранения. Однако данные ремарки имеют большое значение для раскрытия общего дискурса по праворадикальной угрозе в США и поэтому были проанализированы отдельно, без применения компьютерной программы.

ПримириТЕЛЬная риторика 45-го президента США вызвала шквал критики в американской инфосфере. В ходе пресс-конференции в Бедминстере, штат Нью-Джерси, спустя два часа после нападения в г. Шарлоттсвилле, 12 августа, Д. Трамп заявил: «Мы самым решительным образом осуждаем это вопиющее проявление ненависти, фанатизма и насилия со многих сторон, со многих сторон» [9]. Именно фраза «со многих сторон» вызвала резкую критику со стороны демократов, которые увидели в данном контексте попытку уравнивать сторонников идеи превосходства белой расы, неонацистов, ку-клукс-клановцев с «невинными» контрпротестующими.

На Президента США Д. Трампа оказывалось чрезвычайное давление вплоть до призывов к импичменту, в результате чего два дня спустя, 14 августа, он был вынужден публично осудить праворадикалов: «Расизм — это зло, а те, кто совершает насилие во имя этого зла, — преступники и бандиты, включая Ку-клукс-клан, неонацистов, сторонников идеи превосходства белой расы и другие группы ненависти, которые отвергают всё, что дорого нам как американцам» [17]. Данное заявление вполне ожидаемо вызвало недовольство «правых», но и «левые» не были удовлетворены, поскольку сочли его запоздалым. 15 августа американский лидер снова заявил об ответственности, которая лежит на обеих сторонах [16].

Таким образом, в риторике Президента США Д. Трампа отчетливо прослеживаются намеренное игнорирование роста крайне правых настроений в США и попытки представить нового коллективного врага — левых радикалов из лагеря демократов, несущих угрозу всей Америке. В президентской гонке 2020 года Д. Трамп уступил демократам, однако это поражение не только не привело к сглаживанию противоречий между «правыми» и «левыми» американцами, но даже усилило их.

Анализ риторики Президента США Дж. Байдена

Тема экстремизма в исследованной выборке речей Президента США Дж. Байдена существенным образом отличается от аналогичной риторики его предшественника. Сам термин «extremism» («экстремизм») фигурирует в риторике 46-го президента США шесть раз и прямо или косвенно связан исключительно с крайне правыми и «трампистами».

Результаты контекстного анализа по ключевым словам показали, что все остальные лексемы с корнем «extrem», семантически и контекстуально связанные с темой экстремизма в исследуемых речах Президента США Дж. Байдена, дают тот же результат: применяются в качестве осуждающих характеристик крайне правых республиканцев с акцентом на сторонниках Д. Трампа.

Более того, в риторике Президента США Дж. Байдена тема внутреннего экстремизма и раскола в обществе поднимается на качественно новый уровень. В инаугурационной речи 46-го президента США 20 января 2021 года действия крайне правых и «трампистов» были приравнены к внутреннему терроризму [7]. В июне 2021 года была принята стратегия, определившая основной угрозой безопасности страны «расово или этнически мотивированных насильственных экстремистов, а также антиправительственных или противостоящих власти насильственных экстремистов», что вызвало негативную реакцию сторонников Д. Трампа, небезосновательно воспринявших данный пункт как элемент незаконного подавления оппозиции [8].

В то же время анализ риторики Президента США Дж. Байдена показывает, что со временем тема террористической угрозы со стороны внутренних насильственных экстремистов в лице ультраправых постепенно стала сходить на нет, уступив место более привычной для общественного восприятия джихадистской проблеме.

На более примирительный, несмотря на первоначальные эксцессы, характер риторики Президента США Дж. Байдена указывает также отсутствие в анализируемой выборке речей лексемы «radical» («радикальный») в отличие от выступлений предшественника.

Тщательно проработанный для подачи в СМИ примирительный дискурс Президента США Дж. Байдена в 2022–2023 годах формировал впечатление, что он стремился преодолеть существующий общественно-политический раскол в стране и предотвратить дальнейшее укоренение партийных разногласий посредством конструктивного диалога в отличие от 45-го президента США, который обвинялся в разжигании межнациональной розни.

Контекстный анализ речей Президента США Дж. Байдена, со своей стороны, позволяет сделать вывод о, скорее, менее пря-

молинейном подходе к отождествлению сторонников Д. Трампа с правыми радикалами. Так, слово «hate» (ненависть, ненавидеть) в рамках выступлений 46-го президента США перед американской публикой обретает особое звучание. Напомним, в США так называемые «hate crimes» — преступления, совершенные на почве ненависти — влекут за собой более суровое наказание, поскольку рассматриваются как «уголовное преступление против человека или имущества, мотивированное полностью или частично предубеждением преступника против расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, этнической принадлежности, пола или гендерной идентичности» [6]. То есть сторонники крайне правых взглядов в сознании масс стойко ассоциируются с потенциальными преступлениями на почве ненависти. Отсюда само слово «hate» в контексте обезличенного проявления ненависти в обществе, с которой борются демократы, подсознательно воспринимается американцами как неизменный атрибут крайне правых. В исследуемой выборке речей Президента США Дж. Байдена лексема «hate» повторяется 19 раз и во всех случаях прослеживается не прямое осуждение сторонников крайне правых взглядов.

Аналогичная ситуация с лексемами «violence» («насилие») и «violent» («насильственный»). В 25 из 60 случаев использования слова «violence» и в 7 из 13 эпизодов использования слова «violent» в речах Президента США Дж. Байдена данные лексемы прямо связаны с осуждением политики или действий «трампистов» и крайне правых. Исходя из контекстного анализа остальных случаев, использование данных слов в условно обезличенном или обобщающем значении (например, «бороться с экстремизмом, беззаконием, насилием», «мы отвергаем любые проявления насилия») также несет в себе существенную «антиправую» коннотацию.

Примечательно, что в риторике Президента США Д. Трампа использование упомянутых лексем существенно отличалось: из 46 совокупных случаев их применения прямой референс к левым радикалам отмечен 5 раз, к правым — 8 раз. При этом какой-либо политически мотивированной коннотации в иных случаях не прослеживается.

В рамках исследования был проведен также анализ речей Президента США Дж. Байдена по ключевому слову «right» («пра-

вый»). Из 174 фактов использования лексем с корнем «right» (123 «right» и 51 «rights») лишь в двух случаях ключевое слово имеет значение «правый» для обозначения политических взглядов. При этом в обоих случаях данное слово имеет нейтральную окраску.

Аналогичный анализ по лексеме «left» («левый») показал, что ключевое слово встречалось 45 раз, из них которых только в двух случаях для характеристики политической ориентации, без акцентированной коннотации.

Заключение

Таким образом, тема праворадикальной и леворадикальной угроз в риторике президентов США Д. Трампа и Дж. Байдена, с одной стороны, отражает общественно-политический раскол в стране, а с другой — является инструментом манипулирования общественным мнением, усугубляющим в итоге упомянутую разобщенность.

Проведенный анализ демонстрирует игнорирование Президентом США Д. Трампом праворадикальной угрозы при чрезмерном концентрировании на леворадикалах, подвергающих, по его мнению, опасности американское общество.

В то же время 45-й президент США признавал наличие в Демократической партии «правильных демократов» в противовес ее радикальному крылу и отдавал должное истории взаимоотношений двух главных американских партий, избегая тем самым критической стадии раскола как потенциального вестника гражданской войны. Американский лидер также сторонился прямого отождествления левых радикалов с террористами, хотя условная радикализация левых нарастала в его речах к концу его первого президентского срока.

Тем не менее последний фактор вкупе с общей резкостью высказываний Президента США Д. Трампа усиливал ощущение противостояния «мы – против них», заряжая энергией его сторонников и одновременно углубляя политическую поляризацию.

Президент США Дж. Байден, со своей стороны, изначально высоко поднял планку взаимных обвинений, доведя ее до уровня «внутреннего терроризма», однако впоследствии термин «терроризм» в его риторике постепенно вернулся в привычный для американского общества контекст джихадистской угрозы.

В то же время кажущаяся к концу президентского срока примирительная риторика 46-го президента США не должна вводить в заблуждение, поскольку изобиловала более завуалированными нападениями на сторонников Д. Трампа. Так, в частности, в речах Президента США Дж. Байдена часто использовались слова «ненависть» и «насилие»: первое слово само по себе имеет у американцев стойкую ассоциацию с крайне правыми, а второе было прямо связано с осуждением «трампистов».

Иными словами, даже на уровне президентской риторики в Соединенных Штатах не прослеживаются предпосылки для преодоления текущего общественно-политического раскола. Более того, в определенной мере она его даже усугубляет.

Литература

1. Эхо-камера // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/ekho-kamera-878631?ysclid=m7ak8w8ysg464935295> (дата обращения: 18.02.2025).
2. Biden condemns Portland violence, says Trump 'recklessly encouraging it' // Reuters. — URL: <https://www.reuters.com/article/world/biden-condemns-portland-violence-says-trump-recklessly-encouraging-it-idUSKBN25R08C/> (accessed: 18.02.2025).
3. Blind Bias Survey Results // AllSides. — URL: <https://www.allsides.com/media-bias/media-bias-rating-methods> (accessed: 18.02.2025).
4. Campaign Rally in Tulsa, Oklahoma. June 20, 2020 // Miller Center. — URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/june-20-2020-campaign-rally-tulsa-oklahoma> (accessed: 21.02.2025).
5. Farewell Address of Donald J. Trump, 45th President of the United States of America. January 19, 2021 // WhiteHouse.gov. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/farewell-address/> (accessed: 21.02.2025).
6. Hate crimes // FBI: official website. — URL: <https://www.fbi.gov/investigate/civil-rights/hate-crimes#:~:text=Defining%20a%20Hate%20Crime&text=For%20the%20purposes%20of%20collecting,%2C%20gender%2C%20or%20gender%20identity> (accessed: 03.03.2025).
7. Inaugural Address. January 20, 2021 // Miller Center. — URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-20-2021-inaugural-address> (accessed: 03.03.2025).
8. National Strategy For Countering Domestic Terrorism. June 15, 2021 // WhiteHouse.gov. — URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/06/National-Strategy-for-Countering-Domestic-Terrorism.pdf> (accessed: 03.03.2025).
9. President Trump's remarks condemning violence 'on many sides' in Charlottesville // Vox. — URL: <https://www.vox.com/2017/8/12/16138906/president-trump-remarks-condemning-violence-on-many-sides-charlottesville-rally> (accessed: 21.02.2025).
10. Press Conference on Executive Orders. August 8, 2020 // Miller Center. — URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/august-8-2020-press-conference-executive-orders> (accessed: 21.02.2025).
11. Rubin G. Presidential Rhetoric on Terrorism under Bush, Obama and Trump. Inflating and Calibrating the Threat after 9/11. — L.: Palgrave Macmillan, 2020. — 156 p.
12. Statement about the Violence at the Capitol. January 13, 2021 // Miller Center. — URL: <https://millercenter.org/the-presidency/presidential-speeches/january-13-2021-statement-about-violence-capitol> (accessed: 21.02.2025).
13. Statement by the President. June 1, 2020 // WhiteHouse.gov. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/statement-by-the-president-39/> (accessed: 21.02.2025).

14. Terrorism in America After 9/11 // New America. — URL: <<https://www.newamerica.org/in-depth/terrorism-in-america/what-threat-united-states-today/>> (accessed: 21.02.2025).
15. The Development Response to Violent Extremism and Insurgency. Putting Principles into Practice. USAID Policy. September 2011 // USAID: official website. — URL: https://2012-2017.usaid.gov/sites/default/files/documents/1870/VEI_Policy_Final.pdf (accessed: 21.11.2024).
16. Trump again blamed 'both sides' in Charlottesville. Here's how politicians are reacting // The Washington Post. — URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2017/national/charlottesville-protest-reactions/> (accessed: 21.02.2025).
17. Trump's statement on white supremacists in Charlottesville // Politico. — URL: <https://www.politico.com/story/2017/08/14/full-text-trump-comments-white-supremacists-charlottesville-va-transcript-241618> (accessed: 21.02.2025).

Чикова Анастасия Евгеньевна,

научный сотрудник Центра прикладных исследований
факультета международного бизнеса,
выпускающий редактор журнала «Международный бизнес»,
МГИМО МИД России, Москва.

Anastasia E. Chikova,

Research Fellow at the Centre for Applied Research,
School of International Business,
Commissioning Editor of the International Business Journal,
MGIMO University, Moscow.

E-mail: nastya.chikova@inbox.ru

**СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
РОССИИ И КИТАЯ В УСЛОВИЯХ
НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА**

**STRATEGIC PARTNERSHIP BETWEEN
RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT
OF THE NEW WORLD ORDER**

Аннотация: настоящая статья посвящена анализу стратегического партнерства России и Китая в контексте трансформации глобального миропорядка. Автор анализирует ключевые факторы, влияющие на современные двусторонние отношения, в частности «поворот на Восток» во внешней политике России, вызванный санкционным давлением западных стран, а также «транзит власти», обусловленный растущим влиянием Китая.

В статье анализируются ключевые этапы развития российско-китайских отношений — от установления дипломатических связей в XX веке до современных стратегических инициатив. Особое внимание уделяется влиянию глобальных экономических санкций на внешне-экономическую политику двух стран.

Автор приходит к выводу, что, несмотря на санкционное давление и связанные с этим вызовы, растущее число совместных проектов и инициатив, а также развитие новых форматов сотрудничества могут стать важным шагом к преодолению современных трудностей и созданию прочной основы для устойчивого экономического партнерства между Россией и Китаем.

Ключевые слова: российско-китайское сотрудничество, поворот на Восток, торгово-экономическое партнерство, финансовое взаимодействие, инвестиционные проекты, санкционное давление.

Abstract: the article examines the strategic partnership between Russia and China within the context of the evolving global order. The author analyses the key factors shaping contemporary bilateral relations, particularly Russia's "pivot to the East" in foreign policy — driven by Western sanctions — as well as the "power transition" resulting from China's growing influence.

The study explores the key stages in the development of Russo-Chinese relations, from the establishment of diplomatic ties in the 20th century to modern strategic initiatives. Special

attention is given to the impact of global economic sanctions on the two nations' foreign economic policies.

The author concludes that, despite sanctions pressure and the associated challenges, the increasing number of joint projects and initiatives, alongside the development of new formats for cooperation, could serve as a crucial step towards overcoming current difficulties and establishing a solid foundation for sustainable economic partnership between Russia and China.

Key words: Russian-Chinese cooperation, pivot to the East, trade and economic partnership, financial interaction, investment projects, sanctions pressure.

Введение

Современная система международных отношений претерпевает глубокую трансформацию, характеризующуюся переходом от однополярного миропорядка с доминированием западных государств к формированию многополярной архитектуры с усилением независимых центров силы. Ослабление западной гегемонии, основанной на неокOLONиальных принципах, сопровождается укреплением суверенитета национальных государств, прежде всего в развивающихся странах. Данная тенденция ведет к формированию новых политико-экономических альянсов.

Изменение геополитической ситуации и ужесточение санкционной политики западных стран обусловили необходимость адаптации внешнеэкономических стратегий России и Китая. Современный этап российско-китайского партнерства формируется под влиянием двух ключевых тенденций: российской политики «поворота на Восток» и глобального перераспределения влияния с растущей ролью Китая. Данные процессы не только способствовали углублению двустороннего сотрудничества, но и сформировали стратегический ответ на трансформацию современного миропорядка.

Несмотря на устойчивую позитивную динамику, стороны сталкиваются с рядом вызовов, включая сложности в финансовых расчетах, санкционные риски и необходимость диверсификации сотрудничества за пределы сырьевой сферы. В связи с этим особую значимость приобретают совместные проекты в инфраструктурной сфере, области высоких технологий и промышленной кооперации, способные стать основой долгосрочного и сбалансированного партнерства. Обе страны выступают в роли ключевых акторов в формировании новой архитектуры международных экономических отношений, где многополярность и баланс сил служат фундаментом устойчивого развития [4].

Ключевые этапы развития российско-китайских отношений

Дипломатические отношения между СССР и Китайской Народной Республикой официально были установлены 2 октября 1949 года, когда Советский Союз стал первым государством, признавшим образование КНР. 14 февраля 1950 года сторонами был подписан советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи сроком на 30 лет [11].

С момента распада Советского Союза дипломатические отношения между Россией и Китаем постепенно развивались [12]. Современную правовую основу российско-китайских отношений составляет Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанный 16 июля 2001 года сроком на 20 лет и продленный 28 июня 2021 года еще на пять лет. В основе Договора лежит уникальная концепция преемственности дружбы между народами России и Китая, не имеющая аналогов в международной практике [7].

Несмотря на динамичное развитие двусторонних отношений, экономическая составляющая заметно уступала по значимости другим направлениям сотрудничества: приоритетом для обеих стран оставалось взаимодействие с западными экономическими центрами в сфере привлечения инвестиций и технологий. Однако финансовый кризис 2008–2009 годов актуализировал проблему стратегических рисков, связанных с такой асимметричной внешнеэкономической ориентацией [30].

В посткризисный период переориентация на восточное направление приобрела особую актуальность во внешнеэкономической стратегии России. В энергетической сфере наметилась устойчивая тенденция к диверсификации экспортных потоков в сторону рынков Восточной Азии, которые демонстрировали растущий спрос на российские углеводородные ресурсы [5]. В 2009 году была введена в эксплуатацию первая очередь магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан», что ознаменовало новый этап в развитии энергетического сотрудничества не только с Китаем, но и с другими странами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Россия стала активным участником ведущих многосторонних институтов экономической интеграции в Азии, в частности став полно-

правным участником Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и объединения БРИКС [9].

В период 2010-х годов российско-китайское экономическое сотрудничество претерпело качественную трансформацию, развившуюся в заключении ряда стратегических межправительственных соглашений. Данные документы предусматривали масштабное участие китайских государственных корпораций в инвестиционных проектах ключевых отраслей российской экономики, прежде всего в энергетическом секторе и транспортной инфраструктуре. Важным аспектом двустороннего сотрудничества стало предоставление китайским компаниям долевого участия в разработке стратегических нефтегазовых месторождений на территории России. Российско-китайское сотрудничество также активно развивалось в рамках многосторонних финансовых институтов, среди которых Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, Новый банк развития БРИКС и Межбанковское объединение ШОС [23].

В условиях эскалации противоречий с западными государствами восточный вектор внешней политики приобрел для России стратегическое значение с точки зрения диверсификации внешнеполитических рисков. В связи с этим российско-китайское стратегическое партнерство приобретает ключевое значение во внешнеполитической стратегии России, что во многом обусловлено конвергенцией позиций по ключевым вопросам международной безопасности и обоюдной заинтересованностью сторон в формировании полицентричной архитектуры глобального управления. В результате обе страны были вынуждены адаптироваться к новым реалиям, что способствовало формированию стабильных торгово-экономических отношений в таких критически важных областях, как энергетика, технологии и инфраструктурные проекты [1].

Так, в 2014 году была создана Межправительственная российско-китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству, целью которой является координация взаимодействия исполнительных органов власти России и Китая в сфере привлечения прямых иностранных инвестиций [13]. В 2018 году Китай и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) заключили Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве, которое ознаменова-

ло новый этап развития двусторонних экономических отношений, закрепив правовые основы взаимодействия в таких ключевых сферах, как отраслевая кооперация, таможенное регулирование, конкурентная политика и защита прав интеллектуальной собственности [22]. В 2023 году Россия и Китай подписали Совместное заявление, устанавливающее ключевые направления двустороннего сотрудничества на период до 2030 года. Данный документ закрепляет стратегический курс, направленный на расширение всестороннего сотрудничества в торгово-экономической, инвестиционной и технологической сферах, основанного на принципах взаимной выгоды и равноправного партнерства [17].

Торговое сотрудничество

На протяжении последнего десятилетия наблюдается устойчивая динамика развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества по широкому спектру направлений. Обладая статусом крупнейших экономик с общей сухопутной границей, развитой транспортно-логистической инфраструктурой, комплементарными промышленными структурами и устоявшимися хозяйственными связями, Россия и Китай располагают значительным потенциалом для дальнейшей интенсификации двусторонних торговых отношений. С середины 2000-х годов Китай является одним из важнейших торговых партнеров России. В данный период объем товарооборота между Россией и КНР впервые превзошел показатели российско-германской торговли, однако вплоть до 2022 года страны Европейского союза сохраняли доминирующую роль во внешнеторговых операциях обоих государств [29].

Начиная с 2022 года ужесточение санкционного режима привело к частичной изоляции российской экономики от глобальных рынков, сопровождающейся нарушением сложившихся экспортно-импортных цепочек и существенными ограничениями в осуществлении международных финансовых операций. В связи с этим российская экономика столкнулась с необходимостью структурной трансформации системы внешнеэкономических связей, предполагающей их переориентацию на взаимодействие с политически нейтральными или дружественными странами. Важную роль в данном вопросе сыграла позиция Китая, выразившаяся в отказе от присоединения к антироссийским санкциям.

На фоне структурных изменений в мировой экономике двусторонние торговые отношения России и Китая продемонстрировали впечатляющую устойчивость. К концу 2022 года Китай закрепился в качестве основного торгового партнера России, установив рекордный объем товарооборота — 190,27 млрд долл., что на 29,5% выше уровня 2021 года [32]. Данная тенденция была обусловлена сочетанием благоприятной конъюнктуры мировых цен на энергетические и промышленные товары для российских экспортеров с ростом физических объемов поставок. Значительную роль сыграло увеличение закупок Китаем ключевых российских товаров, включая энергоресурсы, морепродукты и сельскохозяйственную продукцию.

В 2021–2024 годах в торгово-экономических отношениях России и Китая наблюдалась устойчивая положительная динамика. Темпы роста двустороннего товарооборота достигли максимальных значений с середины 2000-х годов. Однако если в 2000-е годы рост взаимной торговли происходил в условиях активной экономической глобализации и высоких темпов внешнеэкономической деятельности обеих стран, то современное развитие торгово-экономических отношений протекает на фоне высокой волатильности мировой экономики, усиления геополитической напряженности и нестабильности динамики международной торговли [31]. Динамика торгового оборота между Россией и Китаем в 2014–2024 годы представлена на рисунке 1.

Увеличение товарооборота обусловлено активным замещением продукции западных производителей китайскими аналогами на российском рынке. Компании из Китая существенно расширили свое присутствие в ранее недостаточно освоенных сегментах, таких как автомобилестроение, производство электронных устройств, а также строительного и дорожного оборудования. Однако во втором полугодии 2023 года динамика китайского экспорта начала снижаться по мере насыщения освоенных рыночных ниш, что в значительной степени было связано с девальвацией рубля, начавшейся в 2023 году. Тем не менее на протяжении всего периода совокупный объем китайского экспорта в Россию демонстрировал устойчивость, сохраняя среднемесячное значение на уровне 9,47 млрд долл. [16].

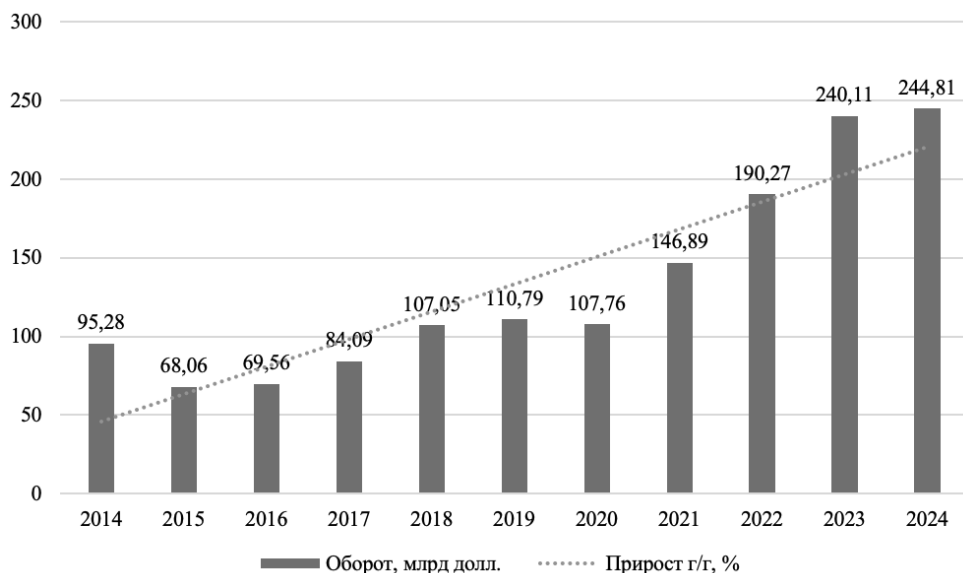

Рис. 1. Динамика российско-китайской торговли в период с 2014 по 2024 год, млрд долл. [31]

В 2024 году объем китайского экспорта в Россию увеличился на 4,1% по сравнению с предыдущим годом, составив 115,49 млрд долл. Поставки из России в Китай при этом составили 129,32 млрд долл. [27]. Структура российского экспорта в Китай характеризуется преобладанием энергоресурсов, включая нефть, природный газ и уголь. Значительную долю в товарной структуре занимают также металлопродукция, лесоматериалы, морепродукты и сельскохозяйственные товары. В свою очередь, китайский экспортный ассортимент в Россию дифференцирован по секторам: машиностроительная продукция (автомобили, тракторы, промышленное оборудование), электронные устройства (компьютеры, смартфоны), а также широкая группа потребительских товаров [24].

Россия остается ключевым поставщиком углеводородов и сырья, тогда как Китай наращивает экспорт высокотехнологичной продукции и товаров массового спроса [25]. Однако, несмотря на положительную динамику развития торгово-экономического сотрудничества, страны сталкиваются с определенными вызовами. Наблюдается выраженная тенденция к замедлению динамики

товарооборота: за январь–ноябрь 2024 года объем двусторонней торговли увеличился на 2,1%. Данные показатели существенно уступают темпам роста в 2023 году, когда годовой прирост товарооборота составил 26,7% [28]. Существенным фактором, влияющим на российско-китайские отношения, остается высокая вероятность повторных санкций со стороны западных стран, что осложняет деятельность китайских компаний и ограничивает возможности экономического сотрудничества с Россией.

Финансовое сотрудничество

Развитие финансового сотрудничества между Китаем и Россией также сталкивается с существенными вызовами, преимущественно обусловленными ужесточением санкционного режима. Китайские кредитные организации вынуждены ограничивать финансовые операции с российскими партнерами из-за риска вторичных санкций [10]. Отдельные китайские финансовые институты приостановили проведение операций в долларах, что обусловлено необходимостью снижения санкционных рисков. В результате около 50% платежей теперь проходят через финансовых посредников из стран, не присоединившихся к санкционному режиму. Крупнейшие китайские банки, руководствуясь принципом санкционного комплаенса, полностью прекратили обработку транзакций российских банков через систему UnionPay [23]. В связи с этим многие российские компании испытывают значительные трудности при проведении трансграничных платежных операций.

22 декабря 2023 года Президент США подписал Исполнительный указ № 14114, предусматривающий санкционные меры в отношении иностранных финансовых институтов, содействующих проведению транзакций с санкционными субъектами либо участвующих в поставках продукции для нужд российского оборонно-промышленного комплекса. Дополнения к санкционному режиму США, введенные в июне 2024 года, значительно осложнили механизм взаимных расчетов между российскими и китайскими финансовыми институтами. В августе того же года объем неисполненных платежных обязательств между двумя странами превысил несколько десятков миллиардов юаней [2].

Ключевыми направлениями для стабилизации финансового взаимодействия и углубления экономического российско-

китайского сотрудничества могут стать: создание сети дочерних структур российских кредитных организаций на территории КНР, либерализация процедуры открытия корреспондентских счетов российскими банками в китайских финансовых учреждениях, а также разработка институциональных механизмов реинвестирования капитала в экономики обеих стран. Данные меры будут способствовать расширению коммерческого присутствия сторон на взаимных рынках и институционализации деловых отношений, что создаст предпосылки для оптимизации транспортно-логистической инфраструктуры и стабилизации торгово-экономического сотрудничества.

Среди стратегических приоритетов российско-китайского сотрудничества особое значение приобретает создание платежной системы BRICS Bridge. Данная инициатива направлена на модернизацию существующих механизмов международных расчетов и минимизацию зависимости от традиционных платежных инфраструктур, в частности системы SWIFT. Реализация данного проекта будет также способствовать расширению присутствия китайских инвесторов на российском фондовом рынке и обеспечению доступа российских участников рынка к китайским финансовым инструментам [11].

Инвестиции и совместные проекты

Китайский бизнес продолжает оставаться крупнейшим иностранным инвестором в российскую экономику. По состоянию на июль 2024 года в стране было зарегистрировано более 9 тысяч компаний с китайским капиталом, что втрое превышает количество предприятий с немецким участием и в 10 раз — с американским. В условиях активной переориентации российской экономики на Восток китайские инвесторы продолжают расширять свое присутствие, что создает прочную основу для углубления инвестиционного сотрудничества [6].

Наиболее привлекательным регионом для китайских инвестиций считается Москва: количество зарегистрированных здесь китайских компаний в 6 раз превышает соответствующий показатель Приморского края, несмотря на географическую близость Дальневосточного и Сибирского регионов к Китаю. В то же время Санкт-Петербург, традиционно ориентированный

на европейских и американских инвесторов, остается маловостребованным среди китайских предпринимателей. Примечательно, что Забайкальский край, Иркутская и Свердловская области, не относящиеся к регионам с наиболее благоприятным инвестиционным климатом, тем не менее показали устойчивую положительную динамику по числу зарегистрированных китайских компаний в течение последних двух лет. Рейтинг наиболее привлекательных российских регионов для китайских инвестиций представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Региональное распределение компаний
с китайским капиталом в России (2022–2024 гг.) [6]**

Регион	Количество компаний
Москва	2085
Приморский край	356
Амурская область	302
Московская область	268
Санкт-Петербург	193
Забайкальский край	141
Хабаровский край	138
Иркутская область	85
Свердловская область	63
Новосибирская область	61

В рамках деятельности Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству реализуется более 80 совместных проектов с совокупным инвестиционным объемом свыше 200 млрд долл. Проектный портфель охватывает ключевые секторы экономики, включая добычу и переработку полезных ископаемых, инфраструктурное строительство и агропромышленный комплекс. Ключевым элементом данного механизма выступает Российско-китайский консультационный комитет предпринимателей, который представляет собой эффективный инструмент стимулирования инвестиционного сотрудничества двух стран. На сегодняшний день в рамках

данного комитета сформирован портфель из 83 инвестиционных проектов общей стоимостью более 18 трлн рублей [18].

Развитие транспортно-логистической инфраструктуры является одним из ключевых направлений российско-китайского сотрудничества в реализации совместных проектов. Среди ключевых проектов в данной сфере можно выделить создание высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва — Казань» (в рамках инициативы «Один пояс — один путь») и нового сухопутного зернового коридора «Россия — Китай», а также строительство газопровода «Сила Сибири — 2» и освоение Северного морского пути. Реализация данных проектов осуществляется в рамках двустороннего инвестиционного сотрудничества под координацией Российско-китайского консультационного комитета предпринимателей при содействии Российского фонда прямых инвестиций [20].

Значимым направлением двустороннего сотрудничества является добыча и переработка природных ресурсов. В 2013 году Китай инвестировал 2 млрд долл. в угледобывающие проекты в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. В 2024 году китайские партнеры приступили к реализации проекта по строительству фабрики для переработки свинцово-цинковых руд на месторождении, расположенном на архипелаге Новая Земля. В том же году в перечень стратегически значимых инициатив был включен новый проект по производству технического углерода в Астраханской области, в рамках которого предусмотрено строительство завода на территории особой экономической зоны «Лотос» при участии китайского инвестора [3].

В рамках развития нефтегазохимического комплекса Россия рассматривает возможность привлечения китайских инвестиций для строительства завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) в Усть-Луге. Данный проект, реализуемый в партнерстве с ПАО «Газпром» и АО «Русгаздобыча», станет крупнейшим в России по объемам переработки газа и войдет в число ключевых СПГ-производств в Европе. Ранее, в 2019 году, ПАО «СИБУР Холдинг» и китайская нефтехимическая корпорация «Sinopec» рассматривали возможность создания совместного предприятия по выпуску каучуков. Несмотря на заморозку данного проекта, стороны продолжают сотрудничество в других

сферах. В частности, был заключен трехсторонний меморандум о строительстве завода по производству полиэтилена в Казахстане совместно с АО «КазМунайГаз» [8].

Россия и Китай активно развивают сотрудничество в металлургической сфере, реализуя совместные проекты. Примером такого взаимодействия является перенос плавильных мощностей Медного завода ПАО «ГМК «Норильский никель»» из Норильска в Китай, запланированный к завершению в 2027 году [15]. Данный проект позволит минимизировать логистические издержки и снизить коммерческие риски, связанные с трудностями в расчетах и ценовыми дисконтами на металлопродукцию. Кроме того, его реализация позволит российской металлургической отрасли сохранить конкурентоспособность в условиях санкционных ограничений, введенных в отношении торговли российскими металлами.

Российско-китайское сотрудничество затрагивает также автомобильную отрасль, что выражается в создании совместных производственных предприятий и расширении присутствия китайских автомобильных платформ на российском рынке. В частности, в России успешно функционируют заводы компании «Haval» (подразделение «Great Wall Motor»), выпускающие кроссоверы и внедорожники, а также совместное предприятие Weichai и КАМАЗа, специализирующееся на производстве двигателей. Одним из ключевых совместных проектов является разработка электромобиля «Атом». Проектная компания «Кама» осуществляет научно-исследовательскую деятельность на двух площадках — в России и Китае. Финансирование проекта обеспечивает Российский фонд прямых инвестиций, который также занимается привлечением китайских инвесторов и технологических партнеров [19].

Устойчивое развитие двустороннего сотрудничества между странами требует стабильной политической среды и последовательной экономической политики. Ключевыми факторами, способствующими углублению двустороннего взаимодействия, являются формирование совместных инвестиционных фондов, внедрение программ льготного кредитования, модернизация платежной инфраструктуры, создание исследовательских центров и технопарков, а также подготовка квалифицированных кадров в обеих странах.

Заключение

Российско-китайские отношения прошли долгий путь от установления дипломатических связей в 1949 году до формирования всеобъемлющего стратегического партнерства в XXI веке. Исторически основой взаимодействия двух стран выступали политическая солидарность и взаимная поддержка в вопросах международной безопасности, однако в последние десятилетия ключевым драйвером сотрудничества стала экономика. В условиях глобальной экономической и политической неопределенности страны активно выстраивают механизмы стратегической координации, что способствует дальнейшему углублению их экономического партнерства.

Экономическое сотрудничество России и Китая демонстрирует устойчивую динамику, преодолевая внешние вызовы благодаря взаимодополняемости экономик: Россия обеспечивает поставки энергоресурсов и сырья, а Китай — машиностроительной продукции и товаров народного потребления, что подтверждается рекордным ростом товарооборота в последние годы. Перспективы финансового взаимодействия остаются многообещающими, и его углубление возможно за счет расширения сети дочерних структур российских банков, либерализации процедуры открытия корреспондентских счетов в КНР, а также разработки механизмов реинвестирования капитала в экономики обеих стран. Инвестиционное сотрудничество продолжает играть ключевую роль в таких отраслях, как энергетика, инфраструктура, металлургия и автомобилестроение [26].

Стратегическое партнерство России и Китая, сложившееся в ответ на вызовы западного доминирования, эволюционировало в устойчивую модель взаимодействия, основанную на взаимодополняемости экономик и общности политических интересов [14]. В условиях растущей глобальной неопределенности двусторонние отношения продемонстрировали исключительную устойчивость, достигнув высокого уровня доверия и глубокой координации по ключевым направлениям международной повестки. Дальнейшее укрепление этого союза будет зависеть от способности сторон противостоять внешним санкциям и совместно формировать архитектуру полицентричного мира, в котором

Россия и Китай смогут утвердиться в качестве равнозначных полюсов влияния [21].

Литература

1. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2023. — № 1 (58). — С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
2. В Госдуме сообщили о работе по расчетам с Китаем в цифровых валютах. — URL: <https://www.rbc.ru/finances/03/09/2024/66d644c09a79476361d35314> (дата обращения: 27.01.2025).
3. В список российско-китайских значимых проектов вошло астраханское производство техуглерода. — URL: <https://rupec.ru/news/53668/> (дата обращения: 25.01.2025).
4. Деточенко Л.В., Фесенко В.В. Анализ современных российско-китайских отношений в торгово-экономической сфере: особенности и перспективы развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. — Т. 26. — 2024. — № 1. — С. 141–151. — DOI: 10.15688/ek.volsu.1.12.
5. Ельникова Ю.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Мировая политика. — 2024. — № 3. — С. 9–20. — DOI: 10.25136/2409-8671.2024.3.71764.
6. Индекс А1. Российско-китайский инвестиционный индекс. — URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/68c2254b.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).
7. История российско-китайских экономических отношений. — URL: <https://tass.ru/info/17815083> (дата обращения: 27.01.2025).
8. «Казмунайгаз», «Сибур» и Sinorep подписали протокол о строительстве завода в Казахстане. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/20591173> (дата обращения: 03.02.2025).
9. Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира. — М.: Весь Мир, 2018. — 237 с.
10. Луконин С.А., Вахрушин И.В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций // Россия и АТР. — 2023. — № 1. — С. 160–180. — DOI: 10.24412/1026-8804-2023-1-160-180.
11. Межгосударственные отношения России и Китая. — URL: <https://ria.ru/20241002/diplomatiya-1975511197.html> (дата обращения: 01.02.2025).
12. Международные поездки. — URL: <http://archive.premier.gov.ru/visits/world/16692/info/16694/> (дата обращения: 23.01.2025).
13. Межправительственная Российско-китайская комиссия по инвестиционно-му сотрудничеству. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d16/mezhpravitelstvennaya_rossiysko_kitayskaya_komissiya_po_investicionnomu_sotrudnichestvu/ (дата обращения: 09.02.2025).
14. Мосяков Д.В. и др. Разворот на Восток как фактор укрепления влияния России в Азии / Мосяков Д.В., Шпаковская М.А., Понька Т.И., Данилов В.А. // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — Т. 24. — 2024. — № 2. — С. 181–191. — DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-2-181-191.
15. «Норникель» планирует перенести мощности Медного завода в Китай. — URL: <https://www.interfax.ru/business/957064> (дата обращения: 13.02.2025).
16. Об основных трендах развития торговли России и Китая. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ob-osnovnykh-trendakh-razvitiya-torgovli-rossii-i-kitaya/> (дата обращения: 04.02.2025).
17. Опубликовано Совместное заявление о плане развития ключевых направлений экономического сотрудничества до 2030 года. — URL: <https://russian.news.cn/20230322/cc99720154194286aff0253b1b75aae6/c.html> (дата обращения: 30.01.2025).

18. Перспективы финансового сотрудничества России и Китая. — URL: <https://www.vedomosti.ru/analytics/trends/articles/2024/07/28/1052515-perspektivi-finansovogo-sotrudnichestva-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 02.02.2025).
19. Поднебесные технологии: какие проекты Россия развивает вместе с Китаем. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/665439809a7947f47f2527e2> (дата обращения: 01.02.2025).
20. Россия и Китай обновят перечень значимых проектов. — URL: <https://diritc.ru/en/5995-2/> (дата обращения: 12.02.2025).
21. Россия и Китай стоят на пороге нового этапа сотрудничества. — URL: <https://forumvostok.ru/news/rossija-i-kitaj-stojat-na-poroge-novogo-etapa-sotrudnichestva/> (дата обращения: 05.02.2025).
22. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. — URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/21b/Tekst-russkiy-_EAEU-alternate_-final.pdf (дата обращения: 05.02.2025).
23. Стрельцов Д. В., Торкунов А. В. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 67. — 2023. — № 4. — С. 5–16. — DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-4-5-16.
24. Товарооборот КНР и РФ за 2024 год превысил \$222 млрд. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/22624713> (дата обращения: 31.01.2025).
25. Торговые отношения России и Китая: потенциал роста. — URL: <https://roscongress.org/materials/torgovye-otnosheniya-rossii-i-kitaya-potentsial-rosta/> (дата обращения: 11.02.2025).
26. Cao Z. Sino-Russian Economic and Trade Cooperation and Countermeasures Analysis under the New Development Pattern // Russian Journal of Innovation Economics. — Vol. 11. — 2021. — No. 3. — P. 1183–1196. — DOI: 10.18334/vinec.11.3.112402.
27. China's Total Export & Import Values by Country / Region, December 2024 (in USD). — URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/f7e49e30-eaa3-4be4-b7ec-d660be5b8a9a.html> (accessed: 03.02.2025).
28. China's Total Export & Import Values by Country / Region, November 2023 (in USD). — URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/01258a9c-e0c7-4080-b9e9-9c5faec13281.html> (accessed: 03.02.2025).
29. Jiang Z. Russia's Economic Development Situation and Its Influence on Sino-Russian Economic and Trade Cooperation // International Journal of Global Economics and Management. — 2024. — No. 2 (2). — P. 158–162. — DOI: 10.62051/ijgem.v2n2.22.
30. Kluge J. Russia-China Economic Relations. Moscow's Road to Economic Dependence. — URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/research_papers/2024RP06_Russia-ChinaEconomicRelations.pdf (accessed: 02.02.2025).
31. Statistics. China's Total Export & Import Values by Country / Region. — URL: <http://english.customs.gov.cn/statics/report/preliminary.html> (accessed: 04.02.2025).
32. Turn to the East: China's Cargo Flow to Russia in 2023 and Challenges to the Transport System. — URL: <https://index1520.com/en/analytics/povorot-na-vostok-gruzopotok-kitaya-v-rossiyu-v-2023-godu-i-vyzovy-transportnoy-sistemy/> (accessed: 24.01.2025).

Потапов Юрий Борисович,

кандидат филологических наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Yury B. Potapov,

PhD (philology),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: ybpotapov@yandex.ru

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РОССИЙСКО-ИРАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СВЕТЕ ДОГОВОРА О ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПАРТНЕРСТВЕ

ON SOME ASPECTS OF RUSSIAN-IRANIAN RELATIONS IN THE LIGHT OF THE COMPREHENSIVE STRATEGIC PARTNERSHIP AGREEMENT

Аннотация: статья посвящена анализу ряда аспектов российско-иранских отношений в свете Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 17 января 2025 года. Подчеркивается, что за прошедшую четверть века с подписания предыдущего Договора от 2001 года Россия и Иран стали тесными партнерами на международной арене, плодотворно сотрудничая в решении многих региональных и глобальных проблем. Отмечается, что Договор заложил прочную основу для всестороннего взаимодействия двух стран практически во всех сферах и наметил ориентиры для достижения поставленных целей. Основное внимание уделяется перспективам и возможным проблемам двустороннего сотрудничества в двух областях — внешнеполитической и торгово-экономической, при этом указывается на подходы иранской стороны к некоторым проблемам, которые отличаются от российской позиции.

Ключевые слова: договор, всеобъемлющее партнерство, двусторонние отношения, торгово-экономическое сотрудничество.

Abstract: the article analyzes a number of aspects of Russian-Iranian relations in the light of the Comprehensive Strategic Partnership Agreement of January 17, 2025. It is emphasized that over the past quarter century since the signing of the previous Agreement in 2001 Russia and Iran have become close partners in the international arena, cooperating fruitfully in solving many regional and global problems. It is noted that the Agreement laid a solid foundation for comprehensive cooperation between the two countries in almost all areas and outlined guidelines for achieving the goals set. The main focus is on the prospects and possible problems of bilateral cooperation in two areas — foreign policy and trade and economic, while pointing to the approaches of the Iranian side to some issues that differ from the Russian position.

Key words: treaty, comprehensive partnership, bilateral relations, trade and economic cooperation.

Введение

17 января 2025 года в Москве по завершении переговоров президентов В. Путина и М. Пезешкиана был подписан Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, который, несомненно, может считаться знаменательной вехой в развитии двусторонних отношений. Значение Договора, прежде всего, заключается в том, что он, как это вытекает из его названия, выводит российско-иранские отношения на уровень стратегического взаимодействия. Важность Договора состоит также в том, что в нем стороны закрепили свое намерение развивать двустороннее сотрудничество именно как всеобъемлющее партнерство, охватив максимально возможный спектр областей взаимодействия, начиная с координации действий на региональном и международном уровнях, продолжая углублять торгово-экономическую кооперацию и завершая расширением контактов в гуманитарной сфере, иными словами, в нем, как отметил Президент России В. Путин, «намечены ориентиры по углублению двустороннего сотрудничества на долгосрочную перспективу в политике и безопасности, в торгово-инвестиционной, гуманитарной областях» [12].

Цель данной статьи — провести анализ некоторых актуальных аспектов наиболее перспективных направлений российско-иранского сотрудничества в свете заключенного Договора, ограничившись двумя основными сферами — внешнеполитической и торгово-экономической, уделив при этом основное внимание реализации планов с учетом возможных проблем, прежде всего связанных с подходами иранской стороны.

Такое ограничение в выборе направлений для анализа обусловлено тем, что Договор — масштабный и емкий документ, рассмотрение которого в рамках одной статьи представляется сложным и нецелесообразным. При выборе актуальных аспектов мы сконцентрировались на тех областях, которые, на наш взгляд, являются наиболее важными в настоящее время для российско-иранского сотрудничества, как на ближайшую перспективу, так и в долгосрочном плане. Исходя из вышесказанного, мы ограничились вопросами взаимодействия Российской Федерации и Исламской Республики Иран в сфере укрепления международной и региональной безопасности, а также теми областями торгово-

экономического сотрудничества, которые уже имеют определенные реальные достижения и хорошие перспективы в случае реализации достигнутых договоренностей, а именно энергетикой и международными транспортными коммуникациями.

О преемственности российско-иранских договоров

Подписанию и согласованию Договора предшествовала большая и длительная работа в течение примерно пяти лет, которая значительно активизировалась за последние три года, после визита в Москву в январе 2022 года Президента Э. Раиси, когда, собственно говоря, иранцы и передали его проект нашей стороне. Ради объективности следует признать, что идея такого договора обсуждалась с Москвой еще ранее, при правительстве Х. Роухани. Однако на том момент сложилось впечатление, что иранская сторона, озвучив это предложение, не очень спешила его реализовывать, так как, очевидно, надеялась, что ей удастся возродить Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), отменить антииранские санкции и тем самым возобновить широкомасштабное сотрудничество с Западом, прежде всего с Евросоюзом. Однако этим надеждам не суждено было сбыться, что и вынудило Тегеран уделять гораздо больше внимания расширению сотрудничества на азиатском треке, прежде всего с Китаем [4], с которым в марте 2021 года было подписано аналогичное соглашение о стратегическом партнерстве сроком на 25 лет. На российском направлении Иран также активизировался, передав проект Договора и начав практическую работу по его финализации, что и завершилось подписанием документа в январе 2025 года.

Конечно, при подготовке нового Договора соблюдался принцип преемственности и учитывалась вся ранее наработанная и действующая договорно-правовая база между двумя странами и, прежде всего, Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества от 21 марта 2001 года. На наш взгляд, два важных документа, подписанных в XXI веке, между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран (ИРИ) — Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества от 21 марта 2001 года и Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве от 17 января 2025 года — являются взаимо-

связанными, что вполне естественно, поскольку оба договора отражают определенное согласие сторон о взаимодействии как в двустороннем плане, так и на международной арене. Однако эти договоренности были достигнуты на различных исторических отрезках развития каждой из стран и мирового сообщества в целом. Поэтому утверждать, что последний Договор является «обновленной» версией более старого Договора, как это делают некоторые иранские представители, в частности официальный представитель МИД Ирана И. Багаи [14], представляется не совсем корректным.

Главное, что говорит о принципиальном отличии Договора от 2025 года — это содержание нового документа, который был подписан почти спустя четверть века и, естественно, был призван отразить те огромные изменения, которые произошли внутри двух стран и в мировой политике. Да и само название договоров свидетельствует об их существенном различии. В Договоре от 2001 года говорится об «основах взаимоотношений и принципах сотрудничества», а в Договоре от 2025 года — о «всеобъемлющем стратегическом партнерстве».

Представляется уместным пояснить, почему в старом Договоре речь шла именно об основах взаимоотношений, то есть о том, на каких принципах стороны собирались выстраивать свое сотрудничество. Дело в том, что подписанию этого Договора предшествовал очень непростой период в отношениях Москвы и Тегерана. После победы Исламской революции в Иране в феврале 1979 года страна практически в самом начале своего существования, в 1980 году, была вынуждена вступить в восьмилетнюю войну с Ираком, в которой, как это постоянно подчеркивают иранские официальные лица, Багдад пользовался поддержкой многих стран, включая и Советский Союз в то время, а Иран находился в изоляции из-за американских санкций и опирался только на свои силы. Почти одновременно с этим (в декабре 1979 г.) СССР в целях поддержки правящего режима в борьбе против моджахедов ввел ограниченный воинский контингент в соседний Афганистан. Нахождение советских войск на афганской территории и их участие в боевых действиях против вооруженной оппозиции, что привело к появлению в Иране нескольких миллионов афганских беженцев, крайне негативно воспринималось в Ира-

не, в том числе и его духовным лидером (рахбаром) аятоллой Р. Хомейни, и было сильным раздражителем в отношениях между Тегераном и Москвой. Вывод советских войск из Афганистана в феврале 1989 году в определенной степени снял эту напряженность. Иран же после изнурительной и длительной войны с Ираком, которая сильно истощила экономику страны, приступил к восстановлению своего экономического и военного потенциала и рассчитывал в этом на помощь других стран. С этой целью после смерти Р. Хомейни в июне 1989 года и прихода к власти нового руководства (рахбаром стал аятолла А. Хаменеи, а Президентом А. Хашеми Рафсанджани) Иран начал пересматривать свою внешнюю политику и выстраивать отношения с соседними государствами на прагматичной основе. Этот подход преобладал и в отношениях с Российской Федерацией, с которой в 90-е годы прошлого века начали активизироваться контакты в различных областях, в том числе и по линии военно-технического сотрудничества, что и привело в итоге к подписанию Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ в марте 2001 года в ходе визита Президента Ирана М. Хатами в Москву.

Говоря о взаимосвязи двух базовых российско-иранских договоров, следует признать, что новый Договор, естественно, в чем-то повторяет старый Договор. Это относится к положениям общего характера, которые нашли свое отражение в преамбуле — стремление развивать двусторонние отношения в различных областях в интересах обоих государств, решать международные проблемы в соответствии с Уставом ООН, соблюдать нормы международного права и т.д. Преемственность Договора от 2025 года видна и в выделении многих основных направлений взаимодействия двух стран, таких как транспорт, энергетика, мирное использование атомной энергии, промышленность, сельское хозяйство, здравоохранение и т.д., которые были обозначены и в старом Договоре от 2001 года. В качестве доказательства взаимосвязи двух договоров можно привести положение о действиях, если одна из сторон подвергнется агрессии, которое привлекло большое внимание отечественных и зарубежных аналитиков, особенно в свете и в сравнении с заключенным в июне прошлого года Договором о всеобъемлющем

стратегическом партнерстве с КНДР, где имеется аналогичный пункт, но с другим содержанием.

Речь идет о статье 3.3, которая гласит: «В случае если одна из Договаривающихся Сторон подвергнется агрессии, другая Договаривающаяся Сторона не должна оказывать никакой военной или иной помощи агрессору, способствующей продолжению агрессии, и будет содействовать тому, чтобы возникшие разногласия были урегулированы на основе Устава Организации Объединенных Наций и других применимых норм международного права» [6]. В Договоре от 2001 г. статья 3 изложена практически в аналогичной редакции: «В случае если одна из Сторон подвергнется агрессии со стороны какого-либо государства, другая Сторона не должна оказывать никакой военной или иной помощи агрессору, способствующей продолжению агрессии, и будет содействовать тому, чтобы возникшие разногласия были урегулированы на основе Устава Организации Объединенных Наций и норм международного права» [5].

Тем не менее, несмотря на определенную и естественную преемственность между двумя документами, Договор от 2025 года, на наш взгляд, является практически новым соглашением, так как его статьи, в том числе повторяющие по своему названию разделы Договора от 2001 года, прописаны гораздо более детально с учетом сложившихся за последнюю четверть века реалий, не говоря уже о том, что в тексте появились и новые области сотрудничества.

Одной из таких реалий, в частности, явилось принятие СВПД в 2015 году, в подготовке которого Россия как один из подписантов принимала самое активное участие. В дальнейшем, после выхода США из этого соглашения в 2018 году, российская сторона постоянно поддерживала восстановление СВПД в ходе двусторонних переговоров на высшем и высоком уровнях, а также в рамках международных организаций и многосторонних консультаций, как это имело место, например, на трехсторонней встрече на уровне заместителей министров иностранных дел РФ, КНР и ИРИ в середине марта сего года в Пекине. Такая неизменная и принципиальная позиция, несомненно, положительно оценивалась иранской стороной, что явилось одной из предпосылок заключения Договора от 2025 года.

**Приоритетные направления сотрудничества
Российской Федерации и Исламской Республики Иран в свете
Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве**

Если в целом характеризовать Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, то его можно условно разделить на три больших блока: вопросы международной безопасности и военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействие в торгово-экономической области, сотрудничество в гуманитарной сфере.

Рассматривая новый Договор между Россией и Ираном и его значение для будущего развития двустороннего сотрудничества, представляется целесообразным сделать несколько комментариев. Прежде всего, следует отметить, что это базовый и рамочный документ, в котором намечены основные ориентиры на длительную перспективу, и для достижения поставленных целей обеим странам предстоит сделать очень многое. На встрече с Заместителем Председателя Правительства России А. Оверчуком, который находился 17–18 февраля 2025 года в Тегеране для участия в III Каспийском экономическом форуме, об этом, в частности, заявил Президент М. Пезешкиан, сказав, что в Договоре «хорошо прочерчены направления стратегического сотрудничества и взаимодействия двух стран, и его выполнение должно занимать важное место в рабочих планах ответственных лиц двух стран» [16]. В ходе совместной работы могут появляться проблемы и разногласия, различные подходы, в том числе и с иранской стороны, о чем более подробно будет сказано далее.

Не стоит также впадать в эйфорию и полагать, что этот Договор пользуется всесторонней поддержкой в очень поляризованном иранском обществе и политических кругах, которые стоят на диаметрально противоположных позициях — от реформизма и умеренных взглядов до консерватизма и фундаментализма. Причем среди тех и других есть как сторонники, так и противники расширения связей с Россией или лица, в том числе официальные, поддерживающие сотрудничество с Москвой, но с определенными оговорками и обозначением собственной прагматичной позиции, которая может сильно отличаться в своей трактовке от российского подхода.

Различия в подходах могут наблюдаться прежде всего в положениях, касающихся ряда внешнеполитических вопросов и связанных с ними некоторых фундаментальных позиций. В качестве подтверждающего данный тезис примера можно привести статью 3.1 Договора, где в том числе говорится о том, что стороны «укрепляют свои отношения на основе...территориальной целостности» [6]. Для иранской стороны соблюдение данного принципа очень важно, прежде всего, в связи с давним спором с ОАЭ относительно принадлежности трех островов (Абу-Муса, Большой Томб и Малый Томб), находящихся в Ормузском проливе — стратегически важном районе, который является выходом из Персидского залива в Индийский океан.

Подтверждая свой суверенитет над вышеупомянутыми островами, Иран очень негативно относится к любым попыткам его оспорить в каких-либо документах, как это имело место, например, в Совместном заявлении по итогам шестого министерского заседания стратегического диалога Россия — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в июле 2023 года в Москве, в котором выражалась поддержка усилий ОАЭ по достижению мирного решения данного спора путем проведения двусторонних переговоров или посредством обращения в Международный Суд ООН. Посол России в Иране А. Дедов в связи с этим был вызван в МИД ИРИ, где ему был заявлен протест. Кстати, аналогичный инцидент имел место позднее и в отношениях Ирана и Евросоюза, когда в заявлении по итогам заседания ЕС–ССАГПЗ в октябре 2024 года Иран был назван «оккупантом» этих трех островов. Посол Венгрии, страны, которая на тот момент председательствовала в ЕС, был незамедлительно вызван в МИД ИРИ, где ему был заявлен решительный протест по этому вопросу [19].

В то же время положение о территориальной целостности в отношении очень чувствительного для России вопроса о новых территориях некоторыми иранскими аналитиками, которые ссылаются при этом на неназванный и осведомленный государственный источник, преподносится совсем в другом ключе, когда утверждается, что статья 3.1 «не включает в себя официальное признание Крыма и других спорных с Украиной территорий» [18]. А уже официальное лицо — заместитель министра ино-

странных дел Ирана по экономической дипломатии С.Р. Мохаджер, заявив о том, что «Иран — полностью независимая страна в мире», и подтверждая свои слова, обращает внимание на то, что «мы (Иран), например, официально признаем территориальную целостность таких стран, как Украина и страны в Закавказье, и имеем свои соображения, несмотря на очень хорошие отношения с Россией» [17]. В то же время иранская сторона, как подчеркнул Президент М. Пезешкиан на пресс-конференции по итогам российско-иранских переговоров, приветствует политическое урегулирование вопроса между Украиной и Россией [12]. А министр иностранных дел России С. Лавров, комментируя результаты переговоров в Тегеране в конце февраля сего года, отметил иранскую «взвешенную позицию, основанную на понимании первопричин украинского кризиса и связанных с ним российских озабоченностей, касающихся в первую очередь обеспечения нашей безопасности» [3]. Таким образом, налицо прагматичный подход в понимании некоторых аспектов территориальной целостности, которые российской стороне необходимо учитывать.

При упоминании Украины следует отметить, что урегулирование конфликта и прекращение специальной военной операции (СВО), особенно с учетом возобновления российско-американских консультаций, также может оказать влияние на будущие отношения Тегерана и Москвы, по мнению ряда иранских экспертов. Они обоснованно полагают, что с началом СВО развитие российско-иранского сотрудничества получило сильный импульс и приоритетный характер — Россия в условиях значительно ужесточившихся санкций Запада стала уделять гораздо больше внимания расширению взаимодействия с Ираном, который, в свою очередь, также стремился нарастить и использовать кооперацию с Москвой для обхода антииранских рестрикций. Активизация же диалога Москвы и Вашингтона, как опасаются некоторые иранские аналитики, одной из основных целей которого является урегулирование украинского конфликта, может, в случае его успешного завершения, снизить уровень отношений между Россией и Ираном [15].

Если же перейти непосредственно к приоритетным областям сотрудничества России и Ирана, прежде всего на внешнеполитическом и региональном направлениях, обозначенных в новом

Договоре (ст. 12), то следует отметить, что российско-иранское сотрудничество в Каспийском регионе, Центральной Азии, Закавказье, на Ближнем Востоке имеет большое значение, особенно это относится к их взаимодействию, целью которого является «предотвращение вмешательства в указанный регион и дестабилизирующего присутствия там третьих государств» [6]. Такое подрывающее региональную стабильность присутствие внерегиональных игроков начинает проявляться в Армении, где явно обозначился крен в сторону Запада, что выражается в фактическом выходе этой страны из Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), расширении сотрудничества Еревана с ЕС и США, в том числе и в военной области. В частности, в январе 2025 года, еще при старой администрации, США и Армения подписали Хартию о стратегическом партнерстве, в которой предусматривается продолжить контакты по военной линии, включая участие армянских военнослужащих в образовательных программах и т.п. [2, с. 35].

Для Ирана Армения важна, прежде всего, как экономический партнер, которому Тегеран ежегодно поставляет трубопроводный газ в объеме примерно $2,2 \text{ м}^3$ [2, с. 37]. В случае дальнейшего расширения сотрудничества с Западом у Еревана под угрозой санкций могут потребовать ограничить или прекратить эти поставки. Кроме того, может появиться еще одна проблема. Если Баку при поддержке Анкары, воспользовавшись сложившейся ситуацией и слабостью правительства Н. Пашиняна, сумеет реализовать идею Зангезурского коридора, который должен напрямую через армянскую территорию связать Азербайджан с его эксклавом Нахичеванью, то тем самым Иран будет фактически отрезан от наземного сообщения с Арменией, что, естественно, не отвечает его интересам. Поэтому ИРИ так же, как и Россия, заинтересована в нормализации отношений между Арменией и Азербайджаном и сохранении международно признанных границ.

Вопросы поддержания стабильности и сохранения существующих границ в Закавказье постоянно обсуждаются в ходе межмидовских переговоров России и Ирана, как это имело место в феврале и апреле сего года. Кроме того, эта тематика является предметом переговоров и в рамках многосторонних механизмов, таких как Консультативная региональная платфор-

ма «3+3», которая включает в себя три южнокавказские страны (Азербайджан, Армения, Грузия) и три соседние государства (Россия, Иран и Турция) и способна содействовать улучшению отношений между Азербайджаном и Арменией и подписанию мирного договора между ними.

Соседний с Закавказьем Каспийский регион также является районом, где Российская Федерация и ИРИ подтвердили свое противодействие дестабилизирующему внерегиональному вмешательству, заявив в ст. 19.1 Договора от 2025 года о сотрудничестве «на основе принципа неприсутствия¹ на Каспийском море вооруженных сил, не принадлежащих прибрежным государствам» [6]. Не надо забывать, что Россия и Иран исторически являлись двумя основными и единственными державами, которые господствовали на Каспии и стремились юридически оформить свои взаимоотношения в этом регионе. В качестве подтверждения можно назвать Договор о торговле и мореплавании между СССР и Ираном от 25 марта 1940 года, который, например, в Договоре от 2001 года (ст. 12) был признан в качестве «правовой основы, регулирующей деятельность на Каспии» [5], а в преамбуле нового Договора от 2025 года упоминается наряду с другими базовыми документами, которые «заложили прочный правовой фундамент двусторонних отношений» [6].

Сирия является еще одной страной, где Россия, Иран и Турция ранее успешно сотрудничали в рамках Астанинского формата, что позволило им в определенной степени решить эту острейшую международную проблему, перед лицом которой все международные институты оказались бессильными [8]. Разумеется, сейчас ситуация в Сирии вновь обострилась и остается крайне неопределенной, тем не менее Москва и Тегеран могут продолжать взаимодействовать, налаживая связи с новыми властями в Дамаске и «оказывая поддержку в вопросах нормализации обстановки, оказания неотложной гуманитарной помощи и запуска полноформатного постконфликтного восстановления» [12]. Россия и Иран могут координировать свои усилия, направленные на поддержку реализации резолюции прошедшего

¹ С учетом того, что первоначальный вариант Договора был составлен иранской стороной и принят за основу, в русском варианте иногда встречаются не совсем корректные понятия, например «неприсутствие», которое является буквальным переводом персидского оборота «*adam-e hozur*».

в феврале сего года Всесирийского национального конгресса, которая призывает к тому, чтобы дальнейшая работа по улучшению ситуации в стране и созданию условий для социально-экономического развития Сирии проходила транспарентно и с участием всех политических и этноконфессиональных сил.

Для Ирана установление контактов с нынешним сирийским руководством важно как с политической, так и с экономической точки зрения. Дело в том, что неожиданное падение в декабре 2024 года в Сирии режима Б. Асада, ближайшего союзника Ирана на Ближнем Востоке, большинством аналитиков в первую очередь рассматривается под тем углом зрения, что из так называемой региональной «оси сопротивления» (Тегеран — Багдад — Дамаск — Бейрут), внешнеполитической концепции руководства ИРИ, которую оно проводило в регионе в жизнь последние десятилетия, в лице Сирии выпало важное звено, обеспечивавшее связь Ирана с движениями «Хезболла» в Ливане и ХАМАС в Палестине. При этом значение экономической составляющей в ирано-сирийских связях отходит как бы на второй план. А ведь на Дамаск как на важного торгового партнера и потенциального транзитера, обеспечивавшего в перспективе Ирану выход к Средиземному морю, Тегеран возлагал большие надежды как в расширении двусторонних связей, так и в развитии регионального сотрудничества в рамках вышеупомянутой «оси сопротивления» [подробнее см.: **10**, с. 45–46]. Разрабатывались планы и предпринимались шаги по вхождению иранских компаний в разные секторы экономики Сирии, которая сильно пострадала в результате гражданской войны и нуждалась в восстановлении и реконструкции. С этой целью делались инвестиции в сирийскую экономику, например иранская компания, производитель автомобилей Saipa, вложила 50 млн долл. в строительство автозавода на территории Сирии, который был запущен в эксплуатацию в 2007 году, а сейчас судьба этого проекта, как и ряда других инвестиций, находится под большим вопросом.

Помимо Сирии на Ближнем Востоке есть еще ряд горячих точек — Палестина, Ливан и Йемен, по решению конфликтов в которых Россия и Иран взаимодействуют, поддерживая шаги по урегулированию арабо-израильского противостояния и выполнению соответствующих резолюций ООН.

Хотелось бы также упомянуть еще одну страну — Афганистан, по урегулированию ситуации в которой Иран и Россия тесно сотрудничали и сотрудничают как в двустороннем формате, так и рамках многосторонних механизмов: Московского формата консультаций по Афганистану и Региональной контактной группы по Афганистану. В настоящее время обстановка в стране в целом стабилизировалась: талибам удалось взять ситуацию под контроль, наладить и поддерживать регулярные контакты как с Ираном, так и с Россией. Отношение к движению «Талибан» меняется, признанием чего явилось решение Верховного Суда РФ исключить его из списка террористических организаций.

Если рассматривать в целом взаимодействие Российской Федерации и ИРИ на внешнеполитическом направлении, то следует отметить, что блок статей, посвященных вопросам российско-иранского сотрудничества в области противодействия вызовам и угрозам, занимает большое место в Договоре от 2025 года. Речь идет о взаимодействии как в двустороннем формате, так и по линии международных организаций (ШОС, БРИКС).

Особо хотелось бы выделить военное сотрудничество между Россией и Ираном (ст. 5) — область, которая никак не была отражена в Договоре от 2001 года. В этой области есть постоянно действующий и координирующий орган — Рабочая группа по военному сотрудничеству, которая курирует целый ряд направлений. Прежде всего, следует назвать непосредственно боевую и оперативную деятельность в сфере противодействия общим военным угрозам и угрозам безопасности двустороннего и регионального характера (ст. 5.4) — это боевые действия, проводившиеся против террористических группировок в Сирии, проведение совместных операций против пиратства и вооруженного разбоя на море, а также операций по оказанию помощи и спасению, проведение совместных учений. Рабочая группа курирует также осуществление контактов в области обмена опытом, которые включают в себя обмен делегациями, заходы военных кораблей и судов в порты друг друга, подготовку кадров, обмен курсантами и преподавателями, участие в профильных выставках, спортивных соревнованиях и других подобных мероприятиях (ст. 5.2) [6].

С сотрудничеством России и Ирана в непосредственно военной сфере тесно связана их кооперация в области военно-

технического сотрудничества (ВТС) (ст. 6). Здесь также есть соответствующие рабочие органы, которые на ежегодной основе проводят заседания в целях координации своей деятельности и дальнейшего расширения ВТС. Взаимодействие по линии ВТС важно с двух точек зрения: во-первых, здесь идет также обмен опытом в ходе передачи технологий и освоения продаваемых образцов боевой техники и вооружения, и во-вторых, что гораздо существенней, экономическая составляющая ВТС выходит на первый план и может занимать большое место в объеме двустороннего товарооборота. Конечно, область ВТС достаточно закрытая и конфиденциальная, но тем не менее сами иранцы, например, сообщили о приобретении Ираном российских ударных вертолетов Ми-28, истребителей Су-35 и учебно-боевых самолетов Як-130, что позволяет некоторым экспертам сделать вывод о том, что Иран в 2024 году стал третьим по величине после Китая и Индии импортером дорогостоящего российского вооружения [13].

Если же мы заговорили об объеме товарооборота, то логично перейти к торгово-экономическому сотрудничеству Российской Федерации и ИРИ в целом, которое, несомненно, занимает важное место в Договоре о всеобъемлющем стратегическом партнерстве, что вполне объяснимо. Обе страны, пользуясь хорошими политическими контактами и взаимопониманием по ряду актуальных мировых проблем и находясь под жесточайшими санкциям Запада, стремятся в первую очередь значительно нарастить объемы своей кооперации именно в этой области, которая явно отстает от уровня партнерства в области внешней политики. Торгово-экономическое взаимодействие России с Ираном, как отметил Президент России В. Путин, сравнив его с сотрудничеством с некоторыми другими странами, которые, обладая значительно меньшим экономическим и демографическим потенциалом, имеют товарооборот с Российской Федерацией в разы больше, «не отвечает, безусловно, нашим возможностям» [12].

И, действительно, если посмотреть соответствующую статистику, то пока в целом вырисовывается не очень оптимистичная картина. Долгие годы, до начала 2020-х годов, объем годового товарооборота России и Ирана стабильно находился в пределах 2 млрд долл., затем начался постепенный рост с определенными

колебаниями, который достиг отметки 4 млрд долл. А ведь предыдущий Президент Ирана Э. Раиси в ходе его первого визита в Москву в январе 2022 года говорил о стремлении сторон нарастить этот показатель до 10 млрд долл., иными словами, увеличить его в 2,5 раза. Насколько реальна и достижима эта цель?

В ходе состоявшихся в Москве в январе сего года российско-иранских переговоров на высшем уровне, а также в новом Договоре от 2025 года названы приоритетные и перспективные направления торгово-экономического сотрудничества Российской Федерации и ИРИ, которые могут помимо ВТС стать реальными драйверами роста в данной сфере. Прежде всего, следует выделить две основные области — топливно-энергетический комплекс (ТЭК) и транспорт.

В области ТЭК надо назвать, прежде всего, электроэнергетику и ее атомную отрасль, где реализуется масштабный и флагманский совместный проект по строительству АЭС «Бушер», один блок которой уже запущен в эксплуатацию, а в настоящее время, несмотря на определенные сложности с платежами, ведутся работы по сооружению двух новых блоков силами «Росатома» и иранских компаний, на долю которых приходится 80% строительных работ [12]. Данный проект действительно можно охарактеризовать как флагманский, так как он является примером реальной и в целом успешной кооперации двух стран и может стать импульсом для дальнейшей работы российских компаний на иранском рынке и их участия в сооружении новых объектов ядерной энергетики (ст. 23). В связи с этим можно упомянуть объявленные иранской стороной планы по строительству ряда новых АЭС и намерение рассмотреть возможность привлечения российских подрядчиков, в частности, для сооружения АЭС «Сирик» в провинции Хормозган.

Другая область ТЭК — нефтегазовая отрасль — пока заметно отстает от ядерной энергетики. Как отметил Президент В. Путин, «есть и возможные направления сотрудничества в сфере нефти» [12]. Иными словами, есть перспективы, а также определенные наработки и опыт практически всех ведущих российских нефтегазовых компаний по планам войти в эту область иранской экономики и закрепиться в ней [подробнее см.: 11, с. 103–105]. Однако на данный момент, по сути дела, только одна компания

«ЗН Восток» занимается нефтедобычей на территории Ирана, а также внедрением российских технологий. В частности, в конце февраля 2025 года в присутствии посла России в Иране А. Дедова, гендиректора Иранской национальной нефтяной компании Х. Бурда и гендиректора компании «ЗН Восток» А. Исмагилова состоялась презентация ввода в эксплуатацию системы удаленного мониторинга за состоянием нефтяных скважин на месторождениях Абан, Западный Пайдар, Чешмех-Хош, Далпари, Восточный Пайдар [21].

А ведь сотрудничество Российской Федерации и ИРИ в нефтегазовой сфере, прописанное в ст. 22 Договора от 2025 года, реально имеет все шансы стать основой полномасштабного и рассчитанного на длительную перспективу взаимодействия, поскольку, с одной стороны, коммерческие контракты с иранской стороной на разработку нефтяных и газовых месторождений могут действовать 20–30 лет (особенно, если в них предусмотрено проведение геологоразведки и особенно актуальных для иранцев сейчас работ по повышению нефте- и газоотдачи на действующих месторождениях), а с другой стороны, такие контракты являются очень капиталоемкими (например, стоимость заключенного в марте 2018 года компанией «Зарубежнефть» и переданного позднее компании «ЗН Восток» контракта на разработку двух нефтяных блоков составляла 674 млн долл.) [11, с. 103–104].

Если говорить о сотрудничестве непосредственно в газовой отрасли, то здесь следует упомянуть интересный и весьма перспективный проект строительства газопровода из России в северные районы Ирана, о котором шла речь на пресс-конференции по итогам российско-иранских переговоров, где Президент В. Путин сказал, что, начав с поставок 2 млрд м³, можно довести объем поставок до 55 м³ в год [12]. Если для российской стороны выгода от идеи экспорта своего газа представляется вполне очевидной — у «Газпрома» появляется возможность диверсифицировать маршруты поставок и продавать часть газа, даже с низкой маржинальностью, который высвободился от прекращения экспорта в Европу, то для иранской стороны не всё так очевидно. Может возникнуть вопрос: зачем Ирану, занимающему 2-е место в мире по запасам газа, импортировать его? Дело в том, что газовая отрасль Ирана сталкивается с рядом проблем.

Основные разведанные запасы газа находятся на юге страны, преимущественно на шельфе (70–75% всех месторождений), что требует дополнительных расходов для его добычи. Приходится транспортировать газ на север по трубопроводу, мощности которого явно недостаточно для прокачки необходимых объемов. Кроме того, наблюдается падение давления в трубе, особенно в зимнее время, как это имело место в прошлом году, когда из-за этого происходило отключение газа в некоторых городах на северо-востоке страны.

Как отмечает гендиректор Иранской национальной газовой компании С. Таваколи, существует явный дисбаланс в потреблении газа. Например, объем потребляемого газа в иранском жилищном секторе в 4 раза превышает этот средний показатель в мире, а в зимний сезон 80% всего добываемого в стране газа тратится на нужды того же жилищного сектора, торговли и мелкой промышленности, вместо того чтобы направляться на экспорт, в нефтехимию и для обеспечения работы электростанций. Всё это приводит к тому, что из-за чрезмерного и нерационального потребления газа Иран вынужден зимой снижать на треть свои экспортные обязательства по газу [20]. Таким образом, с учетом сложившейся ситуации Тегеран в принципе заинтересован в поставках газа из России, если, конечно, будет решен вопрос его цены.

Сотрудничество России и Ирана в области транспорта тоже может стать еще одним локомотивом в развитии их взаимодействия. Речь идет о таком масштабном проекте, как международный транспортный коридор «Север — Юг». На данный момент самым актуальным является завершение строительства его западного маршрута, для чего необходимо проложить недостающее звено на территории Ирана — железную дорогу Решт — Астана протяженностью 162 км. В мае 2023 года между Россией и Ираном было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве по финансированию проектирования, строительства и поставок товаров и услуг для строительства этой железнодорожной ветки, в соответствии с которым российская сторона предоставит межгосударственный кредит в размере 1,3 млрд евро, который покроет основную часть расходов. Ожидается, что в первом полугодии текущего года будет подписан коммерческий контракт на реализацию этого проекта. Однако есть некоторые

сложности, связанные с выкупом или отчуждением земельных участков, которые будут выделены под строительство. Российская сторона настаивала на том, чтобы вся будущая трасса была предоставлена полностью в ее распоряжение для проведения инженерных изысканий и строительных работ. Иранская сторона пока не может это сделать, прежде всего из-за недостатка финансирования, о чем, кстати, шла речь на совещании у Президента М. Пезешкиана в ноябре 2024 года [22], поэтому идет по пути поэтапного приобретения участков и обещает закончить этот процесс до конца текущего года [1]. В связи с этим с целью избежать задержки в начале строительства в феврале 2025 года было подписано отдельное соглашение по опережающему производству инженерных изысканий [7].

Существует ряд и других перспективных направлений российско-иранской промышленной кооперации, которые обсуждались на встрече Заместителя Председателя Правительства России А. Оверчука с Президентом М. Пезешкианом 18 февраля 2025 года, в частности в области самолетостроения, совместной разработки и создания реактивных двигателей для пассажирских воздушных судов, а также в области производства автомобилей и налаживания крупноузловой сборки российских автомашин в Иране [9]. Эти крупномасштабные по объему инвестиций и рассчитанные на длительную перспективу проекты, находящиеся пока на стадии обсуждения, в случае их реализации также могут внести значительный вклад в расширение российско-иранского товарооборота.

Заключение

В заключение следует отметить, что подписанный в январе 2025 года Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран заложил прочный фундамент для дальнейшего развития их всестороннего сотрудничества. Можно сказать, что Договор демонстрирует огромный рывок, который за прошедшую четверть века совершили отношения двух государств, которые в начале XXI века наметили основы и принципы взаимоотношений в соответствующем Договоре от 2001 года, а в настоящее время закрепили статус стратегических партнеров. Новый Договор важен

еще и тем, что в нем зафиксированы основополагающие ориентиры, к которым должны стремиться стороны во всех областях. Как подчеркнул В. Путин, «этот по-настоящему прорывной документ нацелен на создание необходимых условий для стабильного и устойчивого развития России и Ирана, всего нашего Евразийского региона» [12].

Литература

1. Алексей Дедов: отношения с Ираном имеют прочную фундаментальную основу. — URL: <https://ria.ru/20250212/dedov-1998763287.html> (дата обращения: 24.02.2025).
2. Внешняя политика Армении на перепутье // Профиль. — 2025. — № 5–6. — С. 34–37.
3. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Исламской Республики Иран А. Аракчи (г. Тегеран, 25 февраля 2025 г., Иран). — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1999840 (дата обращения: 26.02.2025).
4. Галимзянова А. К. Взгляд Китая на многополярный мир // Дипломатическая служба. — 2023. — № 1. — С. 66–74.
5. Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3290> (дата обращения: 09.02.2025).
6. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6258> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Министры транспорта России и Ирана утвердили план отраслевого сотрудничества на 2025 год. — URL: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11722> (дата обращения: 24.02.2025).
8. Мозлов А. Т., Галимзянова А. К. Региональная безопасность и роль региональных игроков // Дипломатическая служба. — 2024. — № 4. — С. 355–362.
9. Оверчук и Пезешкиан обсудили сотрудничество в энергетике. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/23177049> (дата обращения: 20.02.2025).
10. Потапов Ю. Б. Региональная политика Ирана в условиях санкций // Восточный альманах. — М.: Квант Медиа. — 2020. — № 4. — С. 41–49.
11. Потапов Ю. Б. О перспективах экономического сотрудничества России и Ирана // Восточный альманах. — М.: Квант Медиа. — 2022. — № 6. — С. 100–110.
12. Пресс-конференция по итогам российско-иранских переговоров. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76126> (дата обращения: 18.01.2025).
13. Соглашение подписано: что даст России и Ирану стратегическое партнерство. — URL: <https://tass.ru/opinions/22906065> (дата обращения: 09.02.2025).
14. Anche az moahede-ye moshtarak-e jame-ye rahbordi-ye Iran va Rusiye midanim. — URL: <https://www.irna.ir/xjSDz7> (accessed: 19.01.2025).
15. “Donya-ye eqtesad” mowqeyat-e rahbordi-ye eqtesad-e Iran-ra dar erteбат ba eqtesadha-ye bozorg barresi kard // Donya-ye eqtesad. 25.01.2025. — № 6212.
16. Doktor Pезeshkian: emza-ye moahede-ye hamkari-ye jame-ye rahbordi miyan-e Iran va Rusiye az mohemtarin jelveh-e hamkari miyan-e do keshvar ast. — URL: <https://president.ir/fa/157594> (accessed: 19.02.2025).
17. Emza-ye moahede jame miyan-e Iran va Rusiye jahesh-e bozorgi dar rabete-ye do jame. — URL: <https://www.irna.ir/xjSCYS> (accessed: 25.01.2025).
18. Negahi az darun be tavafoq-e Iran va Rusiye. — URL: <https://donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-4144706> (accessed: 20.01.2025).
19. Panj parvande-ye siyaset-e xareji-ye Iran dar 2024. — URL: <https://donya-e-eqtesad.com/fa/tiny/news-4139574> (accessed: 22.01.2025).
20. Raf-e naterazi-ye gaz ba eslahat-e jedi dar masraf va towse-ye sanat-e gaz. — URL: www.shana.ir/news/654324/ (accessed: 20.02.2025).

21. Runamayi az samane-ye payesh-e afzayesh toolid panj meydan-e nafti. — URL: <https://irna.ir/xjSZmj> (accessed: 12.03.2025).
22. Takid-e doctor Pezeshkian bar tasri dar saxt-e koridor-e rili-ye Rasht–Astara. — URL: <https://president.ir/fa/155239> (accessed: 12.01.2025).

Шишков Василий Валерьевич,

кандидат политических наук,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва.

Vasiliy V. Shishkov,

Candidate of Political Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow.

E-mail: fh55@mail.ru

Хорошев Сергей Валерьевич,

старший преподаватель,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва.

Sergej V. Horoshev,

Senior Lecturer, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow.

E-mail: 20dekabr@mail.ru

ДИЛЕММА МИРШАЙМЕРА: ВОПРОС О ЯДЕРНОМ ОРУЖИИ ДЛЯ УКРАИНЫ В ДИСКУССИИ 1990-Х ГГ.

MEARSHEIMER'S DILEMMA: THE QUESTION OF NUCLEAR WEAPONS FOR UKRAINE IN THE 1990S DEBATE

Аннотация: в 1993 году журнал «Foreign Affairs» представил дискуссию по вопросу денуклеаризации Украины, в которой Дж. Миршаймер отстаивал тезис о том, что война между Россией и Украиной неизбежна, если только советское ядерное оружие, оставшееся на украинской территории, не будет сохранено в руках Киева. Такой конфликт станет серьезным вызовом для миропорядка, установившегося после холодной войны.

Вопросы стратегического сдерживания и применения ядерного оружия вновь на повестке дня, причем они напрямую связаны с конфликтом на Украине и определяют необходимость рассмотреть данное обсуждение и аргументацию оппонентов.

В статье анализируются содержание дискуссии и высказанные сторонами аргументы. Исследование позволило уточнить современные зарубежные представления о военном конфликте на Украине и его последствиях. Во многом они остаются в рамках дилеммы, представленной Миршаймером, согласно которой обеспечение безопасности России и Украины не находит позитивного решения.

Ключевые слова: Дж. Миршаймер, неореализм, наступательный реализм, стратегическое сдерживание, денуклеаризация Украины, национальная безопасность России, геополитические противоречия.

Abstract: in 1993, Foreign Affairs magazine presented a discussion on the denuclearization of Ukraine, in which J. Mearsheimer defended the thesis that nuclear weapons must be kept in Kiev's hands, arguing that otherwise war between Russia and Ukraine was inevitable.

The issues of strategic deterrence and the use of nuclear weapons are back on the agenda, and they are directly related to the conflict in Ukraine. These circumstances make it necessary to examine this discussion and the arguments of the opponents.

The article analyzes the content of the discussion and the arguments expressed by the parties. The study has clarified contemporary foreign perceptions of the military conflict in Ukraine and its consequences. In many respects they remain within the framework of the dilemma presented by Mearsheimer, according to which ensuring the security of Russia and Ukraine does not find a positive solution.

Key words: J. Mearsheimer, neorealism, offensive realism, strategic deterrence, denuclearization of Ukraine, Russian national security, geopolitical contradictions.

Введение

17 октября 2024 года на полях саммита ЕС В. Зеленский заявил, что единственной альтернативой вступления Украины в НАТО является наличие у Киева ядерного оружия. Ранее, на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2022 года, Зеленский уже делал подобное заявление о стремлении Украины отказаться от безъядерного статуса. Данные выступления существенно подрывают стратегическую стабильность и представляют угрозу национальной безопасности России. Закономерным результатом стратегии стран Запада и Украины, направленной против России, стала специальная военная операция.

Вопросы стратегической стабильности имеют исключительно важное значение для обеспечения национальной безопасности России, поскольку связаны с реализацией жизненно важных интересов. Россия заинтересована в такой системе международных отношений, в которой вызовы и угрозы стратегической стабильности, безопасности и интересам России были бы сведены к минимуму.

В основе конфликта на Украине — стремление США и их союзников диктовать свои условия России в вопросах внешней политики и политики национальной безопасности. Такой курс разрушителен для системы международных отношений, основанной на равном обеспечении безопасности всех участников и международной безопасности в целом.

События последних лет, связанные с Украиной, демонстрируют концептуальные различия в понимании вопросов международной безопасности в Москве и в Вашингтоне. Политический истеблишмент США пытается проводить политику односторон-

него диктата по вопросам двухсторонних отношений, включая вопросы безопасности, исключительно в своих интересах. Следует подчеркнуть, что данная политика Америки имеет долгосрочный характер и отличается преемственностью от одной администрации Белого дома к другой. В основе такой стратегической линии находятся представления Вашингтона о своем лидерстве в системе международных отношений и превосходстве по отношению к другим государствам. США получили возможность реализовывать данный подход к международным отношениям после краха биполярной системы, связанного с кризисом и распадом СССР.

Дискуссии, прошедшие в 1990-е годы в политических кругах США с участием ведущих представителей научно-экспертного сообщества, во многом предопределили стратегию реализации политики США по установлению своего глобального лидерства. Важной составляющей данных обсуждений стал вопрос о ядерном оружии Советского Союза, размещенном на территории Украины.

Следует сказать, что в современных условиях данный вопрос и дискуссия вокруг него требуют отдельного внимания. Вопросы стратегического сдерживания и применения ядерного оружия вновь на повестке дня, причем напрямую связаны с конфликтом на Украине. Международные договоры об ограничениях в сфере стратегических вооружений и оружия массового поражения теряют свою силу. При этом у границ России разворачивается военная инфраструктура НАТО, и всё более вероятно размещение США новых стратегических вооружений в Европе и Тихоокеанском регионе.

В связи с этим Россия вынуждена, согласно поручению Президента В.В. Путина, прозвучавшему в ходе заседания постоянного совещания Совета безопасности Российской Федерации по ядерному сдерживанию 25 сентября 2024 года, внести коррективы в «Основы государственной политики в области ядерного сдерживания»¹. Данные обстоятельства определяют необходимость детального анализа позиции главных адресатов российской политики сдерживания — США и их союзников. Дискуссия о ядерном статусе Украины, прошедшая в 1990-х годах, предоставляет возможность более полного понимания взглядов политического ис-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

теблишмента Вашингтона, исследователей и экспертов по стратегии в отношении России и постсоветского пространства.

В начале 1990-х годов американский политолог, профессор Чикагского университета, специалист по международным отношениям Дж. Миршаймер публикует ряд работ, в которых рассматриваются проблемы международных отношений после распада Советского Союза и завершения холодной войны с точки зрения неореалистского подхода. Среди данных работ особо следует выделить статью, посвященную проблеме ядерного статуса Украины, в которой исследуется перспектива российско-украинского конфликта.

С учетом данного обстоятельства в настоящей статье исследовательское внимание сосредоточено на проблеме последствий решения о безъядерном статусе Украины для международных отношений на постсоветском пространстве. В связи с этим целью статьи выступает анализ взглядов и аргументации Миршаймера и специалиста по вопросам международной безопасности С.Е. Миллера, его оппонента по данному вопросу. Также в данной работе анализируется прогностический потенциал неореалистского подхода в теории международных отношений на примере дискуссии о ядерном оружии на территории постсоветской республики.

Представляется, что настоящее исследование позволит уточнить и оценить позиции, сложившиеся в научном и экспертном сообществе США по данной проблеме в концептуальном и практическом отношениях.

Материалы и методы

Представленный в данной работе анализ дискуссии о проблеме ядерного статуса Украины обращается к неореалистскому подходу в теории международных отношений.

Основы неореализма как одного из влиятельных направлений современной теории международных отношений представлены работах американского политолога К. Уолтца [19; 22]. Неореалисты в целом склонны считать, что ядерное оружие выступает системным фактором, обеспечивающим стабильность международных отношений. При этом необходимо сказать, что такие представители неореалистского направления, как Дж.Л. Гэддис

и Р. Гилпин, придерживаются противоположной позиции [9; 10], указывая на самостоятельное значение политических обстоятельств, таких как, например, борьба за гегемонию.

Особо следует выделить публикации Миршаймера данного периода, в которых находит выражение понимание самого исследователя о международных отношениях и их специфике в постбиполярный период [12–14]. В данных публикациях наглядно представлены идеи ученого об анархической природе международных отношений и значения государственной мощи, составляющие смысловое ядро наступательного реализма.

Необходимо также указать на то, что неореализм является предметом внимания отечественных исследователей, среди которых следует выделить работы В.Н. Конышева, А.В. Фененко, П.А. Цыганкова и других [3; 5; 6]. Если для отечественной политической науки конца XX века характерна критическая оценка данного направления западной теории международных отношений, то современные исследователи представляют более взвешенный анализ эвристического потенциала неореализма.

Кроме того, специфика поднимаемого вопроса определила внимание к проблемам ядерного сдерживания и нераспространения ядерного оружия, представленным работами А.Г. Арбатова, Н.С. Бирюкова, В.З. Дворкина и других.

Также исследование определило обращение к документам, международным соглашениям и официальным заявлениям Советского Союза по вопросу применения ядерного оружия.

Основными методами, используемыми при проведении исследования, выступили дискурсивный и герменевтический анализ. Также применялся компаративный метод.

Ядерное оружие на Украине: проблема и ее контекст

После распада СССР на территории Украины оказались запасы тактического и стратегического ядерного оружия, включая межконтинентальные ракеты и стратегические бомбардировщики. Стратегические ядерные вооружения насчитывали 219 носителей и 1612 зарядов. Всего, по оценке заместителя Министра иностранных дел России в эти годы Ю. Дубинина, на территории Украины оказалось около 5 тысяч ядерных зарядов (включая тактические) [2]. Украина фактически оказалась «третьей ядерной

державой», по крайней мере, по количеству размещенных на территории нового независимого государства ядерных вооружений.

В силу Лиссабонских договоренностей 23 мая 1992 года Украина признавала свой безъядерный статус и передачу размещенных на ее территории ядерных вооружений России. Тем не менее Киев подчинил себе стратегические силы, размещенные на Украине, и в декабре представил Меморандум с заявлением о своем праве собственности на все компоненты ядерных боеголовок. Двусторонние переговоры России и Украины не дали позитивного результата. По существу вопроса Киев перешел к ядерному шантажу, настаивая на праве собственности на ядерные боеголовки. При этом вопросы, связанные с передачей ядерного оружия, воспринимались украинским руководством в тесной связи с неприкосновенностью границ нового государства [21, р. 27]. Потребовалось вмешательство Вашингтона, чтобы принудить Киев заключить трехстороннее соглашение о передаче ядерного оружия в обмен на финансирование Украины по американской программе Нанна–Лугара. Окончательное разрешение вопроса о ядерном статусе Украины стало возможно только после удовлетворения требований Киева о политических гарантиях украинского суверенитета и территориальной целостности — подписания Будапештского меморандума.

Вопрос передачи России советских ядерных арсеналов, оказавшихся на территории новых государств, внимательно отслеживался из Вашингтона, в частности заместителем госсекретаря С. Тэлботтом. Вмешательство Вашингтона имело во многом определяющее значение для позиции украинского руководства. Представляется, что принципиальное значение имели политические гарантии Украине, не допускающие восстановление влияния Москвы. Такова была официальная позиция Вашингтона, выраженная госсекретарем У. Кристофером, и об этом, например, писал З. Бжезинский, указывая, что обеспечение независимости Украины гарантирует «постсоветский геополитический плюрализм» [7, р 38]. Иными словами, вопрос о ядерном статусе Украины следует рассматривать как проблему ограничения российского влияния в Европе и угрозы безопасности России. Данным обстоятельством обусловлено внимание, уделенное проблеме исследователями-международниками США в то время.

Джон Миршаймер и наступательный реализм

Дж. Миршаймер является видным представителем неореализма в теории международных отношений. В 1990-е годы исследователь выступил с критикой политики США по вопросу о безъядерном статусе Украины.

Система взглядов исследователя на международные отношения получила известность как наступательный реализм [3, с. 134]. Позиция Миршаймера заключается в том, что каждое государство заинтересовано в наращивании своей силы и влияния, поскольку это выступает основой выживания в анархической системе в международных отношениях. Прекращение холодной войны представлялось исследователю в качестве предпосылки нарастания анархии в отношениях между государствами [13]. В связи с этим он настаивал на повышенном внимании к Европе как региону, в котором может возникнуть ряд конфликтов на почве гипернационализма. В национальных интересах Америки обеспечить присутствие и контроль над регионом, причем одним из надежных инструментов, по мысли ученого, должен был стать баланс сил.

Взгляды и суждения исследователя о силовой основе отношений между государствами зачастую вызывают дискуссии в среде теоретиков и практиков-международников США и нередко подвергаются критике. Особое место в рассуждениях Миршаймера занимает украинский вопрос, рассматриваемый в контексте российско-американских отношений. Причем, с точки зрения Миршаймера, речь идет не о инструментальных ошибках и практических неверных шагах, а о концептуальной неверности проводимого Вашингтоном политического курса.

Среди вопросов, по которым Миршаймер принимал участие в дискуссиях, особо выделяется вопрос о том, следует ли оставлять Украине ядерное оружие, оставшееся на территории бывшей советской республики.

Миршаймер о ядерном оружии для Украины

В 1993 году на страницах журнала «Foreign Affairs» Миршаймер представил статью «The Case for a Ukrainian Nuclear Deterrent» [14] (исходя из содержания, название можно перевести как «Доводы в пользу украинского ядерного сдерживания»),

в которой обосновывал необходимость для США сохранить ядерный арсенал, оставшийся после распада СССР, в руках независимой Украины. Данная публикация появилась в контексте дискуссий в руководстве США между сторонниками скорейшего ядерного разоружения Украины и сторонниками более широкого подхода по отношению к данной постсоветской республике [20, р. 273]. Миршаймер доказывал, что администрация Клинтона совершает ошибку, требуя скорейшей передачи советского ядерного арсенала, размещенного на территории Украины, под контроль Москвы. Заблуждаются также, по его мнению, все эксперты, считающие, что данные действия будут способствовать стратегической стабильности в Европе.

Надо отметить, что в 1990-е годы взгляды Миршаймера и неореалистский подход критиковались, поскольку не объясняли последовавшего отказа Украины от ядерного оружия [11, р. 729–730]. Тем не менее уже через 15 лет на Украине денуклеаризацию стали называть авантюрой и ностальгировать по ядерному оружию [17]. Последующие же события показали, что вопросы российской и европейской безопасности, связанные с Украиной, не исчерпываются вопросом о ее ядерном статусе.

Обратимся к анализу работы исследователя.

Миршаймер доказывает, что Россия может попытаться вновь подчинить Украину, приводя ряд аргументов, которые позволяют в определенной степени представить подходы и взгляды американских исследователей и экспертов на Россию и постсоветское пространство в рассматриваемый период.

Профессор из Чикаго обращается к геополитическому доводу, полагая, что две державы, разделенные протяженной и незащищенной границей, не смогут избежать конкуренции и противостояния, опасаясь за свою безопасность. Также свою роль сыграет фактор гипернационализма, что предопределило взаимное недоверие и враждебность. Ученый допускает высказывания об исторической вражде между русскими и украинцами, связанной с подчинением украинского народа России, подавлением украинской идентичности и репрессивной политикой в советский период. Такое превратное понимание истории отношений между двумя народами тем не менее соответствует политике памяти, проводимой на Украине в последние

десятилетия [1]. Кроме того, негативными факторами выступают спорные вопросы о Черноморском флоте, статусе Крыма и о положении русского меньшинства на Украине (украинцев в России). Вследствие данных обстоятельств может начаться война, которая повлечет многочисленные жертвы. Здесь автор проводит аналогию с актуальным в те годы конфликтом на территории бывшей Югославии.

Вероятное, по мнению американского международника, стремление России вновь подчинить себе Киев, скорее всего, вызовет также вмешательство со стороны Польши и Белоруссии, которые могут объединить усилия с Россией против Украины или объединиться с Украиной, чтобы предотвратить возрождение России. В свою очередь, расширение конфликта предопределил вовлечение США, Германии и Китая, что делает вероятным преднамеренное или случайное применение ядерного оружия. Так или иначе итогом такой войны станет новое соперничество в Европе между Россией и Германией при ограничении роли США в обеспечении европейской безопасности.

С одной стороны, данные представления соответствуют картине отношений в Европе, описанной Миршаймером в своих более ранних публикациях [12]. При этом в рассматриваемой работе тезис о противоречиях европейской политики дополняется и уточняется применительно к отношениям между Россией и Украиной. Здесь следует отметить, что США удалось установить жесткий контроль над своими европейскими союзниками. С другой стороны, следует признать, что предпосылки и контуры будущего конфликта описаны довольно близко к действительности, как и вовлечение в конфликт США, Китая и других стран. Тем не менее автор не смог спрогнозировать один из наиболее существенных факторов, приведших к обострению конфликта, — расширение НАТО. Причем, заметим, по мысли американских политиков, процесс включения в Альянс новых стран призван был стать гарантией безопасности в Европе.

Миршаймер задается вопросом об альтернативных сохранению ядерного статуса Украины возможностях предотвратить конфликт. Такими обстоятельствами могло бы стать создание достаточных для сдерживания России обычных вооруженных сил Украины или гарантии со стороны стран Запада. Иссле-

дователь убеждает в том, что данные альтернативы не дадут результата. Наращивание оборонного потенциала потребует крайнего напряжения Украины и вызовет реакцию со стороны России, которая так же будет наращивать свои военные возможности. Для США и их союзников реальное обеспечение украинского суверенитета станет слишком сложной и дорогостоящей задачей и, кроме того, вынудит Москву серьезно подойти к обеспечению своей безопасности, что повлечет за собой конфликт.

Необходимо отметить, что за пределами внимания автора остался еще один путь предотвращения нарастания противоречий между Россией и США, возглавляемым ими Североатлантическим альянсом и Россией и Украиной — действительный учет интересов России в обеспечении ее военной безопасности. На протяжении почти 30 лет, прошедших со времени публикации статьи Миршаймера, Москва неоднократно предлагала варианты решения проблемы европейской безопасности, которые были отвергнуты в пользу политики исключения России из Европы, выстраивания кордона лимитрофных государств под эгидой НАТО, экспорта «цветных революций» и размещения элементов стратегической инфраструктуры США вблизи российских границ. Представляется, что данные обстоятельства имели решающее значение в том, что конфликт на Украине приобрел характер вооруженного противостояния.

Исследователь предлагает дилемму: или Украина обладает ядерным оружием, или Россия при условии, что Москва будет действовать в интересах своей безопасности, распространит свое влияние на Украину. Сама постановка вопроса о недопустимости для США и Европы восстановления российского влияния на Украине в какой-либо форме уже может рассматриваться в качестве вызова для безопасности России. При этом, заметим, обладание Киевом ядерным оружием — это неприемлемая угроза для Москвы, и оно так же вызовет конфликт.

В целом в своей работе Миршаймер указывал на то, что сохранение ядерного статуса Украины выступает меньшим злом, даже несмотря на риски нарушения режима нераспространения ядерного оружия, поскольку сохранит независимость Украины, предотвратит войну и распад европейской безопасности в том виде, в каком она представлялась в Вашингтоне.

Следует сказать, что такая логика характерна для реализма в международных отношениях: принять меньшее зло ради недопущения большего зла. При этом обращает на себя внимание то, что автор даже не допускает мысли о возможности взаимовыгодных отношений между Россией и Украиной, тем более о какой-либо форме интеграции двух государств. При всех разногласиях между Москвой и Киевом такой вариант отношений нельзя было исключить до 2014 года. С точки зрения Миршаймера и американского истеблишмента — адресатов статьи исследователя, проблема состоит в том, чтобы не допустить такого сближения, возможно, даже ценой появления новой ядерной державы. Тем самым между распадом системы европейской безопасности и сближением России и Украины можно поставить знак равенства. Данное обстоятельство выступает действительным геополитическим аргументом, который исследователь обходит в своей работе.

Доводы против ядерного оружия для Украины

Противоположная точка зрения была представлена С.Е. Миллером, известным специалистом по вопросам международной безопасности, директором по исследованиям Центра изучения международных отношений Школы государственного управления имени Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета [15], впоследствии сделавшим карьеру в качестве исследователя по контролю над вооружениями.

По мнению Миллера, вопрос о ядерном статусе связан с рядом неочевидных условий, и есть ряд причин сомневаться в том, будет ли ядерное оружие способствовать миру и стабильности при любых условиях и будет ли оно иметь желаемый эффект в случае с Украиной.

Исследователь из Гарварда отмечает, что период «долгого мира» во время холодной войны был связан не столько с обладанием ядерным оружием СССР и США, сколько с обстоятельствами, обуславливающими стабильность международных отношений, таких как биполярная система, независимость Соединенных Штатов и Советского Союза друг от друга в экономическом отношении, географическая удаленность и наличие развитой разведки, способной предупредить о готовящемся нападении. С учетом

данных факторов сложно оценить действительную роль ядерного оружия в поддержании мира и баланса сил на примере только одного кейса. Иными словами, ядерное оружие играет роль сдерживающего фактора не само по себе — в качестве одного из условий наряду с другими обстоятельствами, поддерживающими стабильность системы международных отношений.

При этом большинство факторов, способствующих установлению мира в советско-американских отношениях, отсутствуют в российско-украинском случае. В связи с этим Миллер ставит вопрос: можно ли гарантировать, что ядерное оружие будет столь же эффективно обеспечивать поддержание мира при существенно иных условиях по сравнению со временем холодной войны?

Также Миллер задается вопросом о степени эффективности ядерного сдерживания в практической политике. Исследователь отмечает, что в случае противостояния СССР и США теоретические представления о сдерживании далеко не полностью соответствовали политической и стратегической реальности, где стороны многократно шли на обострение конфликтов, вели изнурительную гонку вооружений и разрабатывали военные доктрины, предполагающие полномасштабное применение ядерного оружия.

Кроме того, по мнению исследователя из Гарварда, характер возможной напряженности в отношениях между Россией и Украиной существенно повышает риск непреднамеренной эскалации.

Миллер указывает на ряд рисков, связанных с конкретными обстоятельствами обретения Украиной статуса ядерной державы. Во-первых, Россия, скорее всего, будет оспаривать передачу ядерного оружия Киеву, что само по себе создает риск конфронтации. Во-вторых, ядерное оружие появится в распоряжении Украины «мгновенно» без длительного периода разработки и производства ядерных боеприпасов. Киевский режим просто не будет обладать достаточным запасом времени для того, чтобы воспринять и внедрить те ограничения, которые накладывает статус ядерной державы на государственную политику, включая разработку и практическое применение соответствующих организационных и процедурных механизмов, ограничивающих безоглядные угрозы «ядерной дубинкой». Особое значение имеет вопрос о хранении ядерного оружия, что выступает третьим риском, подразу-

мевающим возможности непреднамеренного или несанкционированного использования и угрозу ядерного терроризма.

Центральное место в доводах Миллера занимает четвертый аргумент, согласно которому географическая близость и протяженная граница между странами обрекает Украину жить в условиях ограниченного времени предупреждения о нападении со стороны России. Киев, не способный защититься от обезоруживающего удара, будет находиться в ситуации постоянной неуверенности за свою безопасность. Данное обстоятельство станет основанием для принятия Украиной доктрины «первого удара», что обрекает российско-украинские отношения на постоянную ядерную нестабильность.

Наконец, пятый аргумент — риски, связанные с политической нестабильностью на Украине, что придает актуальность замечаниям о способности Киева принимать взвешенные решения и гарантировать сохранность ядерного оружия.

Дополнительно Миллер приводит доводы в поддержку той точки зрения, что Украине, только освободившейся «от многовекового порабощения Москвой», более выгодно отказаться от ядерного оружия, чем сохранить его в своем распоряжении. Так, исследователь вновь указывает на риски, связанные с обладанием таким оружием: угроза со стороны России; повышенное внимание к Украине как потенциальной угрозе со стороны других государств; фрагментированность ядерного потенциала, унаследованного Киевом; уязвимость ядерного оружия, размещенного на Украине, что, в свою очередь, повышает вероятность того, что Киев пойдет на нанесение первого удара; значительное экономическое бремя, связанное с поддержанием ядерного потенциала; размывание режима нераспространения оружия массового поражения и нарушение соглашений о вооружениях в Европе. Наконец, поскольку Вашингтон является противником распространения ядерного оружия, Киев серьезно рискует испортить отношения с Америкой и лишиться ее поддержки.

Иными словами, выводы Миллера следует понимать так, что даже ядерное оружие не способно обеспечить безопасность Украины. Напротив, возрастут риски того, что украинское руководство столкнется с новыми вызовами, которые не будет способно адекватно воспринять. Тем не менее вопрос о том, как

обеспечить безопасность Украины, который ставит Миршаймер, Миллер оставляет без ответа.

Заключение

В 2022 году американский политолог, специалист по международным отношениям Дж. Най-младший, комментируя вопрос о ядерном сдерживании после эскалации вооруженного противостояния на Украине, отметил, что гарантии, данные Белым домом Киеву в 1994 году, оказались бесполезны. Важность вопроса об эффективности гарантий США своим союзникам требует того, чтобы сдерживание было надежным и ядерное оружие было пригодным для использования [16]. Такая постановка вопроса по большому счету актуализирует вопросы европейской безопасности, которые обсуждались в 1990-е годы. Военный конфликт, который был только гипотетически возможен, теперь стал реальностью. Данные обстоятельства вновь вынуждают западных исследователей и экспертов искать эффективную стратегию в отношении России.

Так, бывший госсекретарь К. Райс представила позицию, согласно которой подчеркивается недопустимость для США и НАТО оставить вакуум власти в Европе. Присоединение Украины к Североатлантическому альянсу и ЕС необходимо для обеспечения безопасности бывшей советской республики [18]. Более того, высказываются мнения о том, что военные возможности Североатлантического альянса должны возрасти при обязательном лидерстве США и вся западная граница России должна контролироваться НАТО и ЕС [11]. Представленная точка зрения характерна для значительной части истеблишмента Вашингтона. Тем не менее данные предложения во многом повторяют те же доводы, которые опровергал более 30 лет назад Миршаймер, указывая на то, что отсутствуют иные действенные гарантии украинской независимости, кроме ядерного оружия. По сути, предлагается продолжить ту же стратегию давления и подрыва российской безопасности, которая уже привела к военному противостоянию на Украине.

Миршаймер, рассматривая проблему ядерного оружия на Украине, представлял ее как часть более общего вопроса об анархических международных отношениях в Европе после

завершения холодной войны. Предложенная автором модель «анархической Европы» — это своего рода отражение идеальных международных отношений с точки зрения наступательного реализма. В таких условиях каждое государство должно само обеспечивать собственную безопасность, главным образом посредством наращивания своей мощи. Тем не менее данный прогноз не реализовался. США не позволили возобладать анархическими тенденциями в Европе. Напротив, последние события свидетельствуют об усилении контроля США над Европой в вопросах безопасности, о чем свидетельствует практически безоговорочная поддержка со стороны ЕС и ведущих европейских государств политики США в отношении России.

Примечательно, что неверные исходные посылы, связанные с анархией в Европе и игнорированием перспектив расширения НАТО, не стали критическим препятствием для заключения о конфликтогенности отношений между Москвой и Киевом. Данное обстоятельство подчеркивает достаточность обращения к аргументам, связанным с геополитикой, идентичностью и безопасностью, представленным в работе исследователя из Чикаго, для в целом корректного анализа и прогноза с учетом сделанных с нашей стороны оговорок.

При этом нельзя сказать, что контраргументация Миллера утратила свою актуальность ввиду продолжающегося вооруженного конфликта. Ведь, даже в случае его завершения, попытка Украины изменить свой безъядерный статус станет той угрозой, которую Россия не сможет игнорировать.

Представляется возможным сделать ряд выводов для России, которые следуют логике наступательного реализма. Во-первых, необходимо вернуть геополитическое измерение российской стратегии [см. подробнее: 4]. Во-вторых, существует настоятельная потребность в осмыслении внешней безопасности через представления о государственной силе и влиянии. Следует обеспечить наращивание государственной мощи и ее эффективное проецирование в национальных интересах на постсоветском пространстве. В-третьих, в особом внимании нуждаются вопросы идентичности, в том числе обеспечение прав и интересов русскоязычных граждан зарубежных стран. В связи с этим необходимы мониторинг представляющих интерес стран и регио-

нов на предмет антироссийской пропаганды, ревизионистской «политики памяти» и деформирующей политики идентичности, а также выработка и реализация мер противодействия.

Следует отметить, что, на наш взгляд, одним из последствий текущего военного конфликта между Россией и Украиной независимо от конкретных условий его прекращения уже становится актуализация вопроса о ядерном статусе Украины.

В заключение следует сказать, что решение дилеммы Мир-шаймера уже было предложено российской внешней политикой — это нейтральная Украина, не представляющая угрозы Российской Федерации.

Литература

1. Асеев А.Д., Шишков В.В. Россия в «войнах памяти»: историческая политика в Восточной Европе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. — 2020. — № 2 (839). — С. 9–23. — EDN HPRPJU.
2. Дубинин Ю.В. Ядерный дрейф Украины // Россия в глобальной политике. — 2004. — № 2. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/yadernyj-drejf-ukrainy/> (дата обращения: 11.11.2024).
3. Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. — СПб.: Наука, 2004. — 372 с.
4. Тренин Д.В. Стратегическое сдерживание: новые контуры // Россия в глобальной политике. — Т. 22. — 2024. — № 4. — С. 74–86.
5. Фененко А.В. Неореализм в политической теории // Современная политическая наука: Методология / отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2019. — С. 61–83.
6. Цыганков П.А. Эволюция западных теоретических подходов к исследованиям международных отношений // Современные международные отношения и мировая политика. — М.: Просвещение, 2004. — С. 16–48. — EDN VUVIHH.
7. Brzezinski Z. A Plan for Europe // Foreign Affairs. — Vol. 74. — 1995. — No. 1 (Jan. — Feb., 1995). — P. 26–42.
8. Chafetz G., Abramson H., Grillot S. Role Theory and Foreign Policy: Belarussian and Ukrainian Compliance with the Nuclear Nonproliferation Regime // Political Psychology. — Vol. 17. — 1996. — No. 4 (Dec., 1996). — P. 727–757.
9. Gaddis J. We now know: rethinking cold war history. — Oxford: Clarendon Press, 1998. — X, 425 p. — (A Council on foreign relations book).
10. Gilpin R. War and change in world politics. — Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1981. — XIV, 272 p.
11. Graham T. From the Ukraine Conflict to a Secure Europe // Council on Foreign Relations — Discussion Paper Series On Managing Global Disorder. — September 2024. — No. 16. — URL: <https://www.cfr.org/report/ukraine-conflict-secure-europe> (accessed: 11.11.2024).
12. Mearsheimer J.J. Back to the future: instability in Europe after the cold war // International security. — Vol. 15. — 1990. — No. 1. — P. 5–56.
13. Mearsheimer J.J. Why we soon miss the cold war // The Atlantic Monthly. — Vol. 266. — 1990. — No. 2. (August, 1990). — P. 35–50.
14. Mearsheimer J.J. The Case for a Ukrainian Nuclear Deterrent The Case for a Ukrainian Nuclear Deterrent // Foreign Affairs. — Vol. 72. — 1993. — No. 3 (Summer, 1993). — P. 50–66.
15. Miller S.E. The Case against a Ukrainian Nuclear Deterrent // Foreign Affairs. — Vol. 72. — 1993. — No. 3 (Summer, 1993). — P. 67–80.

16. *Nye J.S., Jr.* Nuclear Deterrence After Ukraine. — Project Syndicate. Mar. 1, 2022. — URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/nuclear-deterrence-after-ukraine-by-joseph-s-nye-2022-03> (accessed: 11.11.2024).
17. *Riabchuk M.* Ukraine's Nuclear Nostalgia // *World Policy Journal*. — Vol. 26. — 2009/2010. — No. 4 (Winter, 2009/2010). — P. 95–105.
18. *Rice C.* The Perils of Isolationism // *Foreign Affairs*. — Vol. 103. — 2024. — No. 5 (September/October, 2024). — P. 8–25.
19. *Sagan S.D., Waltz K.N.* The Spread of Nuclear Weapons. A Debate Renewed. — N.Y.: W.W. Norton & Company, 2003. — 220 p.
20. *Schadlow N.* The Denuclearization of Ukraine: Consolidating Ukrainian Security // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1996. — Vol. 20. Ukraine in the world: Studies in the International Relations and Security Structure of a Newly Independent State (1996). — P. 271–287.
21. *Solchanyk R.* Ukraine in the world // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1996. — Vol. 20. Ukraine in the world: Studies in the International Relations and Security Structure of a Newly Independent State (1996). — P. 19–43.
22. *Waltz K.* Theory of international politics. — Reading, Mass.: Addison–Wesley, 1979. — IV, 251 p.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук,
заведующий кафедрой политологии и политической философии,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences,
Head of the Department of Political Science and Political Philosophy,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: serg.serg56@mail.ru

ПОЛИТИКА ЕС В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: НОВЫЕ АКЦЕНТЫ

EU POLICY IN CENTRAL ASIA: NEW EMPHASES

Аннотация: в статье исследуется политика ЕС в Центральной Азии на современном этапе. В условиях геополитического соперничества как с Россией, так и с другими ведущими государствами мира ЕС активизировал свою политику в регионе, рассчитывая укрепить свои позиции. Основное внимание Брюсселя обращено к природным ресурсам: получение доступа к месторождениям и беспрепятственное обеспечение сырьем. Особенно это касается редкоземельных металлов, интерес к которым в последние годы у ЕС значительно возрос. Помимо этого ЕС поддерживает реализацию транспортных коридоров, которые должны обходить российскую территорию. В статье сделан вывод, что в ближайшие годы в Центральной Азии возрастет борьба за доступ к природным ресурсам, прежде всего к редкоземельным металлам.

Ключевые слова: ЕС, Центральная Азия, углеводородные ресурсы, редкоземельные металлы, Россия, Китай, США.

Abstract: the article examines the EU contemporary policy in Central Asia. Amid geopolitical rivalry with Russia and other leading states of the world, the European Union has intensified its policy in the region, expecting to strengthen its positions. Brussels' main attention is turned to natural resources: gaining access to deposits and ensuring the direct and guaranteed availability of raw materials. Special emphasis is placed on the rare earth metals, in which the EU's interest has increased significantly in recent years. In addition, Brussels supports the implementation of transport corridors that should bypass the Russian territory. The research concludes that in the coming years the struggle for access to natural resources, especially rare earth metals, will increase in Central Asia.

Key words: EU, Central Asia, hydrocarbon resources, rare earth metals, Russia, China, USA.

Введение

ЕС активизировал свою политику в отношении Центральной Азии сразу после распада СССР. Для этого были разработаны различные инфраструктурные и нефтегазовые проекты, оказывалась экономическая поддержка странам региона. Было разработано несколько документов, определяющих подходы ЕС в отношении центральноазиатских государств. В 2019 году была разработана Стратегия ЕС в отношении Центральной Азии.

По мере изменения геополитической ситуации в мире, возрастания конкуренции за природные ресурсы значение Центральной Азии существенно возросло. Вместе с этим за влияние на страны региона более активно стали бороться внерегиональные государства, внедряя разные двусторонние и многосторонние механизмы взаимодействия.

Политика ЕС в регионе стала меняться после февраля 2022 года. В этот период Россия приступила к проведению специальной военной операции (СВО). Брюссель расширил свою политику, пытаясь оказывать на центральноазиатские государства политическое и экономическое давление. «Активизация ЕС в Центральной Азии отражала повышение значимости региона в реализации геополитических и геоэкономических интересов, в обеспечении экономической и энергетической безопасности Брюсселя ввиду конфронтации с Россией после февраля 2022 г. и связанных с Китаем углубляющихся опасений» [24].

В последние годы ЕС интенсифицировал свою политику в Центральной Азии. Основное внимание Брюсселя направлено на природные ресурсы центральноазиатских государств, включая месторождения редкоземельных элементов, и транспортные коридоры, которые проходят через страны региона. Данные вопросы оказались в фокусе внимания саммита ЕС — Центральная Азия, который прошел 3–4 апреля 2025 года в Узбекистане.

ЕС обозначил приоритеты

Саммит продолжил серию встреч на высшем уровне, которые Брюссель проводил в последние годы. Аналогичные мероприятия прошли в 2022 и 2023 годах [5]. В ходе их проведения ЕС стремился сформировать общие подходы к сотрудниче-

ству со всеми центральноазиатскими государствами, укрепить с ними политические и экономические связи. Помимо саммитов европейская сторона провела значительное количество двусторонних встреч с представителями стран Центральной Азии. В фокусе внимания находились вопросы, связанные с использованием углеводородных ресурсов региона и месторождений редкоземельных металлов [25].

В июне 2023 года была принята Дорожная карта ЕС — Центральная Азия по углублению связей. В рамках региональной программы по Центральной Азии на 2021–2027 годы предполагалось выделить региону 140 млн евро на различные программы [11]. Приоритетными направлениями выступали водные ресурсы и энергетика.

В январе 2024 года была принята резолюция Европарламента о стратегии Евросоюза в отношении Центральной Азии (ЦА). Среди внешних факторов, которые влияли на регион, были выделены СВО России на Украине, «захват Афганистана талибами и глобальные амбиции Китая» [37]. В резолюции подчеркивалась также необходимость «переосмысления стратегии Евросоюза в ЦА» и «более активного присутствия демократического ЕС в регионе как альтернативы авторитарным акторам» ввиду новой геополитической ситуации после начала Россией СВО на Украине, развития торговых путей через ЦА в обход России, планируемого расширения ЕС в Восточной Европе и растущего влияния Китая в регионе [37].

Еще до саммита ЕС предпринял ряд шагов, которые должны были создать благоприятный фон для последующего развития контактов со странами Центральной Азии. Так, с 12 по 18 марта 2025 года Центральную Азию посетил еврокомиссар Йозеф Сикела, который «подписал с Казахстаном контракт на сумму 3 млн долларов о сотрудничестве в области критически важного сырья» [15]. Затем «в конце марта в Ашхабаде состоялась встреча руководителей внешнеполитических ведомств Центральной Азии с вице-президентом Еврокомиссии Каей Каллас, на которой она подтвердила интерес ЕС к природным богатствам региона» [2].

В подписанном документе отмечалось, что «стратегическое значение имеет расширение сотрудничества по критически важным видам сырья, направленное на обеспечение безопас-

ных, устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок» [38]. Помимо этого ЕС и Центральная Азия подтвердили свою «приверженность укреплению устойчивой транспортной связанности как движущей силы экономического роста и региональной интеграции. Мобилизация 10 миллиардов евро в виде поддержки и инвестиций для Центральной Азии на Форуме инвесторов Global Gateway (январь 2024 г.) знаменует собой решающий шаг на пути к развитию эффективных региональных транспортных коридоров, логистики, сетей, цепочек создания стоимости и эффективных механизмов для поддержки взаимного доступа к... соответствующим рынкам» [38]. Наконец, подчеркивалась необходимость развития Транскаспийского транспортного коридора. Был озвучен объем средств, который ЕС намерен выделить Центральной Азии в рамках инициативы Global Gateway. На критически важное сырье предполагается выделить 2,5 млрд евро, а на энергетику — 6,4 млрд евро. Была достигнута договоренность о «проведении в конце 2025 года Форума инвесторов для привлечения дополнительных инвестиций в первую очередь в Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ)» [7].

В ходе заседания на саммите глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен подчеркнула, что «от региона Европе нужны редкоземельные металлы, которых там значительное количество: 38,6% мировых запасов марганцевой руды, 30% хрома, 20% свинца, 12,6% цинка» [29]. В целом общий подход был обозначен очень четко — закрепить за Центральной Азией роль ресурсной базы для европейских государств.

Повышенный интерес ЕС к Центральной Азии продиктован усилением геополитической напряженности и ростом конкуренции ЕС с США. Перед саммитом 1 апреля Урсула фон дер Ляйен заявила, что «предстоящий форум является одним из ответов на пошлины США в рамках стратегии диверсификации торговых отношений ЕС с иностранными партнерами» [10]. В условиях неопределенности в торгово-экономических отношениях с американской стороной Брюссель больше внимания стал уделять Пекину, с которым в последние годы развиваются торгово-экономические отношения. В 2024 году торговый оборот между ЕС и Китаем достиг 785,8 млрд долл. [33].

Борьба за ресурсы

Традиционно в фокусе внимания Запада находились месторождения нефти и газа, которые рассматривались в качестве одного из ключевых факторов в реализации энергетической политики. Однако в последние годы значительно усилилась борьба за критически важные минералы. Брюссель принял несколько документов, которые направлены на улучшение позиций в сфере редкоземельных элементов. ЕС стремится снизить зависимость от Китая, который занимает монопольные позиции в сфере добычи и переработки редкоземельных металлов. Так, в последние годы за Китаем сохраняются позиции основного поставщика редкоземельных минералов на мировом рынке (около 95%), а его доля производства товара составляет около 70% [36]. Фактически Китай полностью контролирует горнодобывающую деятельность, технологии обогащения и металлургию, а также конечные продукты из редкоземельных металлов. Это привело к сильной зависимости промышленности ЕС и США от политики Китая.

Доминирование Китая на рынках критически важных минералов в сочетании с его способностью влиять на цепочки поставок посредством протекционистской политики или прямых сбоев поставок представляет собой вызов для отраслей промышленности ЕС и США, зависящих от этих ресурсов. Это касается электроники и технологий возобновляемой энергии, а также оборонных систем. Стратегические последствия зависимости цепочки поставок от Пекина выходят за рамки экономических соображений, переплетаясь с проблемами национальной безопасности.

В сфере критически важных элементов ЕС проводит в Центральной Азии последовательную политику. Так, в Казахстане, в Карагандинской области, открыто одно из крупнейших в мире месторождений редкоземельных элементов, запасы которого оцениваются в 20 млн тонн [3]. Месторождение уже получило название «Новый Казахстан». По данным Министерства индустрии и строительства, месторождение содержит «около 1 млн тонн церия, лантана, неодима и иттрия — ключевых элементов, используемых в производстве смартфонов, цифровых камер и жестких дисков» [21]. Согласно обнародованной информации, «глубина залежей достигает 300 метров, а среднее содержание редкоземельных элементов составляет 700 граммов на тонну» [23].

Если оценки подтвердятся, Казахстан сможет занять 3-е место в мире по объему запасов этих стратегически важных ресурсов [28]. Первое место по запасам этих элементов занимает Китай с 44 млн тонн, он же является крупнейшим добытчиком и потребителем, на 2-м месте находятся США — 2,4 млн тонн [31]. В то же время в Казахстане отмечают, что необходимо исследовать открытое месторождение, чтобы выявить все особенности, связанные в том числе со способом извлечения и определения целесообразности добычи.

На саммите в апреле 2025 года была одобрена Дорожная карта партнерства между ЕС и Казахстаном на 2025–2026 годы [13]. Документ расширил и «конкретизировал положения Меморандума о взаимопонимании о стратегическом партнерстве в области устойчивого сырья, батарей и цепочек создания стоимости “зеленого” водорода, который президент Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен подписала с Казахстаном еще 7 ноября 2022 года» [1]. «Стратегическое партнерство с Казахстаном в области критического сырья являлось частью политики ЕС, направленной на обеспечение доступа к надежным, диверсифицированным, доступным и устойчивым поставкам важнейших видов сырья» [8]. Нынешняя Дорожная карта направлена на продвижение сотрудничества по конкретным направлениям деятельности, среди которых: «расширение сотрудничества в области геологоразведки, исследований и инноваций по всей цепочке создания стоимости сырья, повышение квалификации и обучение, продвижение передового опыта и стандартов экологического, социального и эффективного государственного управления» [13].

Подписанный документ предполагает, что ЕС поддержит совместные инвестиционные проекты, в том числе и те, которые будут отобраны в качестве стратегических в соответствии с Законом ЕС о критически важном сырье. При этом очевидно, что сотрудничество между центральноазиатским государством и ЕС предполагает закрепление Казахстана в качестве сырьевого придатка европейской экономики.

В целом Казахстан представляет для ЕС наибольший интерес. Помимо значительного торгово-экономического оборота через территорию страны проходит ТМТМ. Его загрузка находится в фокусе внимания Брюсселя. Помимо нефти, которая по-

ступает из Казахстана на европейский рынок, Брюссель уделяет повышенное внимание поставкам других ресурсов. В частности, «компания HMS Bergbau AG осуществляет разработку литиевых месторождений. Объем инвестиций составит 500 млн долларов» [26]. Казахстан стал первой страной, «с которой ЕС подписал меморандум о стратегическом партнерстве в области сырья, аккумуляторов и возобновляемого водорода» [26].

В свою очередь, центральноазиатские государства рассматривают сотрудничество с ЕС в области критически важных элементов в качестве шагов, способных улучшить ситуацию в национальных экономиках и привлечь дополнительные средства. Для этого страны региона выдвигают собственные инициативы. Так, «глава Казахстана К.-Ж. Токаев выступил с инициативой создать в Астане региональный исследовательский центр по редкоземельным металлам, который должен предоставлять информацию о месторождениях и технологиях» [32].

От Казахстана не отстают и другие страны региона. В марте текущего года Президент Узбекистана допустил французскую компанию «Орано» к разработке уранового месторождения Южный Дженгельды в Навоийской области [34]. Ранее глава Киргизии выступил с инициативой к западным странам подключиться к проектам строительства гидроэлектростанций и разработки редкоземельных металлов [16]. «В Кыргызстане в последнее время выявлены месторождения проявления лития, и к ним уже проявляют интерес компании из КНР, Южной Кореи и Германии» [30]. В Таджикистане «разведано 800 месторождений полезных ископаемых, в том числе меди, серебра, золота, свинца, лития, сурьмы, никеля, вольфрама, ванадия и других редких ископаемых» [22].

В контексте обострения конкуренции за редкоземельные металлы, которая развернулась между крупными экономиками мира, для Брюсселя важно создать механизмы, которые будут «привязывать» центральноазиатские государства к европейской экономике. В то же время, несмотря на ажиотаж вокруг критически важных элементов, расположенных в Центральной Азии, для организации добычи и переработки необходимо создать производственные мощности и вложить значительные ресурсы. Своих средств у стран региона нет. Соответственно, финансирование должно лечь на западные компании.

Пока же европейские страны стремятся получить доступ к полезным ископаемым в Центральной Азии в целях их последующей разработки. В этом направлении они проводят активную политику, формируя условия доступа к наиболее перспективным месторождениям редкоземельных металлов, их разработки и последующего вывоза за пределы Центральной Азии. Очевидно, что страны региона не смогут самостоятельно реализовать проекты по добыче и глубокой переработке редкоземельных металлов. В то же время и европейские компании могут столкнуться с финансовыми и технологическими трудностями. Тем более, что на освоение месторождений могут уйти многие годы. Выходом может стать создание консорциумов, в том числе с привлечением китайской стороны.

Фактически на территории центральноазиатских стран развернулось острое соперничество между основными потребителями этого стратегически важного ресурса. ЕС заинтересован контролировать редкоземельные металлы, которые уже в ближайшем будущем превратятся в мощнейший инструмент влияния на внешнюю политику других государств и будут создавать серьезные преимущества в экономическом развитии.

Таким образом, ЕС активизировал усилия по поиску месторождений редкоземельных металлов в Центральной Азии, которая стала рассматриваться в качестве перспективного региона. В то же время в отношении каждой из стран Центральной Азии западные страны выстраивали собственную стратегию. Основные усилия ЕС направлены на развитие отношений с такими странами, как Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Инфраструктура Центральной Азии

Торговые пути, проходящие через Центральную Азию, представляют особый интерес для ЕС. Сотрудничество с Китаем, хотя и сопровождается определенными трудностями, однако не имеет пока откровенно конфронтационного характера, как в отношениях Вашингтона и Пекина. Соответственно, Брюссель рассматривает территорию центральноазиатских стран в качестве наиболее привлекательного маршрута для торговых операций с китайской стороной. В свою очередь, страны Центральной Азии видят в расширении торговых путей возможности упрочить политические связи

с Брюсселем и Пекином, использовать свой транзитный потенциал для извлечения прибыли, а также попытаться увеличить поставки собственных товаров на европейский и китайский рынки.

Основное внимание ЕС приковано к ТМТМ, через который осуществляются поставки товаров. Кроме того, маршрут нужен ЕС для поставок критически важных ресурсов. На саммите в Узбекистане прозвучало предложение провести встречу министров транспорта стран, которые участвуют в реализации коридора.

Одним из основных участников ТМТМ является Казахстан, с которым Брюссель выстраивает сотрудничество. В 2024 году Казахстан и ЕС запустили Координационную платформу по развитию Среднего коридора [20]. В том же году ЕС провел инвестиционный форум, на котором обсуждались вопросы развития ТМТМ — «Срединного коридора». Было объявлено о готовности Еврокомиссии и Европейского инвестиционного банка вложить в транспортные возможности Центральной Азии до 1,5 млрд долл. [12]. Кроме этого Европейский банк реконструкции и развития подписал с Казахстаном соглашение о выделении 1,5 млрд евро для уже строящихся проектов в регионе. По словам еврокомиссара по вопросам торговли Валдиса Домбровскиса, «Евросоюз инвестирует в Транскаспийский международный транспортный маршрут 20 млрд евро» [9]. Была обозначена задача, в соответствии с которой Брюссель в долгосрочной перспективе рассчитывал привлечь к 2027 году до 300 млрд евро в модернизацию и строительство инфраструктуры ТМТМ [9]. В марте 2025 года «Европейский инвестиционный банк и Банк развития Казахстана подписали кредитное соглашение на сумму 200 млн евро для развития транспортной инфраструктуры вдоль Транскаспийского маршрута» [19].

Пока возможности ТМТМ остаются достаточно скромными. В 2024 году объем контейнерных перевозок по ТМТМ составил 4,5 млн тонн, продемонстрировав рост в 62% [4]. В 2027 году ожидается рост перевозок в объеме 10 млн тонн [17]. В настоящее время пропускная способность ТМТМ составляет 6 млн тонн. Для увеличения пропускной способности необходимо провести работы по увеличению мощностей в Азербайджане и Казахстане.

Развитие инфраструктуры, которая должна проходить через Центральную Азию, рассматривается ЕС в качестве долгосроч-

ной задачи по ограничению возможностей России влиять на центральноазиатские страны. В контексте санкционной политики, которую в последние годы проводит Запад, решение данного вопроса является для Брюсселя приоритетным. Другим направлением европейской политики выступает обеспечение доступа к редкоземельным металлам, значение которых повысилось.

ЕС активно продвигает идею расширения доступа к энергетическим ресурсам центральноазиатских государств и формирования дополнительных маршрутов их доставки в европейские государства. Рассматриваются варианты увеличения импорта из Центральной Азии на европейский рынок. Однако нефть, добываемая в Казахстане, и туркменский газ пока не имеют дополнительных возможностей для того, чтобы попасть на рынок ЕС. Несмотря на это, Казахстан и Туркменистан активно обсуждают различные варианты увеличения поставок своих углеводородных ресурсов. В этом контексте большое внимание уделяется транскаспийским маршрутам и поставкам газа через Иран и Турцию. Брюссель поддерживает данные варианты поставок углеводородных ресурсов на европейский рынок.

Выделяя дополнительные средства странам Центральной Азии, ЕС рассчитывает переориентировать внешнеполитический курс стран региона. Брюссель намерен ограничить влияние России и Китая, которые также проводят активную политику в регионе.

В последние десятилетия ЕС выдвигал разные инициативы, которые зачастую оставались на уровне деклараций. Отсутствие конкретных результатов объяснялось неготовностью Брюсселя вкладывать значительные средства в развитии промышленных объектов и инфраструктуры. В связи с обострением геополитической ситуации Брюссель активизировал свою политику в регионе. Ставка на прямое давление на центральноазиатские государства себя не оправдала. Страны не поддержали требования Запада присоединиться к антироссийским санкциям, ограничившись в основном заявлениями о поддержке политики западных государств. На практике страны региона продолжали развивать сотрудничество с Россией, реализовывать совместные проекты в сфере промышленности и инфраструктуры. Данная ситуация вынудила ЕС сменить подходы к реализации политики в отноше-

нии Центральной Азии. Брюссель стал проводить курс на установление более тесных политических отношений с центрально-азиатскими государствами и вовлечение их в инфраструктурные проекты, которые выгодны ЕС. В свою очередь, страны региона охотно идут на подписание различных документов с внерегиональными акторами и достижение договоренностей о разработке ресурсов. Особенно это касается случаев, которые предусматривают выделение средств со стороны ЕС или финансирование проектов западными компаниями.

Зеленая энергетика

На саммите обсуждались «варианты дальнейшего сотрудничества ЕС с центральноазиатскими государствами в области зеленой энергетики. В частности, страны региона провозгласили цели, направленные на увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Было предложено создать партнерство “Центральная Азия — ЕС” по чистой энергетике и рабочую группу по развитию рынка углеродных кредитов» [27].

Также «центральноазиатские страны продвигают планы по развитию ВИЭ. Так, Узбекистан поставил задачу к 2030 году довести долю “зеленой” энергии до 54% в энергобалансе страны» [6]. Помощь в реализации данной задачи могут оказать европейские страны.

Казахстан стремится реализовать проекты по «увеличению доли “зеленой” энергии, увеличивая мощности ветровой и солнечной энергетики. Компании “Total”, “Eni”, “Svevind” реализуют в стране проекты, связанные с производством “зеленого” водорода» [18]. В 2024 году «в Казахстане был создан Региональный проектный офис по вопросам изменения климата и “зеленой” энергетики» [14]. Его деятельность направлена на решение задач, которые связаны с водными ресурсами, развитием возобновляемой энергетики, адаптацией к меняющемуся климату и сохранением биоразнообразия.

Заключение

Саммит подтвердил стремление ЕС развивать сотрудничество с Центральной Азией по ряду ключевых направлений, прежде всего связанных с обеспечением доступа к природным ресурсам,

которые находятся в центральноазиатских государствах. Для этого Брюссель намерен увеличить пропускную способность ТМТМ, который должен закрепить регион в орбите долгосрочных интересов ЕС, а также способствовать развитию торговых отношений с Китаем. Эта задача приобрела особую актуальность в контексте обострения отношений Вашингтона с Брюсселем и Пекином.

В свою очередь, страны Центральной Азии продемонстрировали готовность расширять взаимодействие с ЕС и выступили с рядом инициатив по широкому кругу вопросов. В частности, «Узбекистан предложил организовать совместную торговую палату “Центральная Азия — ЕС”, принять совместные региональные программы поддержки малого и среднего бизнеса» [35]. «Ташкент намерен провести очередной Экономический форум и Форум инвесторов по транспортной взаимосвязанности» [35]. Уже летом текущего года должен быть организован и проведен Ташкентский инвестиционный форум.

Страны Центральной Азии будут уделять большое внимание теме редкоземельных металлов. Эта проблема рассматривается в странах региона в контексте совершенствования наиболее развитых экономик мира. Соответственно, были приняты решения расширить сотрудничество в сфере критических минеральных ресурсов. В частности, Узбекистан поддержал расширение взаимодействия с ЕС в этом направлении, одновременно выступив с предложением создать Комитет партнерства на уровне заместителей премьер-министров стран Центральной Азии и ЕС.

Борьба за ресурсы Центральной Азии может выйти на новый уровень. Страны региона при этом пытаются извлечь экономическую выгоду из столкновения интересов крупных игроков.

Литература

1. Батареи и «зеленый» водород: РК и ЕС заключили меморандум о стратегическом партнерстве. — 08.11.2022. — URL: https://forbes.kz/articles/syire_batarei_zeleniy_vodorod_rk_i_es_zaklyuchili_memorandum_o_strategicheskom_partnertsve (дата обращения: 23.03.2025).
2. В Ашхабаде прошла встреча глав внешнеполитических ведомств ЕС и ЦА. — 27.03.2025. — URL: <https://business.com.tm/ru/post/13306/v-ashhabade-proshla-vstrecha-glav-vneshnepoliticheskikh-vedomstv-es-i-ca> (дата обращения: 23.04.2025).
3. В Караганде обнаружили крупнейшее месторождение редкоземельных элементов. — 10.04.2025. — URL: <https://economist.kg/ekonomika/2025/04/10/v-karagandie-obnaruzhili-krupnieishie-miestorozhdeniie-riedkoziemelnikh-elielementov/?ysclid=ma5nq2m5i0329819931> (дата обращения: 23.04.2025).

4. Встреча Казахстана и ОЭСР: контейнерные перевозки по TMTM выросли в 2,7 раза. — 13.03.2025. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/956288?lang=ru&ysclid=ma5ors5b96239780439> (дата обращения: 23.03.2025).
5. Грачева М.Л. ЕС — страны Центральной Азии: возрастающая роль Центральной Азии в глобальной политике // Европейский союз: факты и комментарии. — 2023. — № 114. — С. 100–105.
6. Долю «зелёной» энергии в Узбекистане к 2030 году планируется увеличить до 54% вместо 40%. — 17.12.2024. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/12/17/green-energy/> (дата обращения: 23.03.2025).
7. Европейский союз выделит для стран Центральной Азии 12 млрд евро в рамках программы Global Gateway. — 07.04.2025. — URL: <https://www.hronikatm.com/2025/04/evropejskij-soyuz-vydelit-dlya-stran-czentralnoj-azii-12-mlrd-evro-v-ramkah-programmy-global-gateway/?ysclid=ma5jxpnb883495169> (дата обращения: 23.04.2025).
8. Европейский Союз и Казахстан. — 19.10.2023. — URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/evropejskiy-soyuz-i-kazakhstan_ru?s=222 (дата обращения: 27.03.2025).
9. Евросоюз инвестирует в «Срединный коридор». — 30.01.2024. — URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/evrosouz-stroit-put-v-centralnuu-aziu-v-obhod-rossii.html?ysclid=ma5onuy1pp119610843> (дата обращения: 23.03.2025).
10. ЕК назвала саммит ЕС — Центральная Азия одним из ответов на тарифы США. — 01.04.2025. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23563527?ysclid=ma5nhp2cir62998537> (дата обращения: 13.04.2025).
11. Еремينا Н. «Глобальные ворота»: ЕС усиливает нажим на Центральную Азию для противостояния России. — 22.01.2024. — URL: <https://eurasia.expert/es-usilivaet-nazhim-na-tsentralnuuyu-aziyu-dlya-protivostoyaniya-rossii/?ysclid=ma5p64m7e9594697809> (дата обращения: 23.03.2025).
12. ЕС вложит €1,5 млрд в развитие транспортного коридора из Центральной Азии в обход России. — 29.01.2024. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/19843851?ysclid=ma5omazgscx503007131> (дата обращения: 23.03.2025).
13. ЕС и Казахстан делают следующий шаг в сотрудничестве по критически важному сырью. — 09.04.2025. — URL: <https://exclusive.kz/es-i-kazakhstan-delayut-sleduyushhij-shag-v-sotrudnichestve-po-kriticheski-vazhnomu-syryu/?ysclid=ma5o128bnq216320787> (дата обращения: 28.04.2025).
14. Инициатива Главы государства о создании Проектного офиса по изменению климата и зеленой энергетике. — 19.07.2024. — URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/694611?lang=ru&ysclid=ma5ozl7r6c925762898> (дата обращения: 23.03.2025).
15. Жазетова Ж. Казахстан подписал многомиллионный контракт с ЕС на поставку критически важного сырья. — 13.03.2025. — URL: <https://kz.kursiv.media/2025-03-13/zhzh-kazeuminerals/?ysclid=ma5jnn1dhz795226980> (дата обращения: 23.03.2025).
16. Жапаров призвал страны ЕС присоединиться к реализации проектов в Киргизии. — 25.06.2024. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21198179?ysclid=ma5ocelhwf63032917> (дата обращения: 23.03.2025).
17. К 2027 году пропускная способность Транскаспийского международного транспортного маршрута увеличится до 10 млн тонн в год. — 14.02.2025. — URL: <https://eurasia.today/announcements/k-2027-godu-propusknaya-sposobnost-transkaspiskogo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta-velichi/> (дата обращения: 23.03.2025).
18. Казахстан, Узбекистан и Азербайджан объединяют усилия для передачи «зелёной» энергии через Каспийское море. — 04.04.2025. — URL: <https://vzglyad.az/news/267122> (дата обращения: 14.04.2025).
19. Казахстан привлёк €200 млн от Европейского инвестиционного банка на развитие инфраструктуры. — 14.03.2025. — URL: <https://exclusive.kz/kazakhstan-privlek-e200-mln-ot-evropejskogo-investiczionnogo-banka-na-razvitie-infrastruktury/?ysclid=ma5oq1twle408654706> (дата обращения: 23.03.2025).
20. Казахстан рвется в Европу обходным коридорчиком. — 15.06.2024. — URL: <https://finance.rambler.ru/economics/52931155-kazakhstan-rvetsya-v-evropu-obhodnym-koridorchikom/?ysclid=ma5oj9lyoz987358799> (дата обращения: 23.03.2025).

21. Казахстан открыл гигантское месторождение редкоземельных металлов «Жана Казахстан» // Промышленник Сибири. — 29.04.2025. — URL: <https://prom-siberia.ru/news/kazakhstan-otkryl-gigantskoe-mestorozhdenie-redkozemelnyh-metallov-zhana-kazakhstan/> (дата обращения: 30.04.2025).
22. Караев С. Таджикистан привлек внимание инвесторов в горно-металлургическую отрасль. — 31.10.2024. — URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/economic/20241031/tadzhikistan-privlek-vnimanie-investorov-v-gorno-metallurgicheskuyu-otrasl?ysclid=ma5ogbq334698508185> (дата обращения: 23.03.2025).
23. Крупное месторождение редкоземельных металлов нашли в Казахстане. — 02.04.2025. — URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/2232458-krupnoe-mestorozhdenie-redkozemelnyh-metallov-nashli-v-kazahstane/> (дата обращения: 15.04.2025).
24. Лексютин Я.В. Движущие силы политики ЕС в Центральной Азии в условиях новой «Большой игры» Ойкумена // Регионоведческие исследования. — 2024. — № 2. — С. 24–32.
25. Лексютин Я.В. Эволюция подхода ЕС к Центральной Азии: от «доброжелательного наблюдателя» к геополитическому игроку // Сравнительная политика. — Т. 15. — 2024. — № 2. — С. 31–49.
26. Мамышев Ж. HMS Bergbau инвестирует в литиевый комбинат \$500 млн. — 29.09.2023. — URL: <https://kz.kursiv.media/2023-09-29/zhnbn-hmsbergbaulithiumkz/?ysclid=ma5o777cxi435037183> (дата обращения: 23.03.2025).
27. Мирзиёев предложил заключить между Центральной Азией и ЕС соглашение о партнерстве. — 04.04.2025. — URL: <https://www.spot.uz/ru/2025/04/04/central-asia-eu/> (дата обращения: 08.04.2025).
28. Ниталиев Т. Казахстан может стать ведущим поставщиком критически важного сырья. — 09.07.2024. — URL: <https://www.ulysmmedia.kz/news/34140-kazakhstan-mozhet-stat-vedushchim-postavshchikom-kriticheski-vazhnogo-syria/> (дата обращения: 17.04.2025).
29. «Новая эра отношений»: ЕС инвестирует в Центральную Азию и надеется на доступ к минералам. — 04.04.2025. — URL: https://tengrinews.kz/world_news/novaya-era-otnosheniy-es-investiruet-tsentralnuyu-aziyu-566924/?ysclid=ma5jz4z88b49099388 (дата обращения: 13.04.2025).
30. Нургожаев М. Англосаксы рвутся наложить лапу на редкоземельные элементы в Центральной Азии. — 15.10.2024. — URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news-2024-10-15-anglosaksy-rvutsja-nalozhit-lapu-na-redkozemelnye-elementy-v-centralnoj-azii-76225?ysclid=ma5oed5i7j939657547> (дата обращения: 23.03.2025).
31. Родионов Д. Редкоземельная лихорадка: ЕС нацелился прибрать к рукам ресурсы Центральной Азии. — 18.04.2025. — URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news-2025-04-18-redkozemelnaja-lihoradka-es-nacelilsja-pribrat-k-rukam-resursy-centralnoj-azii-79788?ysclid=ma5nzoln1f371531211> (дата обращения: 23.04.2025).
32. Токаев предложил создать в Астане исследовательский центр по редкоземельным металлам. — 04.04.2025. — URL: <https://www.interfax.ru/business/1018246> (дата обращения: 28.04.2025).
33. Торговля Китая с ЕС в 2024 году выросла на 0,4%. — 13.01.2025. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/22862097?ysclid=ma5nkc1tsz127872855> (дата обращения: 23.03.2025).
34. Французский «Орано» и узбекский «Навоиуран» подписали соглашение о добыче урана. — 13.03.2025. — URL: <https://yep.uz/2025/03/francuzskij-orano-i-uzbekskij-navoiuran-podpisali-soglashenie-o-dobyche-urana/?ysclid=ma5oai6v2b676855043> (дата обращения: 23.03.2025).
35. Что предложил Мирзиёев на саммите «Центральная Азия — Европейский Союз» в Самарканде. — 04.04.2025. — URL: <https://uz.sputniknews.ru/20250404/chto-predlozil-mirziyoev-na-sammite-tsentralnaya-aziya-evropeyskiy-soyuz-v-samarkande-48728878.html> (дата обращения: 20.04.2025).
36. Эксперты заявили об усилении Китаем монополии на рынке редкоземельных металлов. — 28.02.2025. — URL: <https://www.interfax.ru/world/1011356> (дата обращения: 23.03.2025).

37. European Parliament (2023) European Parliament resolution of 17 January 2024 on the EU strategy on Central Asia (2023/2106(INI)). Sect. B. — URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0027_EN.pdf (accessed: 29.04.2025).
38. Joint Declaration following the First European Union — Central Asia Summit. — 4 April 2025, Samarkand, Uzbekistan. — URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/04/04/joint-declaration-following-the-first-european-union-central-asia-summit/> (accessed: 29.04.2025)./

Комлева Валентина Вячеславовна,

доктор социологических наук,
директор Центра международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России,
зам. директора по научной работе Национального исследовательского института развития коммуникаций, Москва.

Valentina V. Komleva,

DSc. (Sociol.),
Director of the Center for International Strategic Studies,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs,
Deputy Director for Scientific Work,
National Research Institute for the Communications Development, Moscow.
E-mail: d.komleva@dipacademy.ru

**ПОСТСОВЕТСКИЕ СТРАНЫ:
ДИНАМИКА КОММУНИКАЦИОННЫХ РЕЖИМОВ**

**POST-SOVIET COUNTRIES:
DYNAMICS OF COMMUNICATION REGIMES**

Аннотация: в статье представлены результаты мониторинга коммуникационных режимов в странах постсоветского пространства. Коммуникационный режим трактуется как сложная система условий и возможностей, формируемых для развития политических, экономических, гуманитарных, гражданских и иных форм взаимодействий с Российской Федерацией. На основе комплексного анализа 12 ключевых видов коммуникации по 74 релевантным показателям был составлен интегральный рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов. Автор исследует также динамику изменений в уровне дружелюбности постсоветских стран по отношению к России. Особое внимание акцентируется на следующих проблемах: необеспеченная многовекторность внешнеполитической коммуникации как источник зависимости постсоветских стран; манипуляции с исторической памятью; противоречивое отношение к России, россиянам, этническим русским внутри дружественных стран; взаимное незнание и непонимание друг друга молодежью России и постсоветских стран; снижение научного суверенитета и недостаточность научной коммуникации. Анализируются репрезентация образа России и перспективы отношений с Россией, по оценкам зарубежных экспертов.

Ключевые слова: постсоветское пространство, коммуникационный режим, политический режим, дружественные страны.

Abstract: the article presents the results of monitoring communication regimes in the post-Soviet countries. The communication regime is interpreted as a complex system of conditions and opportunities created for the development of political, economic, humanitarian, civil and other forms of interaction with the Russian Federation. Based on a comprehensive analysis of 12 key types of communication across 74 relevant indicators, an integrated rating of the friendliness of communication modes was compiled. The author also examines the dynamics of changes in the level of friendship of post-Soviet countries towards Russia. Special attention

is focused on the following problems: the unsecured multi-vector nature of foreign policy communication as a source of dependence of post-Soviet countries; manipulation of historical memory; contradictory attitudes towards Russia, Russians, and ethnic Russians within friendly countries; mutual ignorance and misunderstanding among the youth of Russia and post-Soviet countries; declining scientific sovereignty and insufficient scientific communication. The article analyzes the representation of the image of Russia and the prospects for relations with Russia, according to foreign experts.

Key words: the post-Soviet space, communication regime, political regime, friendly countries.

Введение

Условия и возможности коммуникации постсоветских стран с Россией редко являются предметом специальных полевых исследований, проводимых на регулярной основе, комплексно, по единой методике по всем постсоветским странам. В то же время это принципиальная задача, решение которой необходимо при реализации внешнеполитических, внешнеэкономических задач и гуманитарной политики России за рубежом. Это подтверждают и недавно появившиеся исследования постсоветского пространства в контексте коммуникационных проблем [3; 13–15].

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК) совместно с российскими и зарубежными партнерами¹ с 2020 года ведет исследования подобного рода, анализируя степень дружелюбности коммуникационных режимов стран. Методика исследования разработана в НИИРК и изложена в публикациях его авторов [7–10]. Апробация методики впервые прошла в 2020 году, а с 2021 года ведется полноценный мониторинг в странах постсоветского пространства.

Под коммуникационным режимом понимается «система норм, правил, условий и возможностей для межстрановых коммуникаций государственных и негосударственных акторов» [3, с. 22]. Функциональное значение коммуникационного режима в общественно-политической системе заключается в том, что он способствует сохранению ее управляемости, устойчивости и воспроизводства наиболее эффективных практик управления

¹ Партнеры НИИРК в научном проекте «Мониторинг дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран: Центр международных стратегических исследований Дипломатической академии МИД России, Юго-Осетинский государственный университет имени А.А. Тибилова, Дипломатическая академия МИД Кыргызстана, Центр российских исследований Ереванского государственного университета, Центр российских исследований Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, Сектор исследований России Института изучения проблем стран Азии и Европы Национальной академии наук Таджикистана и др.

коммуникацией. Правящие политические элиты используют инструмент коммуникационного режима для создания того типа общественно-политических отношений, который им кажется наиболее идеальным. Применение концепта коммуникационных режимов при анализе межстрановой коммуникации позволяет выявлять видимые и латентные факторы и проблемные зоны в отношениях стран, в нашем случае — в отношении Российской Федерации.

Структура коммуникационного режима стоит из видимой («фасадной») и скрытой («слепой») частей. Анализ видимой части возможен путем изучения законов и практик их применения, официальных деклараций и заявлений, результатов опроса, публичных акций, контент-анализа материалов СМИ и социальных сетей. Значительно сложнее раскрывается латентная часть коммуникационного режима, изучение которой требует углубления в историю, культуру, психологию и характер народа, устоявшиеся и вновь возникающие социальные связи и сети. В латентной части находятся неформальные регуляторы коммуникации, которые могут противоречить законам и даже «обнулять» их действие (например, традиции, обычаи). Здесь же находятся стереотипы и установки, которые могут нивелировать усилия медиаресурсов по формированию общественного мнения. В латентной части коммуникационного режима находятся элементы коллективного бессознательного (архетипы, тревоги, травмы, обиды и т.п.) и ментальные особенности народа, которые могут не осознаваться самими людьми, но влиять на их поведение и отношение к другим народам и странам. Высокий потенциал для исследования латентной части коммуникационных режимов имеет социальный психоанализ, методы антропологии и культурологии. Анализ латентной части важен при исследовании управляемости коммуникационного режима. Для оценки дружелюбности коммуникационного режима в большей степени анализируется открытая часть. Однако в случаях расхождения позиций власти и общества мы углубляемся и в анализ скрытой части режима.

В данной статье представлены общие результаты мониторинга 2024 года, отражающие динамику рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов в постсоветских странах.

Итоги оценки дружелюбности коммуникационных режимов постсоветских стран

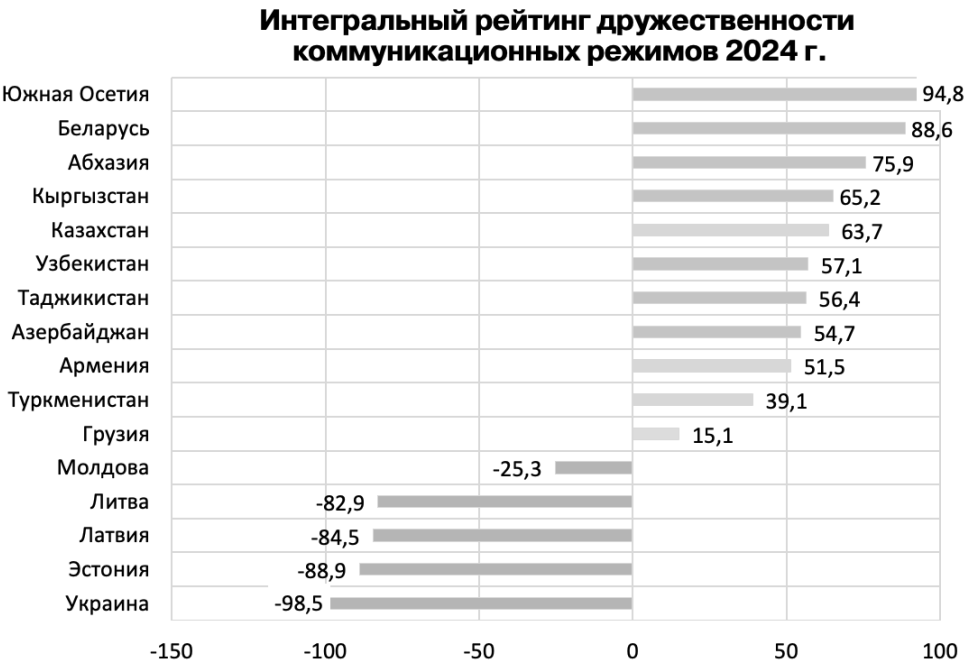
Дружелюбность коммуникационных режимов «выражается в наличии правовых, политических и социокультурных условий для неконфликтного развития разного вида межстрановых коммуникаций, для свободного и справедливого обмена информацией государственных и негосударственных акторов. Дружелюбность предполагает преимущественно взаимно благожелательные отношения стран, основанные на взаимном уважении, принципах дружбы и добрососедства, взаимных интересах и ценностях мирного сосуществования в многополярном мире» [10, с. 5].

Итоги мониторинга 2024 года позволяют нам выделить три группы стран. Группу стран с недружелюбными коммуникационными режимами составили Украина, Эстония, Латвия, Литва, Молдова. В этих странах практически нет условий и возможностей коммуникации с Россией либо они минимизированы. В информационном пространстве Россия представляется в образе врага.

В группу дружелюбных стран вошли Южная Осетия, Беларусь, Абхазия, Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Азербайджан, Армения, Туркменистан. Степень дружелюбности условий, созданных в этих странах, разная, но в целом во всех этих странах сформирована благоприятная или относительно благоприятная среда развития коммуникации с Россией.

Единственная страна, которая вошла в группу «условно дружелюбных/недружелюбных стран», — это Грузия [10, с. 10]. Она повторила результат 2023 года с весьма противоречивыми условиями и возможностями коммуникации, хотя балльные значения ее рейтинга немного увеличились. Значения рейтинга представлены на рисунке 1.

Состав трех названных групп стран по сравнению с 2023 годом не изменился. «Однако внутри групп произошли подвижки рейтинговых мест и балльных значений. Как видно в таблице 1, улучшил свои позиции Казахстан. Уменьшились баллы Абхазии, хотя страна сохранила свое третье место в рейтинге. Не много, но всё же увеличились баллы Кыргызстана, Казахстана, Азербайджана, Армении» [10, с. 10].

*Рис. 1. Количественные показатели
рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов
постсоветских стран (в баллах) [10, с. 8]*

Динамика дружелюбности/недружелюбности за 2023–2024 годы показана на рисунке 2.

Анализ данных мониторинга за несколько лет (2012–2024 гг.) позволяет нам сделать вывод об усилении поляризации стран с дружелюбными и недружелюбными коммуникационными режимами. В недружелюбной группе растет откровенная враждебность (Литва, Латвия, Эстония, Украина). Коммуникационные режимы этих стран на период проведения мониторинга характеризуются нами как «закрытые авторитарные системы радикального типа, не допускающие политического и культурного разнообразия мнений и институтов» [10, с. 11].

Молдова еще в 2022 году находилась в группе «относительно дружелюбные/недружелюбные» режимы, но с 2023 года переместилась в группу недружелюбных режимов, усилив раскол власти и общества по отношению к России.

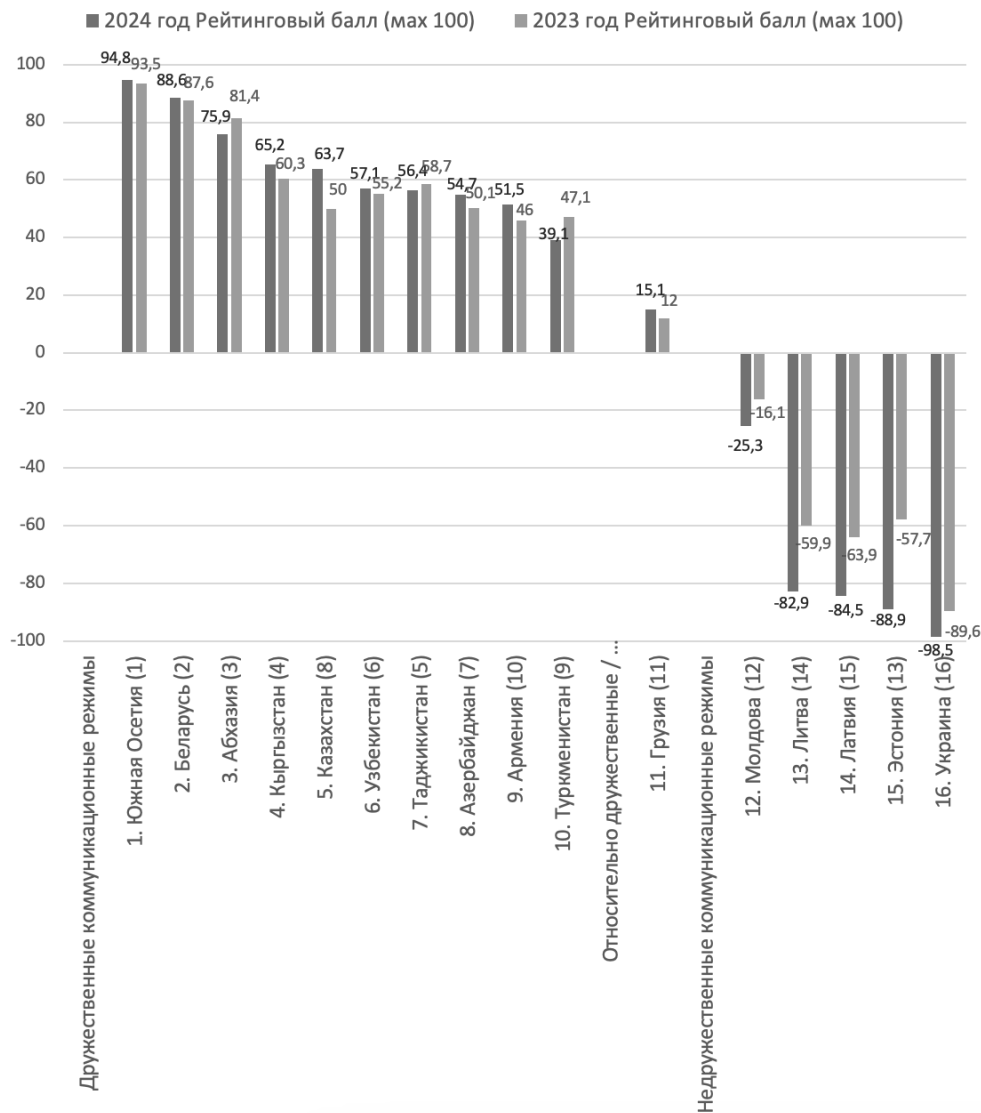

Рис. 2. Динамика дружелюбности/недружелюбности коммуникационных режимов [10, с. 9]

Отметим некоторые проблемные зоны и тенденции динамики коммуникационных режимов на постсоветском пространстве.

Необеспеченная многовекторность внешнеполитической коммуникации как источник роста зависимости

Политика внешнеполитической многовекторности в той или иной степени характерна для всех постсоветских стран. При помощи такой политики они пытаются балансировать между различными центрами силы. Однако на практике достичь полноценной многовекторности без ограничения для своего суверенитета могут только те страны, которые обладают необходимыми ресурсами, а если быть точнее — то «критически значимыми, ценными ресурсами международной конкуренции» [11]. К ним относятся: энергетические ресурсы; природные ископаемые (например, редкоземельные металлы, необходимые для энергоперехода); географическое положение, от которого зависит международная логистика; инновационные разработки, способные стать фактором будущей международной дифференциации (например, искусственный интеллект); человеческий и интеллектуальный потенциал; боеспособная армия, атомное оружие и др. На наш взгляд, «полного комплекса таких ресурсов пока нет ни в одной из исследуемых нами стран» [11]. В итоге результативность национальных стратегий развития постсоветских стран во многом зависит от центров силы, способных гарантировать (а часто и обеспечить) их суверенитет. При этом последствия присоединения к тем или иным центрам силы (например, путем вхождения в интеграционные блоки, участия в проектах и программах, имеющих целью развитие интеграционных связей) еще не до конца осознаны и оценены. «Грузинский кейс» показывает, как сложно идет процесс «возвращения национальной доминанты и субъектности после того, как страна определенное время находилась под прямым контролем западных стран» [10, с. 11].

Мониторинг коммуникационных режимов показывает, что недружественность в отношении России в большей степени растет в странах, в которых приоритетным является западный вектор развития. Это — страны Прибалтики, Молдова, Украина. Анализ изменения условий и норм коммуникации с государственными и негосударственными российскими акторами в этих странах в течение нескольких лет убедительно доказывает, что приоритетность западного вектора через какое-то время делает анти-российскими позиции истеблишмента, а затем и населения.

В связи с этим не стоит испытывать иллюзий относительно Армении, пытающейся лавировать между экономическими выгодами от отношений с Россией и преференциями от отношений с Западом. Политический выбор западного вектора со временем изменит нормы и правила коммуникации с Россией в сторону роста недружественности. Практика показывает, что даже «нерушимые братские связи» народов могут достаточно быстро разрушаться под воздействием, например, инструментов информационной и когнитивной войн.

По результатам опросов, проведенных нами среди зарубежных экспертов¹, лишь 8,4% специалистов отметили, что на установление норм и правил коммуникации в их стране не влияет ни одна другая страна. 21,3% экспертов считают, что коммуникационные режимы их стран полностью зависят от внешних стран — противников России и еще 16,8% считают, что частично зависят от таких стран. При этом 27,7% экспертов считают нормы и правила коммуникации в их странах почти идентичными российским, и еще 25,8% отмечают ориентированность на Россию, хотя нормы и правила коммуникации в их странах не схожи с российскими.

Многовекторность внешнеполитических и внешнеэкономических интересов постсоветских государств является одним из факторов роста конкуренции региональных и внерегиональных акторов в отдельных регионах постсоветского пространства. Несомненно, это затрагивает интересы Российской Федерации и актуализирует вопрос диверсификации российских инициатив и проектов в странах бывшего Советского Союза.

Внешнеполитическая многовекторность имеет следствием многовекторность гуманитарных контактов. Из всего спектра противоречий гуманитарной многовекторности, описанных нами в научном докладе по результатам мониторинга 2024 года [10], особо отметим манипуляции с исторической памятью, проблемные зоны научной коммуникации, усиление взаимного незнания и непонимания друг друга молодежью России и постсоветских стран и необходимость развития современного россиеведения в этих странах.

¹ В 2024 году в рамках мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран в числе других методов сбора информации проводился опрос экспертов методом глубинного интервью. Были опрошены около 300 экспертов из 16 постсоветских стран. Отбор экспертов проводился по критериям их профессиональной принадлежности и квалификации, страны проживания. Опрос проводился индивидуально.

Манипуляции с исторической памятью

Проблемы формирования исторической памяти возникают не только в странах недружественного блока, продолжающих политику ревизионизма и фальсификаций при деконструкции исторической памяти, но и в дружественных странах.

В недружественных странах реальные события амнезируются, а пробелы в коллективной памяти заполняются вымыслами. Конфабуляции (характерны для Украины, Эстонии, Литвы, Латвии, Молдовы) становятся основой интерпретации событий и явлений, базой формирования мировоззрения новых поколений. Новые поколения недружественных стран готовятся к затяжному периоду конфронтации с Россией.

Весьма противоречивой остается политика исторической памяти и в дружественных странах, несмотря на подготовку к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне¹. Об этом свидетельствуют не только результаты мониторинга НИИРК, но и, например, исследования учебников истории, проведенные Институтом научной информации по общественным наукам РАН [12].

Итоги нашего исследования за 2024 год демонстрируют, что в оценках общего исторического прошлого (советского периода и периода Российской империи) имеется «выборочная негативизация отдельных периодов или событий, связанных именно с Россией» [10, с. 12]. При этом научное сообщество постсоветских стран, несмотря на наличие обширного массива данных, проявляет склонность избегать глубокого анализа сложных исторических периодов отношений, например, Османской империи и современных стран Центральной Азии [10, с. 12]. Более того, в условиях современной политической конъюнктуры наблюдается тенденция к превалированию политических интересов над объективным научным анализом. Это приводит к тому, что исторические исследования часто подвергаются идеологическому влиянию, что, в свою очередь, негативно сказывается не только на их научной достоверности и академической ценности, но и на формировании установок молодых поколений в отношении других стран и народов. Обмен научными позициями с рос-

¹ Отметим, что во многих странах этот праздник празднуется как победа во Второй мировой войне.

сийской стороной идет непросто, так как ранее разрушенная коммуникация историков восстанавливается с осторожностью. Главным субъектом конструирования коллективных воспоминаний становятся правительства, а инструментами конструирования — медиаресурсы. Как следствие, возникает такой феномен, как медиапамять, потенциально способный не только вытеснить объективные знания, но и повлиять на интериоризацию и оценку людьми своих личных семейных историй [1].

Отметим еще один важный момент — отсутствие современных постсоветских праздников и позитивных памятных дат между нашими странами. Кроме общего праздничного события с Беларусью (День единения народов России и Беларуси), с другими странами подобных совместных постсоветских праздников нет. В перспективе это приведет к отсутствию базы для формирования представлений о прошлом, одинаково разделяемых и одинаково оцениваемых новыми поколениями России и постсоветских стран.

Отбор позитивных событий прошлого и создание современных памятных, праздничных дат, общих для России и постсоветских стран, являются существенными условиями конструирования будущего с минимизированной конфликтогенностью. Особенно важными эти условия становятся на фоне усиления неполитической регионализации постсоветских стран.

Мониторинг коммуникационных режимов с каждым годом всё более отчетливо показывает тенденцию к новой, неполитической регионализации постсоветского пространства на основе цивилизационных, культурных, языковых и религиозных факторов. Всё чаще в заявлениях политических элит, в научных исследованиях и экспертном анализе звучат аргументы в пользу интеграции, например, в рамках тюркского мира, исламской цивилизации, европейской идентичности и т.п.

Отношение к России, россиянам, этническим русским внутри постсоветских стран

В таблице 1 дана оценка коммуникационной группы «Отношение к России, россиянам, этническим русским внутри страны».

Таблица 1

**Оценка отношения к России, россиянам,
этническим русским внутри страны**

Страна	Баллы по коммуникационной группе Max = 14,5 Min = — 14,1
Южная Осетия	14,1
Беларусь	14,2
Абхазия	11,7
Кыргызстан	8,1
Казахстан	8,0
Узбекистан	8,0
Азербайджан	7,9
Таджикистан	7,2
Туркменистан	7
Армения	5,5
Молдова	5,2
Грузия	4,8
Литва	- 10,9
Латвия	- 11,0
Эстония	- 11,2
Украина	- 14,5

Источник: составлено автором на основе материалов мониторинга коммуникационных режимов [10].

Указанная оценка является комплексной оценкой трех групп экспертов: экспертов из России, экспертов из соответствующей страны и членов рабочей группы мониторинга НИИРК. Данная коммуникационная группа включала в себя следующие показатели: оценки России в правительственных и проправительственных СМИ исследуемой страны; оценки России в социальных сетях, блогосфере; отношение к политическому строю и политической системе Российской Федерации; отношение к русским людям; отношение к смешанным бракам с русскими среди современной молодежи; замена идентификации (смена русским населением

своей национальности, изменение русскоязычных имен и фамилий и т.п.); соблюдение прав и свобод русскоязычного населения; массовые публичные акции в отношении России; правовой статус русского языка; распространенность русского языка на бытовом уровне.

Как видим из таблицы 1, не во всех недружественных странах отношение к русским и России сугубо враждебное. В Молдове был отмечен разрыв в позициях власти и населения, что и стало причиной плюсовых значений отношения к России и русским, несмотря на антироссийские решения власти. Разрыв позиций власти и населения был зафиксирован и в Армении (еще с 2022 г.). Однако информационная война против России на фоне Нагорно-Карабахского конфликта дала свои результаты. Часть населения, как и власти Армении, обвинили Россию во внешнеполитических неудачах, объективно связанных с решениями самой армянской власти. Но во второй половине 2024 года отношение населения к России вновь стало меняться в позитивную сторону, несмотря на усилия армянской власти по деконструированию образа России как гаранта безопасности в регионе.

Наиболее враждебное отношение к России и русским наблюдается в странах Прибалтики и на Украине. Однако в условиях системной политики маргинализации русских, вытеснения русского языка и культуры наблюдается интересный феномен, который можно охарактеризовать как культурную провинциализацию, регресс национального культурного и ментального ландшафта. Данный феномен наиболее ярко проявляется в странах Балтии, таких как Латвия, Эстония и Литва. Современная национальная культура этих государств утратила доминирующие позиции в общественной жизни, которые она занимала в период Советского Союза. Наблюдается снижение интереса молодежи к национальному культурному наследию. В условиях влияния западноевропейской и американской культуры и английского языка на молодое поколение прибалтийских стран под угрозой находится сохранение их культурной самобытности. Рассмотренный феномен может стать предметом специального анализа и иметь интерес с точки зрения прогнозирования социокультурных и идентификационных процессов в прибалтийских странах.

О необходимости коммуникации молодежи России и постсоветских стран

Если сравнивать условия для развития молодежной коммуникации, созданные внутри исследуемых стран, то наиболее благоприятные условия зафиксированы в странах дружественного блока (табл. 2).

Таблица 2

Результаты оценки условий и возможностей коммуникации молодежи постсоветских стран с российской молодежью

Страна	Баллы по коммуникационной группе Max = 2,6 Min = - 2,6
Южная Осетия	2,5
Беларусь	2,5
Абхазия	2,1
Кыргызстан	2,0
Казахстан	1,9
Армения	1,9
Узбекистан	1,7
Азербайджан	1,7
Таджикистан	1,1
Грузия	1,4
Молдова	0,9
Туркменистан	0,8
Литва	- 2,1
Латвия	- 1,9
Эстония	- 2,1
Украина	- 2,6

Источник: составлено автором на основе материалов мониторинга коммуникационных режимов [10].

При этом степень благоприятности условий коммуникации с российской молодежью не всегда коррелирует с общей оценкой дружелюбности коммуникационных режимов (по всем 12 видам коммуникации). Например, возможности и условия молодежной коммуникации в Туркменистане ниже общей оценки

страны в рейтинге дружелюбности, а у Армении, наоборот, возможности молодежной коммуникации с Россией оцениваются выше, чем общий рейтинг дружелюбности страны.

Несмотря на то что опросы зарубежных экспертов и анализ практик молодежного сотрудничества показывает заинтересованность молодежи постсоветских стран в участии в российских проектах (43,2% респондентов отмечают заинтересованность большей части молодежи и 44% опрошенных — заинтересованность небольшой части молодежи), значимым препятствием развития дружественной коммуникации в перспективе может стать плохое знание современного состояния стран друг друга, а соответственно, и непонимание друг друга. Минимизации этого риска будут способствовать многочисленные и массовые программы обменов (образовательная, научная, культурная, профессиональная мобильность), молодежный туризм и трудовая миграция. Несмотря на неоднозначные оценки роли, значения и последствий трудовой миграции, она остается важным каналом информации о России в постсоветских странах (и наоборот) и связующим звеном для народов наших стран. Вместе с тем без должной информационно-просветительской работы с мигрантами, программ их адаптации и интеграции в принимающий социум они будут нести в свои страны субъективные образы России, спонтанно формирующиеся в среде мигрантов. Это создает риск распространения искаженных представлений о России. Поэтому остро стоят вопросы необходимости правильной работы с сетями трудовых мигрантов в России и их подготовки и отбора еще в их странах.

В отношении образовательной и научной коммуникации, на наш взгляд, «давно назрела потребность в создании единой системы масштабной академической мобильности для граждан постсоветских стран» [10, с. 13]. Несмотря на определенные успехи, достигнутые сетевыми университетами СНГ, ШОС и другими международными образовательными платформами, системное решение данной проблемы пока не найдено. Между тем востребованность таких программ подтверждается опытом реализации даже нерегулярных инициатив в области международной академической мобильности, реализуемых российскими вузами, научными организациями и другими учреждениями [10, с. 13].

Создание единой системы академической мобильности позволит не только повысить уровень профессиональной подготовки молодых специалистов, но и способствовать обмену культурными и научными знаниями между странами. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию лучшего понимания и более глубокого уважения друг друга.

Проблемные зоны научной коммуникации

В группе научной коммуникации нами оценивались такие показатели, как: правовые и политические условия и возможности для научной коммуникации с учеными из России, реализации совместных исследований; сотрудничество национальных академий наук; возможность публикации результатов научных исследований на русском языке в национальных научных журналах; признание документов о научных степенях, званиях [6]; возможность защиты диссертаций на русском языке в научных и образовательных учреждениях исследуемой страны. Исследования показывают, что для развития научной коммуникации требуется развитие определенного типа человеческого потенциала. В опубликованных результатах мониторинга нами отмечалось, что «научный потенциал большинства постсоветских стран остается на невысоком уровне. Слабые национальные научные базы ставят страны в зависимость от внешних интересов. Россия для постсоветских стран выступает донором. Такие отношения не всегда интересны российским ученым (особенно естественных и технических областей), для которых важен обмен открытиями и новыми разработками, а не просто передача и распространение своих знаний на других территориях» [10, с. 13].

Мониторинг показал, что «снижается доля русскоязычных научных коммуникаций, следствием чего со временем станет уменьшение совместных проектов» [10, с. 14]. Такие нормативные порядки, как, например, «обязанность публикации в журналах Scopus для подтверждения квалификации» [11], могут стать одним из факторов «смены страновых приоритетов, разрыва научных коммуникаций с Россией» [10, с. 14].

Более глубокий анализ этого вопроса¹ (на основе анализа массива статистических данных и государственных документов) на примере Кыргызстана выявил такие уязвимые места развития интеллектуального потенциала страны, как «недостаточность среды развития интеллектуального потенциала, недостаточность научного импульса, потребность в повышении доступности и качества образовательной инфраструктуры, потребность в создании условий и возможностей для воспроизводства и развития интеллектуальной элиты, в частности научной элиты страны, несформированность институциональных основ единой научной политики, которые способствовали бы решению задач инновационного развития страны и обеспечения ее научно-технологического суверенитета» [5, с. 126]. Как известно, снижение интеллектуального потенциала страны может привести к зависимости от внешних акторов и потере научного суверенитета.

Перспективы отношений с Россией, по оценкам зарубежных экспертов

По мнению 38,7% экспертов из исследуемых стран, отношения с Россией в целом будут улучшаться. 32,3% специалистов считают, что отношения останутся прежними. Четверть экспертов (25,2%) отметили тенденцию к ухудшению. Остальные дали свои варианты ответов: часть респондентов связывают отношения с Россией с результатами специальной военной операции (СВО), выборами в своих странах, политикой самой России в отношении каждой конкретной страны.

По мнению 29,7% экспертов из постсоветских стран, наиболее позитивное влияние на отношение к России оказывают экономические связи и инвестиции. На 2-м месте отмечаются позиции политических элит (19,3%). Затем следуют такие факторы, как культурные обмены (17,4%), научные и образовательные связи (17,6%), гражданская коммуникация (12,1%), межрелигиозный диалог (2,4%). В числе других факторов опрошенные отмечали

¹ Авторская методика анализа интеллектуального потенциала предполагала сбор и обработку данных по пяти группам критериев: стандартные показатели международных рейтингов и индексов (индекс развития человеческого потенциала, индекс инновационного развития, индекс Хирша); состояние социокультурной среды развития интеллектуального потенциала; состояние образовательной инфраструктуры для развития интеллектуального потенциала; уровень научного импульса (наличие научной инфраструктуры и научного сообщества, научной элиты); государственная поддержка науки (расходы на НИОКР, государственные стратегии развития науки и образования).

окончание СВО, обеспечение безопасности. Иными словами, степень дружелюбности коммуникационных режимов стран, по мнению экспертов, во многом определяется двумя базовым факторами — экономическими выгодами от отношений с Россией и позицией национальных политических элит. Подтверждением этому являются и результаты ответов экспертов на три других вопроса, сводные данные по которым представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Мнение зарубежных экспертов о репрезентации России
в постсоветских странах**

*(в %, в целом по всей выборке экспертов из стран
постсоветского пространства)*

Вариант репрезентации	Россия во внешне- экономи- ческой коммуникации	России во внешне- политической коммуникации	Позиции глав государств в отношении России
Россия — союзник	49,7%	17,4%	45,2%
Россия — партнер	24,5%	51,6%	22,6%
Россия — нейтральный актер	3,9%	2,6%	3,9%
Россия — соперник, конкурент	2,6%	0%	0,6%
Россия — агрессор, враг, угроза	19,4%	28,4%	27,7%

Источник: составлено автором на основе материалов мониторинга коммуникационных режимов [10].

Эти данные показывают, что Россия позиционируется в постсоветских странах как союзник преимущественно в экономических отношениях и личных заявлениях глав государств, а в политических отношениях Россия представляется преимущественно партнером. Вместе с тем обобщение данных, представленных в таблице 3, позволяет сделать вывод о том, что образ России на постсоветском пространстве преимущественно положительный — братская страна, партнер, союзник.

Заключение

Анализ коммуникационных режимов постсоветских стран убедительно показывает, какие условия и возможности созданы в постсоветских странах для развития широкого спектра коммуникации с Россией. Логично, что в недружественных странах таких возможностей практически нет или они существенно сужены (например, в Молдове). Цензура информационного контента и контроль над распространяемыми нарративами являются ключевыми аспектами этих коммуникационных режимов. Символическое сопровождение коммуникации, включая использование знаков, флагов, цветов и лексических единиц, также находится под строгим контролем вплоть до запрета всего, связанного с Россией, русским языком, культурой. По логике политических элит, это приведет к формированию желаемых поведенческих моделей и укреплению идеологической идентичности. С этих позиций блок недружественных стран весьма однороден.

Более неоднородным является блок дружественных стран. В нем явно выделяются Южная Осетия, Беларусь и Абхазия, создавшие наиболее благоприятные условия коммуникации с Россией и условия сохранения и использования русского языка. За ними по степени благоприятности условий следуют Кыргызстан, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан. А, например, в Армении, Азербайджане и Туркменистане условия и возможности коммуникации с Россией весьма противоречивы в сравнении с официально декларируемой позицией.

Несмотря на степень дружественности стран, сравнение результатов мониторинга разных лет позволяет выявить ряд общих тенденций:

- коммуникационные режимы всё чаще становятся не просто инструментами правящих политических элит для достижения целей управления общественно-политическими системами, но и инструментами информационных, когнитивных войн;
- в случаях сильных различий во внешнеполитических ориентациях населения и правящих элит коммуникационный режим осознанно меняется властью в целях давления на оппонирующие коммуникационные узлы, применяют-

ся технологии разрушения устоявшегося мировоззрения, ментальных установок, стереотипов;

- коммуникационные режимы демонстрируют высокую степень адаптивности и оптимизации своих ресурсов для целенаправленного воздействия на сознание и поведенческие паттерны граждан, используя как защитные, так и наступательные стратегии.

Таким образом, коммуникационные режимы постсоветских государств в условиях современной геополитической динамики представляют собой комплексные инструменты влияния на общественное сознание и поведение.

Литература

1. Артамонов Д.С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. ... д-ра полит. наук. — Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2023. — 356 с.
2. Гасумянов В.И., Комлева В.В. Дружественность страновых коммуникационных режимов: интерпретация и оценка // *Международная жизнь*. — 2021. — № 8. — С. 68–77.
3. Карпович О.Г. Гибридные войны: российский ответ: избранные статьи. — М.: Изд-во Дипломатической академии МИД России, 2024. — 506 с.
4. Комлева В.В. Динамика дружественности коммуникационных режимов стран Южного Кавказа // *Россия и мир: научный диалог*. — 2024. — № 1 (11). — С. 20–37. — DOI: 10.53658/RW2024-4-1(11)-20-37. — EDN FCMWWH.
5. Комлева В.В. Интеллектуальный потенциал Кыргызстана // *Россия и мир: научный диалог*. — 2024. — № 4 (14). — С. 126–150. — DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-126-150. — EDN SNKHSL. — URL: <https://e-cis.info/upload/iblock/59d/fm74jvoln9bndm360exh96di3t6wq3js.pdfv> (дата обращения: 14.03.2025).
6. Комлева В.В. Политика национального культурного наследия и дружественность коммуникационных режимов соседних стран (по материалам ежегодного мониторинга постсоветских стран) // *Сборник научных трудов Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина*. — Вып. 13 (2). — (Сер. «Электронная библиотека»). — URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54698327> (дата обращения: 14.03.2025).
7. Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен // *Россия и мир: научный диалог*. — 2021. — № 1 (1). — С. 13–26. — URL: <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-13-26>.
8. Комлева В.В. Управляемость страновых коммуникационных режимов // *Коммунология*. — 2022. — № 10 (1). — С. 139–154. — URL: <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154>.
9. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружественности — 2023: науч. доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / под науч. ред. В.В. Комлевой. — М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2024. — 268 с. — URL: <https://nicrus.ru/publishing/> (дата обращения: 14.03.2024).
10. Коммуникационные режимы постсоветских стран: рейтинг дружественности — 2024: науч. доклад по результатам мониторинга коммуникационных режимов постсоветских стран / под науч. ред. В.В. Комлевой. — М.: Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, 2025. — 360 с.
11. Рейтинг дружественности за 2024 год презентовал НИИРК. — URL: <https://nicrus.ru/events/niirk-prezentoval-reyting-2024/> (дата обращения: 14.03.2024).
12. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая: реферативный сб. / отв. ред. В.А. Аватков. — М.: ИНИОН РАН, 2024. — 155 с.

13. *Салимов Д.М.* Сетевая коммуникационная революция в Таджикистане и Узбекистане // Теории и проблемы политических исследований. — 2023. — № 2А. — С. 45–56.
14. *Салимов Д.М.* Средства массовой информации в политическом процессе современного Таджикистана: функциональные особенности: дис. ... канд. полит. наук / Салимов Диловар Мирзомуддинович, 2022. — 414 с. — EDN RCJPPX.
15. *Федорченко С.Н.* Анализ постсоветских стран через призму коммуникативной теории власти Мануэля Кастельса // Постсоветские исследования. — Т. 1. — 2018. — № 3. — С. 242–250. — EDN RTSFGT.

Павлов Игорь Евгеньевич,

главный консультант Аппарата Совета Федерации

Федерального Собрания РФ,

соискатель,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Igor E. Pavlov,

Chief Consultant Apparatus the Federation Council of the Federal Assembly,

E-mail: Revisor1961@mail.ru

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УРЕГУЛИРОВАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ МОРСКИХ РЕГИОНОВ: НА ПРИМЕРЕ ЧЕРНОМОРСКОГО БАСЕЙНА

INTERSTATE COOPERATION IN THE SETTLEMENT OF ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF MARINE REGIONS: ON THE EXAMPLE OF THE BLACK SEA BASIN

Аннотация: в статье представлено авторское видение проблематики международного взаимодействия в урегулировании проблем морских регионов. Акцентируется внимание на важности сохранения международных программ по экологической безопасности морских регионов России с выделением в качестве особого объекта экологической заботы Черноморского региона.

Сформулированы выводы и предложения по политическому и иным спектрам взглядов на решение экологических проблем морских регионов как составляющих общую экологическую повестку в рамках Программы устойчивого развития ООН.

Ключевые слова: международные отношения, экологическое право, морское право, экологическая политика.

Abstract: the article presents the author's vision of the problems of international cooperation in the settlement of problems of maritime regions. Attention is focused on the importance of preserving international programs on the environmental safety of the Russian maritime regions, with the Black Sea region being singled out as a special object of environmental concern.

Conclusions and proposals are formulated on political and other ranges of views on solving environmental problems of marine regions as constituting a common environmental agenda within the framework of the United Nations Sustainable Development Program.

Key words: international relations, environmental law, maritime law, environmental policy.

Введение

Понятие «политическая система обеспечения экологической безопасности» является основным в экологической политике.

Политическая проблема обеспечения экологической безопасности остается одной из преобладающих и глобальных в мировом масштабе. Она внедряется в политическую жизнь из регионального уровня как основное звено международной политики. Цели и задачи экологической политики в зависимости от напряженности экологической ситуации конкретизируются. В регионах совместного использования несколькими государствами ресурсного потенциала, например морских акваторий, обостряются международные отношения между субъектами морского природопользования [2]. При этом ряд спорных вопросов, возникающих между ними, политизируется.

Выделяют уровни экологической политики: международная; государственная, или национальная; региональная; локальная. Посредством принятия и реализации экологических программ, планов, мероприятий как глобального, так и регионального и национального уровней на практике достигаются цели рационального природопользования.

С 3 по 14 июня 1992 года в Рио-де-Жанейро (Бразилия) на уровне глав государств и правительств прошла Международная конференция ООН «Окружающая среда и развитие», в которой участвовали 180 стран [15]. На ней поднимался вопрос о глобальном характере экологических проблем, в частности раздел II «Сохранение и рациональное использование ресурсов в целях развития» указывает на необходимость обратить внимание на складывающуюся экологическую ситуацию на планете. В Преамбуле раздела I говорится о том, что деятельность, направленная на улучшение экологической ситуации, должна выйти на международный уровень.

В 2015 году Генеральная Ассамблея ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» разработала и предложила к рассмотрению Цели устойчивого развития (ЦУР) (англ. Sustainable Development Goals (SDGs)). Это 17 взаимосвязанных целей, которые были названы в резолюции Генассамблеи «Повесткой дня на период до 2030 года» и заменили собой Цели развития тысячелетия. Цели развития тысячелетия были приняты на Генеральной Ассамблее ООН в 2000 году, а 2015 год принимался в качестве расчетного года. В принятые документы внесены задачи государств по основным

принципам достижения устойчивого развития. В частности, говорится о том, что для достижения Целей устойчивого развития, необходимо проводить политику согласования национальных и общечеловеческих интересов. Упор делается также на необходимости понимания и признания наличия противоречия между уровнем развития человеческой цивилизации и сохранением природной среды. Ряд Конвенций, которые были приняты международным сообществом, указывают не только на необходимость принятия срочных мер по стабилизации экологической ситуации, но и на озабоченность этой проблемой международного сообщества на государственном уровне.

Позиция Российской Федерации по климатической проблеме

Глобальное политическое управление экологической безопасностью направлено на решение общих цивилизационных проблем, которые могут быть следствием нерешенных региональных. Создавая ООН, человечество надеялось, что это будет эффективная система управления в области международных отношений, которая будет призвана не только регулировать отдельные виды международной деятельности, но и оказывать всестороннюю поддержку. Важнейшими направлениями ее деятельности являются формирование общегуманитарных программ и поддержка в их реализации. К числу таковых, например, относится и климатическая повестка — Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (1992 г.). Она включает в себя вопросы, связанные с глобальным изменением климата и его последствиями. В ней обращается внимание на то, что проблемы потепления имеют глобальный характер. В 1992 году были обозначены основные подходы по регулированию вопросов климатической повестки.

11 декабря 1997 года в Киото (Япония) принят Киотский протокол — одно из базовых соглашений в сфере противодействия изменению климата. Он вступил в силу 16 февраля 2005 года и ориентирует страны на снижение выбросов диоксида углерода, которые влияют на климат планеты. Таким образом, экологическая политика вышла на уровень урегулирования вопросов по изменению климата на планете.

Россия подписала протокол в марте 1999 года, ратифицировала в ноябре 2004 года. На государственном уровне разработаны и приняты экологические программы, в частности национальный проект «Экология». Положения экологических программ должны урегулировать взаимоотношения между субъектами природопользования в целях снижения негативных воздействий, обуславливающих, в частности, потепление. В России уделяется большое внимание вопросам сохранения экологии и реализации задач в рамках международных и национальных природоохранных и климатических проектов. 6 октября 2023 года Президентом РФ Владимиром Путиным была утверждена обновленная Климатическая доктрина РФ, Ключевая цель документа — достижение углеродной нейтральности России до 2060 года, что предполагает снижение выбросов углекислого газа и его аналогов в процессе производственной деятельности до нулевых значений [21].

В ноябре 2024 года в Баку Конференция ООН по изменению климата (COP29) собрала представителей международного сообщества. На саммите были представлены разные мнения по проблемам климатических изменений и финансированию странами климатических программ. При этом большое значение в решении климатических проблем отводилось их увязанности с глобальными политическими процессами. Представители России заявили, что выходить из Парижского соглашения страна не будет, что она продает свои углеродные единицы, так как страна больше очищает, чем загрязняет окружающую среду, и в политическом плане она будет продвигать создание общих углеродных рынков со странами БРИКС.

Россия вносит существенный вклад в реализацию международных программ устойчивого развития и обеспечения экологической безопасности хозяйственной деятельности. Проблемами, в которые Российская Федерация вовлечена непосредственно или опосредованно, являются: обеспечение экологической безопасности; сохранение и (или) восстановление биологического разнообразия; минимизация негативного воздействия на окружающую среду; рециклинг и т.д. Большое внимание уделяется сохранению морских ресурсов. Для балтийского морского региона России предложены проекты, которые реализуются в настоящее время. Например, это проекты по созданию шести особо

охраняемых природных территорий в соответствии с Планом действий Комиссии по защите морской среды Балтийского моря (Хельсинкская комиссия, ХЕЛКОМ) по охране Балтийского моря.

Подобные проекты являются мотивационной составляющей социальной политики и ориентируют международное сообщество на разработку подобных проектов.

Как указано в материалах I Международной конференции «Санкт-Петербург — морская столица России. Экология»: «Берега России омывают 13 морей, а совокупная площадь морской акватории, попадающей под юрисдикцию государства, составляет 7 миллионов квадратных километров». Конференция проводилась 17–18 марта 2010 года в Санкт-Петербурге в рамках проекта партии «Единая Россия». В принятой резолюции отмечено, что существующее экологическое состояние морей оценивается как неблагоприятное. Таким образом, партия предложила развивать положения экологической политики как инициативу для экологически стабильного развития морских акваторий.

25 марта 2024 года Рабочая группа Балтийской морской комиссии (The Baltic Sea Commission Maritime, BSC Maritime) провела заседание, на котором обсуждались вопросы путей содействия устойчивой голубой экономике Балтийского моря. На заседании внимание уделялось необходимости разработки проектов прибрежных ветряных парков вдоль побережья Балтийского моря, а также рационального мелкого рыболовства. С точки зрения экспертов Рабочей группы, территориальное планирование необходимо внедрять в практику как инструмент стратегического управления разнообразными видами деятельности в Балтийском море. Экологическая политика при ведении морского природопользования становится основной частью стратегического планирования хозяйственной деятельности.

Международная экономическая, торговая, логистическая и иная хозяйственная деятельность в морских регионах с участием в том числе нашей страны является достаточно интенсивной, что, естественно, отражается на общем состоянии морских регионов и прибрежных зон морей, омывающих побережье России. Внедрение в практику экономико-политического принципа предполагает учет экономических факторов совместно с политическими при разработке, а также при реализации экологической политики.

В результате интенсивного природопользования, сброса и выброса веществ-загрязнителей в морских экосистемах отмечаются зоны кризисных экологических ситуаций. Так, например:

- шельф Черного моря интенсивно загрязняется;
- основные нерестилища видов черноморской ихтиофауны теряют свою рыбохозяйственную значимость;
- высокий уровень загрязнения вызывает опасения по формированию бескислородных зон;
- отмечается угроза необратимого снижения рыбопродуктивности бассейна.

В связи с существующими экологическими проблемами Министерству природных ресурсов Российской Федерации предписано Правительством разработать и реализовать нормативные акты и целевые программы по обеспечению экологической безопасности морей совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и администрациями регионов Российской Федерации. При этом большое внимание уделяется, например, необходимости определения порядка управления ресурсами в пределах юрисдикции России на основе ресурсного районирования акватории моря, а также общей координации государственного управления в данной сфере. В морях совместного природопользования нескольких государств работа будет вестись в обозначенных Россией направлениях, с учетом международной государственной специфики морского природопользования.

Международная деятельность государств морских регионов

Департамент общеевропейского сотрудничества в МИД России (3 ноября 2024 г. переименован в Департамент европейских проблем) в мае 2021 года опубликовал сводную информацию по деятельности Конференции периферийных морских регионов (КПМР) [30]. Эта организация является одновременно экспертно-аналитическим центром и лоббистской структурой. Она представляет интересы приморских регионов и формирует региональную политику Евросоюза, которая рассматривает и вопросы морского природопользования. Главным исполнительным органом КПМР является Политическое бюро, в которое входят:

официальные представители регионов-членов; председатели географических комиссий; председатель комитета по финансам. Между КПМР и постоянным международным секретариатом Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) был подписан меморандум о взаимопонимании в распределении средств по линии европейских структурных и инвестиционных фондов. Рассматриваются также вопросы разноплановой проектной деятельности. ОЧЭС — межправительственная организация, в которую входят 13 государств Причерноморья и Южных Балкан: Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Россия, Румыния, Северная Македония (с 2020 г.), Сербия (с 2004 г.), Турция, Украина [22].

В меморандуме, главе II «Принципы и области сотрудничества», ст. 3 «Принципы и цели» и ст. 4 «Области сотрудничества» Устава Организации Черноморского экономического сотрудничества, принятого в Ялте 5 июня 1998 года, в частности, отмечается, что государства — члены ОЧЭС сотрудничают в разных областях для обеспечения:

- эффективного использования своих людских, природных и других ресурсов;
- устойчивого роста национальной экономики и социального благосостояния своих народов;
- охраны окружающей среды;
- недопущения проявления актов терроризма и организованной преступности; и т.д.

Эти принципы актуальны для Черноморского бассейна.

4 октября 2024 года в Гозо (Мальта) Генеральной ассамблеей КПМР одобрена интеграция периферийных морских регионов в водородную экономику ЕС [29]. На Конференции было уделено внимание необходимости «законодательных усилий» по расширению использования водородных технологий, содействию их внедрению и созданию функционального и конкурентоспособного рынка водорода в Европе. Эти цели согласуются с Европейской стратегией по водородной энергетике (июль 2020 г.), предусматривающей обезуглероживание.

Обозначенные предложения требуют детальной проработки, как с позиции научного обоснования основных экологических проблем, так и с точки зрения правового обоснования исполь-

зования ресурсов. При этом в сфере урегулирования сложных вопросов приоритет будет отдаваться политическим методам. Опыт по выстраиванию политического взаимодействия региональных организаций с глобальными «отраслевыми» международными организациями наработан: его следует проанализировать детально, и на его основе разработать основные положения экологического сотрудничества. Соответственно, практика экологической политики приобретет ценный методологический опыт международного политического сотрудничества.

Так, региональная комиссия Конференции периферийных морских регионов Европы, Балканского и Черноморского морского региона (Balkan and Black sea Commission, CPRM), которая объединяет регионы Балкан и Черного моря и ведет активную работу по направлениям, о которых сообщается на официальном сайте Евросоюза в качестве последних новостей и событий (Latest News & Events) [27; 30], предлагает следующие темы для политического обсуждения:

- «Рециклинг: история успеха в борьбе с загрязнением морей пластиком в Черном море»;
- «Третье совещание руководящей группы в 2024 году в рамках Общей морской повестки дня для Черного моря»;
- «PREP4BLUE (Preparing the Research & Innovation Core for Mission Ocean, Seas & Waters — Подготовка исследовательского и инновационного ядра для миссии Ocean, Seas & Waters). Проект PREP4BLUE, финансируемый программой Европейского союза Horizon Europe, рассчитан на три года и стоит 4,9 млн евро. Он заложит основу для совместного создания и внедрения научных исследований и инноваций, необходимых для выполнения миссии по восстановлению нашего океана и водных ресурсов к 2030 году.
- «Четвертое совещание технической группы по устойчивой аквакультуре»;
- «Черноморская конференция СМА 2024: объединение усилий для создания устойчивой голубой экономики в регионе»;
- «От Дуная до Черного моря — здоровые воды и здоровая жизнь».

Это вопросы международного уровня, и их решение зависит от политической воли правящих элит.

Черноморский синергизм

Европейская комиссия и Европейская служба по вопросам внешних действий опубликовали четвертый доклад о синергии Черного моря (BSS) [27; 30], который принимается ЕС как важный этап рамочной политики для региона Черного моря. Черноморская синергия понимается как согласованная деятельность в области экологической политики для укрепления сотрудничества между странами Черного моря. При этом она должна способствовать разработке практических, общих региональных проектов в целях эффективного решения региональных и глобальных проблем.

«Черноморский синергизм» — понятие, принятое международным сообществом как новая инициатива регионального сотрудничества, направлен на следующие области сотрудничества:

- устойчивая синяя экономика, морские исследования и инновации;
- рыболовство и аквакультура;
- охрана окружающей среды и изменение климата.

Черноморский синергизм рассматривает и возможности решения политико-экономических проблем синей экономики в регионе Черного моря, несмотря на региональные особенности. При этом проводимая ЕС политика направлена на привлечение заинтересованных сторон к финансированию и инвестициям как на уровне ЕС, так и на национальном и международном уровнях.

Четвертый доклад о синергии Черного моря подчеркивает приверженность ЕС укреплению стабильности, безопасности и процветания через региональное сотрудничество посредством политического диалога.

Как уже упоминалось, для бассейна Черного моря международным сообществом в Ялте еще 5 июня 1998 года был принят Устав Организации Черноморского экономического сотрудничества. На 2014–2020 годы была принята к реализации программа Трансграничного сотрудничества (Interreg VI-B), в которой обозначены [22]:

- участие гражданского общества, демократия и права человека;
- образование, исследования и инновации, культура и туризм;
- энергетика и транспорт.

Однако это только некоторые направления деятельности. Черноморская синергия стала основой для развития таких программ, как: «Совместная морская повестка дня для Черного моря»; «Повестка стратегических исследований и инноваций для Черного моря»; «Бассейн Черного моря» — программа приграничного сотрудничества ЕС. Россия включилась в работу, обозначенную данными программами на период 2021–2027 годов. При этом политические события, связанные с началом специальной военной операции, осложнившие участие в них нашей страны, не остановили российское участие в морских повестках Черноморского региона.

Международная политика в области морского природопользования

Международная политика в области морского природопользования и обеспечения экологически безопасного развития морских прибрежных территорий в настоящее время направлена на поиск приоритетов безопасного развития. Охраной морской среды занимаются многие международные политические и общественные организации, которые влияют на формирование политических основ сотрудничества.

1. Организации Объединенных Наций (ООН) и ее специализированным органам принадлежит ведущая роль.

2. Международная морская организация (ИМО) (1948 г.) (англ. International Maritime Organization, IMO) — международная межправительственная организация, специализированное учреждение ООН. Служит площадкой для сотрудничества и обмена информацией по техническим вопросам, связанным с международным торговым судоходством и охраной моря от загрязнения с судов. При ее участии разработаны конвенции по борьбе с загрязнением морей нефтью и другими вредными веществами. В ней участвуют 170 стран с контрольным органом.

3. Международная гидрографическая организация (англ. International Hydrographic Organization, IHO) международная организация, созданная в 1921 году для координации гидрографической деятельности государств-членов. Занимается внедрением эффективных методов морских исследований.

4. Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО (1960 г.) — специализированная организация в области морских наук.

5. Международный Суд ООН регулирует международные конфликты в рамках компетенции по вопросам в том числе разных аспектов международного морского права.

Эти организации участвуют в процессе выработки положений международной политики в области морского природопользования и – что самое важное — в формировании единой системы обеспечения безопасности морских регионов. В результате изучения политических и нормативно-правовых документов установлено, что для того, чтобы выработать предложения по совершенствованию действующих механизмов политико-правового управления экологической ситуацией в морских регионах, необходимо провести следующее.

1. Анализ законодательной базы по вопросам урегулирования международных и государственных проблем морского природопользования.

2. Определение особенностей применения политических методов для выполнения требований морского безопасного природопользования на уровне субъектов и объектов международной политики.

3. Разработка основных и конкретных (ситуационных) методов внешней политики по урегулированию вопросов морского природопользования.

4. Утверждение приоритета политики международного сотрудничества — четко выверенных и грамотно обоснованных принципов и норм социально-экологического развития с учетом требований экологической безопасности.

Для того чтобы обосновать понятия и терминологию, вводимые в экологическую морскую политику, необходимо систематизировать и проанализировать политический опыт управления экологической ситуацией в регионе интенсивного морского природопользования. Эффективность политического управления будет зависеть от многих факторов. Исходя из практического опыта, применение правовых актов способствует стабилизации и улучшению экологической ситуации. Субъекты международных отношений и субъекты экологической морской политики представлены

государствами, партиями, неправительственными организациями, научными и общественными объединениями, хозяйственными субъектами, средствами массовой информации, отдельными гражданами и т.д. В регионах совместного международного природопользования применяются нормы международного права.

Сочетание политических механизмов и утвержденных правовых норм должно способствовать эффективному урегулированию спорных вопросов при использовании ресурсов моря.

Решение задач устойчивого развития — это глобальный уровень обоснования внешнеполитической доктрины и внешнеполитической стратегии субъектов международных отношений [15]. На общих цивилизационных приоритетах с учетом особенностей государственного и регионального развития разрабатываются и внедряются в практику меры ситуационного политического управления морским природопользованием.

Проблема эффективного сотрудничества международного сообщества в рамках модели «Человек — Море — Общество» обосновывается как схожестью использования ресурсов моря, так и схожестью негативных воздействий. Ликвидировать возникающие чрезвычайные ситуации от такого рода деятельности можно только посредством внедрения механизмов ситуационного политико-правового управления как на региональном уровне, так и на уровне международных отношений.

Методологические аспекты политики морского природопользования

Политологи уделяют особое внимание исследованию понятия «политические ценности». Они считают, что необходимо мотивировать, направлять и обосновывать действия субъектов политики. Так, морское природопользование в рамках политологии рассматривается на региональном и международном уровнях. Отойти от требований международного сообщества по сохранению ресурсной базы моря на уровне регионального использования невозможно. Мировой океан — планетарная ценность, колыбель жизни. В случаях невозможности применения правовых требований к природопользователям для сохранения и восстановления океана как величайшей природной ценности система управления будет базироваться на политических методах. Если

к ценностной категории относить Мировой океан, то это категория абстрактности. Ценность имеют ресурсы океана, которыми пользуются субъекты в соответствии с установленными нормами. При этом политические нормы являются базовой компонентой для всех категорий норм. Политические нормы — это такие правила поведения, которые установлены на уровне политических соглашений и которые должны соблюдаться субъектами политических отношений. Регулирующим политическим фактором могут выступать политические партии, в программах которых отражены экологические нормы. К формальным политическим нормам можно отнести статьи законов, уставов, ратифицированных соглашений и конвенций. К неформальным — национальные природоохранные традиции. Государственное управление использует методы политического влияния. Методы государственного управления морскими районами — это способы и средства влияния политических органов государственного управления на должностных лиц или на управляемые объекты.

Геополитический подход при регулировании процессов морского природопользования прежде всего базируется на основе анализа политических документов с учетом особенностей понятия «геостратегия», которое политологами рассматривается чаще всего применительно к морской прибрежной зоне государства. С одной стороны, это географическая привязка к территории, с другой — к ее стратегическому развитию. Геостратегия используется в целях оценки международно-политических позиций государств. Это понятие применяют в политической практике при обосновании специфики международных отношений в конкретных областях, таких как экономика, политика, экология. Черноморский регион геостратегически значим не только для государств Черноморского бассейна и Российской Федерации.

Региональный аспект по охране ценной природной ресурсной базы и обеспечению экологической безопасности Черноморского бассейна в современных реалиях выйдет на первый уровень политического международного взаимодействия. Политические принципы регионального экологически безопасного развития будут влиять на внешнеполитическую стратегию России. С позиций политического урегулирования сложных вопросов необходимо рассматривать сложившуюся кризисную ситуацию на основе

оценки эффективности применения политических методов. Так, например, сравнительный (компаративный) метод политических исследований основан на сопоставлении двух политических объектов или более. Он позволяет установить, в чем состоит их подобие, вычленив общие черты, либо показать, по каким признакам они (политические объекты) различаются. Этот метод позволяет выделять политические требования, которые были выдвинуты субъектам морского природопользования как в историческом аспекте, так и на современном этапе развития природопользования. К примеру, Цель 14 «Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития» предполагает разработку одинаковых задач для государств, использующих морские ресурсы, но разные методы решения. При этом в международном аспекте будет уделяться внимание конкурентности субъектов политического процесса. Так, Россия ежегодно отчитывается в ООН по решению задач, способствующих достижению Целей устойчивого развития. На региональном уровне как в России, так и в других государствах в политическом процессе наблюдается конкуренция между политическими партиями по решению задач ЦУР. При этом в политическую систему обеспечения экологической безопасности входят элементы политической системы общества, которые выдвигают требования по сохранению природных ресурсов и восстановлению утраченных экосистем. Они образуют политические отношения между субъектами природопользования и влияют на функционирование системы управления.

Политические методы в экологии — это методы, регулирующие действия политических и общественных организаций, направленные на защиту окружающей среды. Политические принципы, характерные для правового государства, применяются в международном праве и учитываются при разработке международных соглашений по охране природной среды; их можно поставить в следующем порядке: активность политических структур; переговоры; добровольность; демократичность; гласность.

Институциональный метод, который можно применять при исследовании влияния политических институтов (парламент, правительство, партии, механизмы разделения властей, избирательные процедуры и т.д.) для обеспечения экологической

безопасности, логически связан со стремлением выявить определенные регулирующие юридические нормы. Это упрощает процесс сотрудничества, подразумевая установленную меру ответственности субъекта природопользования. Но законодательство отнюдь не совершенно, и оно развивается по мере накопления инцидентов. Исходя из исторического опыта политического сотрудничества, можно утверждать, что международная политика прибрежных государств направлена и будет направлена на урегулирование отношений между социальными группами, нациями при использовании ресурсов Мирового океана политическими методами. Политическое партнерство, поиск политических норм и подписание соглашений, содержащих нормативно-правовые требования по охране окружающей среды, являются перспективными и развиваются в современных реалиях международных отношений.

Черноморский регион в международной повестке экологической безопасности

Если выбрать регион для исследования влияния человеческой деятельности и урегулирования этой деятельности политико-правовыми методами, то Черное море можно выделить в особую международную категорию. Черное море — важный геополитический и ресурсный регион не только для причерноморских государств [5; 10; 13; 20; 26]. Оно характеризуется относительной замкнутостью и связывает экономическими связями государства Востока — Запада и Севера — Юга. В нем исторически реализуются торговые связи, экономические проекты. А сам Черноморский регион имеет особое значение для России.

Исходя из современных геополитических реалий, необходимо разработать новые политические механизмы как для решения краткосрочных проблем, так и для учета перспектив развития международных отношений в этом морском регионе [2; 5; 11; 16; 18; 19].

Государственная морская экологическая политика в международном масштабе должна быть направлена на решение следующих важных задач.

1. Развивать отрасли права для правовой защиты морской среды.

2. Усилить экономическую ответственность хозяйствующих субъектов — морских природопользователей.

3. Разработать меры воздействия на нарушителей за негативные экологические последствия, которые могут быть вызваны их деятельностью.

4. Определить наиболее эффективный способ финансирования защиты и охраны морской среды.

5. Разработать методы экологической экспертизы проектов и направления морского экологического аудита.

6. Разработать методы защиты уникальных природных морских объектов и внедрить программы по сохранению биологического разнообразия и сохранения генофонда морской биоты.

7. Создать систему ситуационного экологического управления и внедрять в практику методы контроля за состоянием морских акваторий и прибрежных районов.

8. Координировать мероприятия по проведению политики экологически безопасного использования морских ресурсов на международном глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях.

Эти задачи могут быть урегулированы политическими методами. Экологическая морская политика, как России, так и зарубежных государств, должна учитывать краткосрочные и долгосрочные цели [8; 9; 11; 12; 15; 18; 19; 21; 23; 27]. В своей основе эта отрасль политического знания, конечно, ориентирует на приоритет политики государства по выполнению требований устойчивого безопасного развития [25]. Однако необходимо переориентировать субъекты морского природопользования с потребительского отношения к ресурсам моря на их созидательную, ресурсосберегающую деятельность. А это — область экономической политики, которая выходит на экологический уровень, а конкретно — на соблюдение требований принципа экологического императива.

Морская доктрина, принятая в Российской Федерации, является документом стратегического планирования. В нем закреплены положения государственной внутренней и внешней политики России в области морской деятельности [11; 14; 18; 21]. Нормативные правовые акты России в области обеспечения экологической безопасности учитывают и положения принятой

международным сообществом Концепции устойчивого развития. Это международный акт, влияние которого сказывается на законодательных инициативах федерального законодательства России, а также стран, которые поддерживают идеи Концепции [15].

На основе Концепции приняты и действуют в настоящее время международные договоры, например причерноморских государств. Во все времена, исключая время ведения боевых действий, в Черноморском регионе соблюдались принципы международной вежливости (*comity, comitas gentium, courtoisie international*), а также нормы и принципы международного права [7; 8; 9; 14].

Черноморский регион ярко имеет безусловную международную значимость. Трансграничные воздействия характеризуются масштабными последствиями. В этом регионе актуально и перспективно развивать международное сотрудничество. Целесообразно создать международный органа управления. На него можно возложить обязанности по контролю за использованием ресурсов моря, оценке загрязнения акватории, идентификации типов загрязнения и его источника и т.д. Следует активизировать работу по выработке системы политических методов, которые позволят стабилизировать ситуацию в случае возникновения зон экологической напряженности.

Три основных показателя, которые рассчитываются и обосновываются как в отдельных государствах, так и на уровне международных отношений: экономический рост; социальная интеграция; охрана окружающей среды. Эти показатели учитываются при выполнении задач устойчивого развития морских акваторий.

Перечислим основные контрольные параметры, влияющие на процесс управления экологически безопасным развитием Черноморского региона.

1. Общеэкологический — реализация поставленных задач, принятых международным сообществом, и контроль за их выполнением:

- обеспечение экологической безопасности человечества;
- экологический рейтинг субъектов природопользования.

2. Социально-политический — внедрение экологического императива в социальную и политическую деятельность:

- государственный и общественный экологический контроль за природопользованием;

- разработка и практическое внедрение научных проектов по восстановлению экологических систем, биологического функционала, видового разнообразия;
- эффективная оптимизация использования природных ресурсов.

3. Социально-экологический политический принцип — мотивация к бережному отношению к ресурсам моря и формирование экологического мировоззрения.

4. Геополитический — приоритет экологического императива во всех сферах деятельности и в системе управления.

5. Правовой аспект — формирование отраслей права и правовое регулирование взаимоотношений в области устойчивого экологического развития.

Все перечисленные составляющие характерны для любого района Мирового океана. Основой регионального международного экологического сотрудничества является сближение целей по охране окружающей среды. Региональная экологическая политика не должна быть набором национальных и местных программ [1; 2; 5; 11], а международная региональная экологическая политика должна проводиться в жизнь социума совместными усилиями всех международных субъектов- природопользователей.

В программы международной региональной экологической политики целесообразно включить уже известные основные направления, которые соответствуют экологически регламентированной деятельности, а именно: нормирование; лицензирование; сертификация; экспертиза и иные виды экспертиз в сфере охраны окружающей природной среды и обеспечения экологической безопасности в природопользовании — контроль, аудит, страхование. Важно также проводить оценку по воздействию любых видов деятельности на морскую среду. Следует разрабатывать, а при необходимости — организовывать мероприятия по действиям в чрезвычайных ситуациях. При этом большое значение должно отводиться разрешению экологических споров на международных политических площадках.

Заключение

Исследования дали необходимую информацию, на основании которой стало возможным сформировать предложения по обе-

спечению устойчивого и экологически безопасного развития морских регионов.

Во-первых, в настоящее время для морских государств нет четких методик оценки экологического ущерба, а нормативно-правовая база если и не устарела, то не охватывает все насущные экологические проблемы, которые складываются в морских акваториях. В связи с этим политические методы урегулирования сложных вопросов приобретают главенствующее значение. Необходимо провести анализ исторической преемственности политических методов и оценить их сферу влияния.

В условиях не проработанной международным сообществом нормативно-правовой базы приоритет будет отдаваться урегулированию проблемных вопросов политическими методами. Российская Федерация в полном объеме соблюдает положения уже принятых международных конвенций и соглашений. Применяемые Россией на практике политические методы ложатся в основу национальных проектов (государственный (федеральный) уровень) и ратифицированных соглашений, конвенций (международный уровень).

Во-вторых, в долгосрочной перспективе при интенсивном использовании ресурсов моря проблемы обеспечения экологической безопасности будут превалировать.

В связи с экологическими проблемами следует:

- обосновать понятие «политическое урегулирование проблем экологически безопасного развития морских акваторий»;
- проанализировать международную политическую специфику управления в целях обеспечения экологической безопасности морского природопользования;
- определить текущие и перспективные проблемы политического управления экологической ситуацией прибрежного региона, в том числе на уровне международных отношений;
- разработать механизмы политического управления морским природопользованием на основе норм права;
- разработать варианты политико-правового урегулирования экологических проблем при использовании морских ресурсов субъектами природопользования.

Перечисленные направления деятельности можно предложить учитывать всем международным субъектам морского при-

родопользования. Политика прибрежного государства может определять цели и направление экологической морской политики в международном масштабе и непосредственно влиять на деятельность субъектов природопользователей.

В-третьих, региональный морской аспект по охране ценной природной ресурсной базы и решению проблем по обеспечению экологической безопасности в Черноморском бассейне выходит на международный уровень политического взаимодействия.

Для повышения эффективности политического управления в области использования ресурсов в Черноморском регионе предлагается следующее.

1. Выработать политические приоритеты международного сотрудничества государств Черноморского региона. В условиях международного приоритета устойчивого развития таким приоритетом должен быть приоритет экологического императива.

2. Выделить краткосрочные и долгосрочные цели работы «Системы экологического управления ситуацией» в морских прибрежных районах с учетом международных требований.

3. Определить варианты задач, например:

- понятие «безопасное развитие» и его методы;
- перспектива использования ресурсного потенциала Черноморского бассейна;
- разработка комплекса мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера;
- реализация геополитических интересов сторон в рамках норм международного права с учетом устойчивого развития.

4. Разработать механизмы взаимодействия государственных природоохранных органов, в том числе на международном уровне.

5. Проанализировать нормы регионального права, международного права, выявить преемственность, определить приоритеты и сформировать нормативно-правовую базу управления морским регионом.

6. Разработать методики мониторинга и оценки ущерба в случае возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

7. Разработать механизм взаиморасчетов за природопользование и за нанесение ущерба окружающей среде.

8. Осуществлять разработку национальных нормативных правовых актов в области охраны окружающей среды с учетом межнациональных интересов и приоритета безопасного развития цивилизации.

В практику международного политического сотрудничества эти направления можно внедрять в любом регионе Мирового океана. Политика международного сотрудничества должна использовать накопленный политико-правовой опыт сотрудничества и применять его для обеспечения экологически безопасного развития морского региона. Разногласия, существующие на современном этапе, могут быть решены путем переговорного процесса в соответствии с действующими соглашениями и нормами международного права. Соблюдение международных принципов экологической безопасности обеспечит наиболее эффективный эколого-экономический путь развития как субъектов морских природопользователей Российской Федерации, так и субъектов международных отношений.

В-четвертых, система обеспечения целостности и стабильности развития морских бассейнов должна базироваться на основе того, что политика определяет проекты будущего, социальные ориентиры и направленность развития, а право регулирует отношения. В значениях института экологического права право природопользования понимается как объективное право и субъективное право — право и обязанности природопользователей. Содержание определяется соответствующими полномочиями.

Рассмотренные направления — это только некоторые вехи большой работы. Для морских природопользователей в области экологической политики необходимо сформировать целостную систему — «политическую систему обеспечения экологической безопасности морских регионов». В ее структурные звенья будут входить как подсистемы региональный и глобальный уровни. И это обусловлено тем обстоятельством, что морская система не имеет региональных и государственных границ. Проблемы, которые возникают при ее интенсивной эксплуатации, многогранные и многоуровневые и требуют международного внимания. Анализ существующей нормативно-правовой базы, включая соглашения и конвенции, указал, что разработанные правовые акты, несмотря на то, что они выполняются, недостаточны для

обеспечения экологически безопасного и устойчивого развития морских регионов. Политические методы выходят на первый и главный уровень урегулирования сложных экологических проблем, которые складываются при интенсивном морском природопользовании. Экологическая политика в области морского природопользования ориентируется на устойчивое экологически безопасное развитие.

Литература

1. *Беленко Т.А.* Экологические проблемы Черного и Азовского морей — естественнонаучные и социальные аспекты / United Nations Development Program — Global Environmental Facility (UNDP — GEF) Black Sea Environmental Programme; Black Sea Ecosystems Recover Project. — Таганрог, 2014. — 96 с.
2. *Вандам А.Е.* Геополитика и геостратегия (Наше положение. Величайшее из искусств). — Жуковский — М.: Кучково поле, 2002. — 212 с. — URL: <https://www.viaevrasia.com/documents/77299.pdf> (дата обращения: 25.11.2024).
3. *Валиуллина К.Б.* Международно-правовая охрана и защита Мирового океана от загрязнения: дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2018. — 250 с.
4. *Загорский А.В., Тодоров А.А.* Комплексное управление морским природопользованием в Арктике: доклад РСМД № 42/2018 / Российский совет по международным делам. — М.: НП РСМД, 2018. — 44 с.
5. *Иванашенко Л.А.* Правовой режим закрытых морей // Военно-морской международно-правовой справочник / под ред. Л.Д. Барабти, А.С. Бахова, Л.А. Иванашенко и др. — М., 1966. — 129 с.
6. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993сизм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 25.11.2024).
7. Конвенция МАРПОЛ 73/78 [Международная конвенция 1973 года по предотвращению загрязнения с судов, измененная протоколом 1978 г. (вошла в силу в 1983 г.), подписана в г. Лондоне]. — URL: <https://base.garant.ru/2540818/?ysclid=lm3r93a83s512444155> (дата обращения: 25.11.2024).
8. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (1991 г.) [подписана в г. Экспо, Финляндия]. — URL: <https://www.conventions.ru/convention/id/?id=398> (дата обращения: 25.11.2024).
9. Конвенция по защите Черного моря от загрязнения (1992 г.) (Бухарестская конвенция). — URL: <http://www.oceanography.ru/index.php/2013-05-24-16-12-00/2014-02-02-17-10-46> (дата обращения: 25.11.2024).
10. *Мешера В.Ф.* Региональные моря // Советское морское право / под ред. В.Ф. Мешеры. — М.: Транспорт, 1980. — 75 с.
11. Морская доктрина Российской Федерации от 26 июля 2015 г. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 25.11.2024).
12. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года [утв. Президентом РФ 30.04.2012]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129117/ (дата обращения: 25.11.2024).
13. *Перельс Ф.* Современное морское международное право. — Часть первая. Состояние мира / пер. с нем. — СПб., 1984. — 60 с.
14. Приказ Госкомэкологии России от 16 мая 2000 г. № 372 «Об утверждении Положения об оценке воздействия намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации» [зарегистрировано в Минюсте России 04.07.2000 № 2302]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_

- doc_LAW_27864/ad81eccd19eef7eca63c1cc900f54f906cb96030/ (дата обращения: 25.11.2024).
15. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, г. Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.]. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 25.11.2024).
16. Скаридов А.С. Морское право: в 2 т. — Т. 2. Международное морское коммерческое право: учебник для вузов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2020. — 225 с.
17. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. — URL: <http://kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 25.11.2024).
18. Стратегия развития морской деятельности в Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72573254/> (дата обращения: 25.11.2024).
19. Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года. — URL: <https://ecocntr.ru/blog/novosti/proekt-strategii-ekologicheskoy-bezopasnosti-Rossijskoj-Federacii-na-period-do-2025-goda> (дата обращения: 25.11.2024).
20. Суржин А.С. Международно-правовой режим Черного моря (включая Азово-Керченскую акваторию и Черноморские проливы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.: Изд-во РУДН, 2011. — 28 с.
21. Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации». — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/> (дата обращения: 25.11.2024).
22. Устав Организации Черноморского экономического сотрудничества. (г. Ялта, 5 июня 1998 г.). — URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/7/773?type> (дата обращения: 25.11.2024).
23. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72573254> (дата обращения: 25.11.2024).
24. Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (посл. ред.) «Об экологической экспертизе». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8515/ (дата обращения: 25.11.2024).
25. Цели в области устойчивого развития. — URL: <https://www.un.org/sustainable-development/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 25.11.2024).
26. Чумаченко В.А. Современные правовые проблемы международного сотрудничества в области защиты и сохранения морской среды от загрязнения и пути их преодоления // Океанский менеджмент. — 2020. — № 2 (7). — С. 57–59.
27. Balkan and Black Sea Commission. EU publishes fourth report on Black Sea Synergy. — URL: <https://cpmr-balkan-blacksea.org/maritime/fourth-report-on-the-black-sea-synergy/6606/> (accessed: 25.11.2024).
28. Conference of Peripheral Maritime Regions Gozo (Malta) 2024. The 52nd General Assembly of the CPMR was held in Gozo (Malta) on 2–4 October 2024. — URL: <https://cpmr.org/event/52nd-general-assembly-of-the-cpmr/> (accessed: 25.11.2024).
29. CPMR Policy Position October 2024. Integrating Peripheral Maritime Regions into EU's hydrogen economy: an essential part of the energy transition. — URL: <https://cpmr.org> (accessed: 25.11.2024).
30. The Black Sea. Cross-border research for a healthy and productive region. — URL: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/53a73971-e4a8-11ed-a05c-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 25.11.2024).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Бажан Наталия Станиславовна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Natalia S. Bazhan,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: natalia.bazhan@dipacademy.ru

ТИТУЛ И ДРУГИЕ АТРИБУТЫ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ ГОСУДАРЕЙ РОССИИ

TITLE AND OTHER ATTRIBUTES OF THE SUPREME AUTHORITY OF THE SOVEREIGNS IN RUSSIA

Аннотация: автор настоящей работы попытался в краткой форме изложить историю возникновения и эволюции титула и других атрибутов верховной власти государей России на протяжении трех исторических периодов: великокняжеского, царского и императорского. Показано, что идея о новом государе как о едином властелине всей русской земли и о его титуле как необходимом атрибуте верховной власти будущего государства возникла в ходе борьбы за независимость в условиях собирания русских земель и создания единого Русского государства. По мнению автора статьи, титул отображал также процесс расширения территории Великого княжества Московского и упорное стремление государей России вернуть утраченные русские земли. В статье указывается, что главными внешними атрибутами на протяжении всего исследуемого периода считались: титул государя, государственный герб и государственная печать. Показана тесная связь между этими атрибутами, каждый из которых нес определенную смысловую нагрузку: в титуле были заложены основные политические идеи, герб был призван передавать наглядным образом эти идеи и выполнял роль внешнего символа страны и ее государя, печать была одним из важнейших элементов государственной власти и в точности соответствовала пространству власти государя и объему его владений. Все атрибуты дополняли друг друга и являлись тем главным инструментом, с помощью которого на протяжении многих столетий успешно решались важные политические задачи в России и на международной арене.

Ключевые слова: титул, атрибуты верховной власти, собирание русских земель, герб, печать, посажение на стол, великий князь, царь, император, Орда, возвышение Московского княжества, «всёя Руси», «Божией милостью», самодержавная власть, Великое княжество Московское, Российское царство, программа воссоединения земель, Древнерусское государство, признание титула, оберегание царской чести.

Abstract: the author of this article has tried to show briefly the history of appearance and evolution of the title and other attributes of the supreme authority of the sovereigns of Russia during three historical periods: grand prince, royal and imperial. It was shown that the idea about new sovereign as one unified ruler of entire Russian land and his title as a necessary attribute of the supreme authority of the future state arose during the struggle for independence and in the conditions of gathering of Russian lands and creation of a single Russian state. According to the opinion of the author of the article, the title also reflected the process of expanding the territory of the Moscow Grand Principality and the persistent desire of the sovereigns of Russia to return lost Russian lands. The article indicates that the main external attributes throughout the study period were: the title of the sovereign, the state emblem and the state stamp. The close connection between these attributes is shown, each of which carried a certain semantic load: the title of the sovereign contained the main political ideas; the state emblem was intended to convey these ideas in a visual way and played the role of an external symbol of the country and its sovereign; the state stamp was one of the most important elements of state authority and exactly corresponded to the volume of supreme authority of the sovereign and his ownership. All attributes complemented each other and were that main instrument with the help of which, through out of many centuries, important political tasks were successfully solved in Russia and abroad.

Key words: title, attributes of supreme authority, gathering of Russian lands, state emblem, state stamp, planting on the throne, grand prince, tsar, emperor, Tatar Horde, elevation of the Moscow Principality, "all Russia", "by the grace of God", autocratic authority, Moscow Grand Principality, Russian Kingdom, program of reunification of the lands, Old Russian State, recognition of the title, safeguarding of the tsar's honor.

Введение

После победы над Ордой в 1480 году на Руси шел поиск подходящего титула для московского государя, который соответствовал бы новым сложившимся политическим условиям. В основе этих поисков лежала идея о новом государе как о едином властителе всей русской земли. По словам русского историка, профессора Московского университета В.О. Ключевского, это была «целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение» [11, с. 115].

В исторической литературе, посвященной понятию титула государей России, дается несколько его определений. По нашему мнению, наиболее полно это понятие раскрыто в определении, которое привел профессор Казанского университета В.В. Ивановский: «Под именем титула следует разуметь прежде всего личное наименование государя, обозначающее его ранг среди других представителей верховной власти» [7, с. 94]. Он сравнивал титул государя с «особой формулой», которая содержала в себе «указания на происхождение верховной власти в России или на ее религиозное освящение, на существо этой власти и на объем владений, подчиненных носителю этой власти» [7, с. 94].

Известный русский историк и специалист по русской и зарубежной геральдике А.Б. Лакиер в своей работе «История титула государей России» писал: «В истории наименований наших Государей отражается вкратце История России» [14, с. 1]. В более конкретном историческом смысле титул отображал процесс создания и расширения территории Великого княжества Московского и упорное стремление государей России вернуть утраченные русские земли. Наиболее ярко вышеуказанные процессы проходили в великокняжескую эпоху, когда страной руководили великие князья, и в эпоху Московского царства. В «Истории титула государей России» А.Б. Лакиер в сжатой форме так описывал процесс эволюции титула государей России: «...по мере того, как правители России из дружинно-начальников и старших в роде переходили в Государей, в Единовластителей, Самодержцев, изменялось их наименование из Князей в Великих Князей, Царей и Императоров» [14, с. 2].

Титул

Великокняжеский период. С юридической точки зрения, по мнению русского юриста и историка права И.Е. Андреевского, титул — это атрибут, выражающий «существо верховной власти, как в межгосударственных внешних сношениях, так и внутри государства» [1, с. 150]. По его мнению, в странах со сформировавшейся государственностью представитель верховной власти для осуществления своей деятельности получал от государства внешние атрибуты, главнейшие из которых «представляются в титуле монарха и его гербе» [1, с. 150]. Кроме того, по мнению русского ученого-юриста Н.М. Коркунова, к вышеуказанным двум внешним атрибутам следует относить и печать государей.

В великокняжеский период лица, возглавлявшие государство, именовались великими князьями. В этот период, по словам русского историка, профессора Харьковского университета Г.П. Успенского, «древнейшее титло, коим Российские владетели от других отличались, было Князь Великий» [23, с. 92].

В домонгольский период вступление русских князей на великое княжение сопровождалось обрядом, получившим название «посаждение на стол». Суть его заключалась в том, что при избрании народом на вече какого-либо князя ему направляли рядную

грамоту (договор на княжение), народ присягал новому князю и целовал крест. Затем князь возвращался в город, в котором он был избран, и вместе с другими князьями, представителями городской знати, священнослужителями и другими видными жителями города направлялся в главную соборную церковь, где совершался ритуал действий, символизирующий, с одной стороны, согласие князя принять престол и, с другой стороны, согласие народа принять князя. После завершения ритуала князю присваивался титул «великий князь». Вместе с новым титулом великий князь получал большие права в деле руководства княжеством, судебных разбирательствах, организации войска и др. Эти права наряду с немалыми обязанностями и ответственностью прописывались в договоре. Кандидатура на великое княжение рассматривалась с большой тщательностью — народ на вече мог проголосовать и за отставку великого князя в случае, если он станет негоден. Русский писатель П.В. Полежаев по этому поводу писал: «Из всех князей выделялся только один со значением великого князя, занимавший старейший стол первой волости и имевший на остальных князей влияние отца на совершеннолетних сыновей» [16, с. 98].

В первой половине XIII века, когда на Руси начали править монголо-татары, обряд посажения русских князей на стол в целом сохранился, но осуществлялся под полным контролем ханов и в измененном виде: после подбора кандидатуры на пост великого князя его вызывали в Орду, где хан в присутствии своего двора вручал ему меч и объявлял «великим князем». Затем великий князь возвращался в свой город в сопровождении ханских послов, которые по прибытии зачитывали перед народом ханскую грамоту. Однако полученные таким образом от ордынского хана титулы старейшего (великого) князя не оказывали сколько-нибудь значительного влияния на жизнь в Орде и на Руси, поэтому ханы стали наделять великих князей большей властью над удельными князьями и перекладывали на них часть своей работы. По словам русского историка Н.И. Костомарова, сами ханы «подняли и возвысили московских князей, давая им звание старейшего (великого) князя одному за другим» [10, с. 55].

Получить титул на великое княжение было престижно, но не просто. Мешали раздробленность Руси и княжеские междоусо-

бицы. Кроме того, ордынцы выбирали лучших и не скупились при этом на обещания: «Хан клялся оставлять и на будущее время обладание великокняжеским столом за родом Калиты, давал советы Симеону Калите жить в мире и со своей стороны обещался не принимать никаких доносов» [16, с. 63].

Великий князь, будучи утвержденным в Орде, имел огромный авторитет и влияние. Некоторые князья устанавливали и поддерживали дружеские отношения с Ордой, брали в жены ханских дочерей, оказывали Орде содействие по многим вопросам, в том числе и в борьбе с непокорными князьями. В итоге к концу XIII века отношения некоторых великих князей с Ордой с точки зрения доверия и лояльности сложились таким образом, что ордынцы начали возлагать на них работу по сбору подати. По словам Н.И. Костомарова, «существовало звание старейшего (великого) князя — звание неопределенное... Ханы подняли это звание, дали ему власть и силу» [10, с. 44].

С XIV века начался процесс возвышения Московского княжества после того, как великокняжеский титул перешел к московским князьям. По словам профессора и ректора Харьковского университета П.П. Пятницкого, Иван Калита «первый из московских князей получил от Хана ярлык на великое княжение» [19, с. 5–6]. Иван Калита, поддерживая хорошие отношения с Ордой, сумел подчинить себе большинство княжеств; в период его правления появилось название «Великое княжество Московское», а само княжество «во время правления Калиты увеличилось более чем в шесть раз» [16, с. 58]. Н.И. Костомаров так охарактеризовал личность Ивана Калиты: «Московский князь, утвердивший за собою и за своим потомством привилегию звания великого князя над всею Русью, подвластною Орде, Иван Калита, был, бесспорно, человек великого ума и чрезвычайно ловкий» [10, с. 55–56]. Отношения Ивана Калиты с Ордой сложились наилучшим образом — великий князь получил ярлык на великое княжение на длительный срок. На Ивана Калиту было возложено право на сбор подати со всей Руси и ответственность за него.

Авторитет Калиты был настолько большим, что после его смерти никто из князей не оспаривал посажение на великокняжеский престол его сына Симеона, который научился у отца пользоваться властью и правильно выстраивать отношения как

с Ордой, так и с простыми князьями, за что и получил прозвище Гордый. В октябре 1341 года он получил из рук хана ярлык на великое княжение.

Великий князь московский Симеон Иванович Гордый постепенно начал прибавлять к своему титулу слова «всея Руси», и его стали величать великим князем Москвы и всея Руси. Этот его новый титул соответствовал сложившейся ситуации и, по словам И.Е. Андреевского, «действительно выражал то отношение, в котором находились к Москве остальные князья» [1, с. 151]. В условиях возвышения Московского княжества и массового присоединения к нему других княжеств московские князья решили к этому титулу добавить следующее: «1. вставить названия тех земель, которые присоединились к Москве; 2. за перечислением земель поставить слова “и иных” на том основании, что не присоединившиеся еще к Москве земли должны непременно испытать одинаковую судьбу с присоединенными — войти в область Москвы и поместиться в титуле московских князей; 3. в начале титула поставить слова “Божией милостью”» [1, с. 151]. По словам А.Б. Лакиера, созданный таким образом титул нес в себе следующий смысл: «1) того, что он Государь не Московский или Киевский, а “всея России”; 2) что он Государь не по воле людей, не по завещанию или наследству, а “Божией Милостью”, и 3) с подробным определением тех владений, из которых слилось Московское Государство» [14, с. 25–26]. Постепенно титул великого князя с приращением «всея Руси» перешел к Ивану III, получившему прозвище «собиратель земли русской». К концу великокняжеского периода по мере значительного увеличения территории Московского княжества Иван III впервые именовался «Государем всея Руси Володимирским, Московским, Новгородским, Псковским, Тверским, Югорским, Вятским, Пермским, Болгарским и иных» [23, с. 98].

Приращение к титулу «всея Руси» несло в себе два важных значения: обозначало территорию, уже находящуюся под властью обладателя титула, и одновременно с этим являлось притязанием на земли, которые раньше входили в состав Древней Руси. Важность приращения «всея Руси» заключалась еще и в том, что оно закрепляло право великого князя на верховную власть над всеми землями, которые были в составе Руси до золотоордынского нашествия. Позже в титулах некоторых государей оно было заме-

нено на слова «Всероссийский, Всероссийская», «Всея Великия и Малыя и Белыя России» без изменения первоначального смысла. Таким образом, можно отметить, что ввиду важности приращения «всея Руси» оно вошло в титулы всех государей России.

Определенный интерес в титуле Ивана III вызывали слова «и иных», стоящие в конце титула. Они присутствовали почти во всех титулах великокняжеского и царского периодов. К титулам некоторых государей была добавлена фраза «многих государств». В императорский период, начиная с титула Павла I, вместо слов «и иных» начали писать фразу «и прочая, и прочая, и прочая». Все эти слова и фразы имели подстраховочный характер на случай возникновения межгосударственных осложнений по вопросам, связанным с территориями.

Следует отметить, что Московские великие князья присоединяли земли удельных князей вместе с их титулами, которые затем заносились в титулы действующих государей. Таким образом, постепенно перечень титулов всё время увеличивался в результате перехода от одного правителя к другому в полном объеме и с учетом всех внесенных изменений.

Позже Иван III поменял слово «Господарь» на «Божьею милостью государь». С принятием нового титула поменялось и название государства — оно стало называться Русским царством. Одновременно с этим начал формироваться и новый характер политической власти над княжествами. По мнению русского историка права Д.Я. Самоквасова, «политическая власть удельных княжеств и народоправств сосредоточивается в лице великого князя, а потом великого князя и царя Московского... как власть единодержавная и самодержавная» [21, с. 12]. По мнению Н.И. Костомарова, самодержавная власть уже существовала на Руси «прежде и в полном смысле». Развивая свою мысль дальше, он писал: «Привыкший к повиновению верховной власти ханов еще в эпоху татарского завоевания, русский народ впоследствии признал ту же силу, то же право и за московскими государями, заменившими для народа ханов» [10, с. 81].

Царский период. Иван Грозный венчался на царство в январе 1547 года, затем последовал его указ, в соответствии с которым великокняжеский титул был заменен на царский. Это событие положило начало нового периода в становлении и эволюции

титула и других атрибутов верховной власти государей России. Обладание царским титулом давало возможность, прежде всего, занять более выгодную позицию в дипломатических отношениях с европейскими государствами и решать многие другие задачи, как в международных делах, так и внутри России. После принятия Иваном Грозным царского титула Великое княжество Московское стало носить название «Российское царство». Затем, в конце XVI века к этому названию прибавили слово «Великое».

Титул, сформированный при Иване III, лег в основу титулов всех последующих государей. В их состав, по словам русского ученого-юриста Н.М. Коркунова, входили следующие части.

«В первой словами “Божьею поспешествующею милостью” указывается на самостоятельность источника власти монарха, на то, что власть свою он не производит ни от кого, кроме Бога, как Божий помазанник.

Во второй части обозначается собственное имя царствующего императора.

В третьей части определяется ранг и самое существо власти государя.

В четвертой, последней и самой обширной, части титула перечисляются отдельные области, из коих составила территория русского государства» [9, с. 177]. Она являлась самой изменяемой частью, по поводу которой возникали споры и разногласия с главами иноземных государств.

Царский титул существовал в трех формах: полный, сокращенный и краткий. Какую форму титула использовать при отправлении грамот в иноземное государство или применить при устном общении иноземных послов с русскими государями — всё зависело от состояния межгосударственных отношений и от намерений отправителя грамоты. В этих условиях русские государи, по словам А.Б. Лакиера, «по всей справедливости дорожили своим наименованием и, отстаивая каждую его часть, отстаивали вместе с тем принадлежность им той или другой страны, таких или других прав Величества» [14, с. 73]. Самую большую обеспокоенность в некоторых европейских странах вызывало в царском титуле приращение «всея Руси», в котором лидеры этих стран видели, по словам советского и российского историка, доктора исторических наук А.Л. Хорошкевич, «программу воссоединения земель в объеме

Древнерусского государства» [24, с. 85]. Они опасались также, что признание европейскими странами царского титула русских государей повлечет за собой признание международного престижа всей России. Кроме того, согласно установившейся практике, если государь одной страны писал в своей грамоте полный титул главы другой — это было подтверждением того, что он признает за ним все перечисленные в его титуле земли.

Ввиду важности для России добиться признания титула ее государей предпринимались следующие меры:

- Иван III начал употреблять свой царский титул в переписке сначала с небольшими зарубежными государствами, с тем чтобы понять их реакцию на титул;
- в некоторые европейские страны направлялись грамоты с коротким титулом;
- для подтверждения права русских государей на царский титул создавались различные легенды. По этому поводу русский историк литературы Е.В. Барсов писал: «...создается целая литература, направленная к отысканию внешних исторических оснований для подтверждения прав Московских Государей на Царский титул» [2, с. 22];
- титул русских государей вводился в практику дипломатических отношений постепенно. Сначала, по прибытии иноземного дипломата, титул русского государя произносился дьяками на границе, затем в обязательном порядке титул произносился всеми при любом упоминании имени русского государя. Кроме того, по словам В.О. Ключевского, «где случалось упоминать имя государя, сказывался титул с перечислением главнейших княжеств» [12, с. 45];
- Посольский приказ считал своей главной задачей, по словам русского историка М.А. Веневитинова, установление за границей «правильных понятий о могуществе и значении Руси в лице ее единственного и полнейшего представителя» [4, с. 143];
- Посольский приказ в своей деятельности преследовал цель с помощью титула русских государей продекларировать в европейских странах право России на ранее принадлежавшие ей территории и добиться признания этого права со стороны европейских монархов. В Посольском приказе

считали также, что одним из путей достижения поставленной задачи является оберегание царской чести. Русские послы, работавшие в зарубежных странах, к этому вопросу относились с максимальным вниманием и, по словам хранителя Московского главного архива МИД России С.А. Белокурова, говорили: «Самое большое дело государскую честь остерегать; за государскую честь должно нам всем умереть» [3, с. 69]. Послы строго следили за тем, чтобы иноземные дипломаты правильно писали и произносили имя русского государя с царским титулом. По словам русского историка и профессора Харьковского университета В.И. Саввы, они должны были писать его имя «как сам себя царь пишет» [20, с. 293]. По словам С.А. Белокурова, «титул государственный выражает формальное подтверждение конкретных прав. Умышленное изменение этого титула или пропуск составных его частей представляются посягательством на чужую честь или отрицанием приобретенных тем или другим способом прав» [3, с. 70]. Считалось, что сделать ошибку в написании или произнесении царского титула означало нанести урон чести государя. В соответствии с главой II «О государевой чести, и как его государево здоровье оберегать» Соборного уложения 1649 года предусматривалось наказание вплоть до смертной казни за совершение преступления против царя, его чести и здоровья.

Императорский период. Царский титул был упразднен 22 октября 1721 года, когда Сенат и Синод решили преподнести Петру I титул императора Всероссийского и наименование Великого Отца Отечества. В прошении по этому поводу говорилось: «Именем всего народа Российского просить, дабы изволил принять, по примеру других, от них титул: Отца Отечества, Императора Всероссийского, Петра Великого» [18, с. 444].

В ноябре того же года последовал высочайший указ о новом титуле.

За принятием титула императора последовало изменение названия Московского царства — оно стало называться Всероссийская Империя.

Важной частью нового титула были слова «Самодержец Всероссийский». Следует отметить, что иностранные правители

не сразу приняли императорский титул — это произошло только в царствование Екатерины II. Превращение России в Империю предполагало коренное изменение положения и роли монарха в системе государственной власти. Планировалось, что он станет, как об этом писал профессор Императорского Александровского университета в Гельсингфорсе С.А. Корф, «органом государства, интегральной частью последнего; объем же его власти и состав его функций определяется конституцией данного государства» [13, с. 71].

Были сделаны первые шаги в построении конституционно-монархического строя: принят новый свод основных законов «Основные государственные законы Российской империи» (1906 г.), в России создано и действовало ограниченное де-юре самодержавие.

При Петре I начали применять римские цифры в обозначении титулов русских государей.

В титуле императорского периода кроме основных содержались и титулы почетные. Актом Павла I от 5 апреля 1797 года титул великий князь превратился в почетное звание для членов императорской семьи и остался частью полного титула Российского императора. В императорский период к титулу государей прибавляли фразы, связанные с выдающимися историческими событиями, произошедшими в период их правления. Так, например, в феврале 1784 года в честь вхождения Крыма в состав России был обнародован новый полный титул императрицы Екатерины II, в который вошли слова «Царица Херсонеса Таврического».

Свойства Российского императора были определены в статье 1 Основных государственных законов Российской империи следующим образом: «Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает» [9, с. 151].

Всероссийский государственный герб

По мнению русского писателя и историка Е.Н. Воронца, «история герба тесно связана с историей печатей Московских государей» [5, с. 18]. Однако, несмотря на то, что в основе герба лежит печать, между ними существует большое отличие, как в постро-

ении и компоновке составляющих элементов, так и в их назначении. По словам А.Б. Лакиера, «печать тогда только может стать гербом, когда приобретет характер наследственности, т.е. будет переходить из рода в род (от государя к государю) без изменения, и, кроме того, примет те геральдические атрибуты, без которых нет понятия о гербе» [15, с. 127].

В великокняжеский период определенной сложившейся формы герба еще не существовало — вместо него использовалась печать с изображением всадника, поражающего копьем змея, на лицевой стороне и двуглавого орла — на обратной.

Касательно времени появления государственного герба А.Б. Лакиер писал, что «ранее других образовался герб государственный» [15, с. 57]. Конкретную дату появления государственного герба устоявшейся формы историки связывают с двусторонней висячей печатью, привешенной в июле 1497 года к меновой грамоте Иоанна III. С этого времени двуглавый орел и всадник, поражающий змея, стали двумя основными и постоянными элементами государственного герба России, который сложился путем прибавления к этим двум элементам различных атрибутов по мере роста силы и могущества Российского государства. Кроме того, в процессе формирования государственного герба в нем произведен ряд изменений, к которым следует отнести различные комбинации размещения двух основных элементов. Были ситуации, когда всадника помещали в середине орла, затем оба элемента изображались отдельно друг от друга и т.д. По словам русского историка И.М. Снегирёва, после Ивана III в гербе произошли перемены в «числе глав и корон, осенявших главы орлов (...одна, и две, и три), в положении крыльев орла, то опущенных, то поднятых кверху... орлы в своих когтях держат скипетр и державу, иногда без того и другого, редко одни цветы» [22, с. 3]. Орел в гербе служил символом власти государя и обладателя всея Руси, в которой к изображению орла было особое отношение: по словам Е.Н. Воронца, «он есть символ господства, могущества, величества Верховной Власти Царской» [5, с. 28].

Что касается цели, с которой формировался государственный герб, то, по мнению А.Л. Хорошкевич, «государственный герб должен был передать все нюансы титулатуры императора, самодержца, царя, государя, великого князя, повелителя, наследника

и герцога, с одной стороны, и подчеркнуть власть над 50 различными по политическому статусу и размерам землями... — с другой» [25, с. 7]. Кроме того, герб был призван передать наглядным образом все идеи, заложенные в титуле государей России.

Одновременно с государственным гербом существовал и герб Москвы, который, по словам А.Б. Лакиера, «долго составлял только обратную сторону всероссийского герба» [15, с. 144]. Процесс формирования государственного герба описал в своей работе И.М. Снегирёв. По его словам, «Великий князь Иоанн соединил всадника с двуглавым орлом» [22, с. 5].

В годы правления царя Алексея Михайловича государственный герб уже представлял собой, по словам Н.М. Коркунова, «сочетание византийского герба, черного двуглавого орла, с московским гербом (наездник), помещаемым на груди орла: в червленом щите св. Великомученик и Победоносец Георгий на белом коне, поражающий дракона золотым копьем» [9, с. 177].

Первым крупным изменением в гербе 1497 года было размещение вокруг двуглавого орла гербов присоединенных земель. В ноябре 1605 года Иван Грозный к грамоте, адресованной Лжедмитрию, приложил большую государственную печать, на которой впервые были изображены эмблемы царств и великих княжеств, присоединенных к Московскому княжеству. Эта идея была использована и при изготовлении нового большого герба, в котором равноудаленное расположение эмблем вокруг центра герба символизировало равенство между ними, а сам герб стал символом единства и могущества России.

В конце 1667 года царь Алексей Михайлович издал указ «О титуле Царском и о Государственной печати», в котором впервые было представлено описание государственного герба. В этом указе содержалось также объяснение наличия в гербе трех корон — они символизировали три царства, вошедшие в состав России: Казанское, Астраханское и Сибирское.

Все изменения в титуле государя немедленно и в полном объеме отображались в государственном гербе. В годы правления Алексея Михайловича все государственные гербы России были упорядочены в соответствии с геральдическими требованиями. Эту работу возглавил барон Бернгард Кёне, который занимал тогда должность Начальника гербового отделения Департамента

герольдии России. Он поддержал идею Павла I о создании большого герба Российской империи в трех форматах — большой, средний и малый. В окончательном виде большой герб был готов в 1883 году и просуществовал до 1917 года. По мнению известных историков, большой государственный герб символизировал единство и могущество Российской империи.

Государственный герб в императорский период использовался в качестве инструмента для уплаты пошлин, сбора налогов и решения других важных задач государства. В январе 1699 года Петр Великий издал указ, который обязал все дела, связанные с векселями, заемными письмами, крепостными актами и прочими важными документами, писать на гербовой бумаге. С момента принятия этого указа вышеуказанные документы приобретали юридическую силу лишь при условии их написания на гербовой бумаге. До этого указа, как об этом писал русский и советский историк П.А. Картавов, «все дела писались на обыкновенной, неклеименой бумаге» [8, с. 3]. Гербовая бумага изготавливалась и реализовалась государством; покупка такой бумаги заменяла собой уплату пошлины.

В октябре 1723 года «Император Петр Великий учреждает прототип современной гербовой бумаги, с водяными знаками» [8, с. 13], которые представляли собой Государственный герб в виде двуглавого орла.

Использование гербовой бумаги приносило в казну государства немалые доходы. Так, по замечанию московского исследователя-бониста А.Е. Денисова, «тарифы гербовой бумаги изменялись периодически с повышением ее цены, каждый раз, как правило, вдвое» [6, с. 10]. Гербовая бумага выпускалась различным достоинством, величина которого, по словам А.Б. Лакиера, в период Петра Великого «различалась по величине орла» [15, с. 137].

Государственная печать и другие атрибуты верховой власти

В великокняжеский период великие князья и их посадники имели свои печати, которыми они утверждали сделки и трактаты, — печать заменяла подпись князей. Кроме того, они имели право — и активно им пользовались — чеканить монеты со своей печатью и под своим именем.

В большинстве случаев печать состояла из одного изображения, вокруг которого было указано имя и отчество князя. Удельные князья иногда имели печати двусторонние, иногда и необычной формы. Печать великого князя Ивана Даниловича Калиты, например, была «восьмиугольная, с изображением на одной стороне Спасителя, а на другой св. Иоанна Предтечи. Вокруг по обеим сторонам надпись: Печать великого князя Ивана» [15, с. 73].

В царский период каждый государь вступал на престол с новой печатью, которая изготавливалась с учетом его пожеланий высококлассными мастерами, как отечественными, так и иностранными. В случае задержки в изготовлении печати государь пользовался некоторое время печатью его предшественника, о чем делалась соответствующая запись в указе о смене государя. Печать была одним из важнейших элементов государственной власти, и, по словам А.Б. Лакиера, «без нее (печати) как символа государственной власти останавливалось отправление государственных дел» [15, с. 136]. По его словам, печать представляла собой «титул государя в эмблеме, которая в точности соответствовала пространству его власти и объему владений. Надпись вокруг печати объясняла, как это было и прежде, чья она, какие области подчиняются русскому государю, и вообще соответствовала его титулу» [15, с. 155].

В Полном собрании законов Российской империи приводится следующее описание государевой печати: «В круге орла вырезано было Великого Государя наименование и титла полная...» [17, с. 735]. Подобно тому, как царский титул существовал в трех формах: полный, сокращенный и краткий, — так и царская печать была большой, средней и малой, и каждая из них прикладывалась к тем грамотам, где был указан соответствующий титул.

Уровень важности лица — отправителя и получателя грамоты, а также важность акта можно было определить по нитке, на которую печать крепилась к грамоте. Печати простых князей в большинстве своем крепились на суровых нитках, а царские — на шелковых малиновых, зеленых, голубых и синих с золотом.

Закон, в частности статьи «Уложения царя Алексея Михайловича», предусматривал суровое наказание за подделку или фальсификацию государственной печати. По словам А.Б. Лакиера, смертное наказание предусматривалось «для всякого, кто

или подделает государственную печать, или, отняв печать от бумаги, к которой она приложена, перенесет ее на “воровския и нарядныя” грамоты» [15, с. 160]. Для сохранности печати она при хранении и транспортировке помещалась в особый «кустодий» — футляр, имевший различный внешний вид — от простого металлического до золотого или серебряного в зависимости от значения того государства, в которое отправлялась грамота.

Государственные печати изготавливались и хранились во внешнеполитическом ведомстве России. В императорский период, когда была создана Коллегия и Сенат, государственную печать хранили в Сенате «у особого человека». Некоторые государи за время своего правления имели по несколько печатей. Так, у царя Алексея Михайловича их было девять. По этому поводу А.Б. Лакиер писал: «В каждое царствование встречаем по несколько экземпляров государственной печати, которые различались между собою объемом, полнотою атрибутов и эмблем» [15, с. 137].

Применение государственной печати контролировалось — по поводу каждого ее приложения составлялся протокол. Роль государственной печати во внешнеполитических делах и в осуществлении верховной власти внутри России была настолько велика, что во второй половине XVII века был создан Печатный приказ и учреждена должность «царственной большой печати оберегателя» (печатника). Должность эта появилась по разным причинам, главной из которых является то, что на Руси написание грамот занимались дьяки, а печатники утверждали готовые грамоты печатью и собирали установленные законом пошлыны. Постепенно сбор печатных пошлын сконцентрировался в Печатном приказе, в котором, по словам А.Б. Лакиера, «прикладывалась государева печать к разного рода грамотам и отпискам... естественно, что этому же месту был подведом и сбор пошлын за прикладывание печати по положению, подробно определенному законом» [15, с. 165].

Что касается других атрибутов верховной власти, то их перечень менялся и зависел от пожелания государя, и, по словам В.В. Ивановского, «к преимуществам чисто внешнего свойства относится право на употребление императорских регалий — короны, скипетра, державы, трона, порфиры, титула, герба и печат-

ти... эти регалии выражали символически различные свойства и качества верховной власти» [7, с. 93], к которым в период правления Александра III, например, относились следующие:

- Большая Императорская корона являлась одной из главных династических регалий, основным символом власти и величия русских государей, а также верховом совершенства по художественному исполнению, количеству драгоценных камней, их подбору и размещению;
- Скипетр считался одним из старейших символов власти. Сделан из золота и сверху украшен знаменитым орловским бриллиантом;
- Держава (яблоко великодержавное) — одна из главных регалий монархов и символ императорского владычества над землей. Сделана из золота, украшена большим миндалевидным бриллиантом;
- Трон считался символом божественного происхождения власти;
- Порфира (мантия императора) считалась символом царственного достоинства. Расшита геральдическими орлами государственного герба России;
- Государственная церемониальная печать. Сделана из серебра в царствование Алексея Михайловича;
- Государственное знамя, с обеих сторон которого вышит императорский орел с гербами княжеств и областей, вошедших в состав России.

Важно отметить, что большинство регалий были богато украшены драгоценными камнями и благородными металлами и представляли собой огромную, в том числе и художественную, ценность.

Многие из вышеуказанных регалий наряду с другими использовались для совершения обрядов поставления на великое княжение и священных обрядов венчания на царство и коронации русских царей и императоров.

М.А. Веневитинов видел в зарождающихся и совершенствующихся атрибутах государственной власти некую новую силу: «Московский царь сосредоточивал, воплощал в своем лице новую силу... значение этой новой государственной силы выражалось в самодержавных атрибутах ее обладателя» [4, с. 143].

С помощью титула русских государей — великих князей, царей и императоров, — государственного герба, государственной печати и других внешних атрибутов верховной власти на протяжении многих столетий успешно решались следующие важные задачи внутри России и за ее пределами:

- освобождение от ордынской зависимости;
- соби́рание русских земель и присоединение новых территорий;
- создание Великого княжества Московского, Московского царства, а также Всероссийской империи в форме конституционной монархии по европейскому образцу;
- признание великокняжеского, царского и императорского титулов со стороны европейских и других государей;
- установление и удержание власти над 50 различными землями.

Литература

1. *Андреевский И.Е.* Русское государственное право. — Т. 1. — СПб.; М.: Издание Маврикия Осиповича Вольфа, 1866. — 500 с.
2. *Барсов Е.В.* Древнерусские памятники священного венчания царей на царство. — М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1883. — 160 с.
3. *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. — М., 1906. — 178 с.
4. *Веневитинов М.А.* Русские в Голландии. Великое посольство 1697–1698 гг. — М., 1897. — 234 с.
5. *Воронец Е.Н.* Четырехсотлетие Российского государственного герба. — Харьков: Типография «Южного края», 1898. — 56 с.
6. *Денисов А.Е.* Гербовая бумага Российской Империи 1699–1917 годов. — М.: Информэлектрон, 2003. — 140 с.
7. *Ивановский В.В.* Русское государственное право. — Т. 1, ч. 1. — Казань, 1896. — 535 с.
8. *Картавов П.А.* Исторические сведения о гербовой бумаге в России. — Вып. 1. 1699–1801 гг. — СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса жандармов, 1900. — 79 с.
9. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. — Т. 1. — СПб., 1892. — 402 с.
10. *Костомаров Н.И.* Собр. соч. — Книга пятая. Том двенадцатый. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. — 829 с.
11. *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. — Т. 2. Курс русской истории. — М., 1987. — Ч. 2. — 448 с.
12. *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. — СПб.: Первая гос. тип., 1918. — 264 с.
13. *Корф С.А.* Русское государственное право. Ч. 1 / Императорский Александровский университет в Гельсингфорсе. — М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1915. — 315 с.
14. *Лакиер А.Б.* История титула государей России // Журнал Министерства народного просвещения. — 1848. — № 11, 12. — 75 с.
15. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. — М.: Книга, 1990. — 432 с.
16. *Полежаев П.В.* Московское княжество в I половине XIV века. — СПб., 1878. — 157 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 1. 1649–1675 гг. / сост.: Сперанский М.М. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 1072 с.
18. Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. 1720–1722 гг. / сост.: Сперанский М.М. — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — 817 с.

19. *Пятницкий П.П.* Сказание о венчании Русских царей и императоров. — М.: Типо-литография О.И. Лашкевич и К°, 1896. — 108 с.
20. *Савва В.И.* Московские цари и византийские василевсы. — Харьков, 1901. — 400 с.
21. *Самоковасов Д.Я.* История русского права. — М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1899. — 167 с.
22. *Снегирёв И.М.* О Московском гербе // Ведомости московской городской полиции. — 1853. — № 152. — 24 с.
23. *Успенский Г.П.* Опыт повествования о древностях русских. — Часть вторая. — Харьков: Университетская типография, 1812. — 300 с.
24. *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. — М., 1980. — 294 с.
25. *Хорошкевич А.Л.* Символы русской государственности. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. — 96 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Сидорова Галина Михайловна,

доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Galina M. Sidorova,

Doctor of Political Sciences (Ph.D.),
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign, Moscow.

E-mail: gal_sid@mail.ru

НОВЫЕ РЕАЛИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НЕЗАПАДНЫХ СТРАН С АФРИКАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ

NEW REALITIES OF INTERACTION BETWEEN NON-WESTERN COUNTRIES AND AFRICAN STATES

Аннотация: в статье анализируется взаимодействие незападных стран с государствами Африканского континента в условиях формирования полицентричного мира. Среди группы стран, активно проявляющих свои интересы в Африке, можно выделить Индию, Бразилию, Индонезию, Иран, Китай, ОАЭ, Россию, Саудовскую Аравию, Турцию. Каждая из них по-своему привлекательна для африканских партнеров, которые стремятся диверсифицировать свои внешнеполитические и внешнеэкономические связи. В отличие от периода колониальной зависимости от европейских метрополий африканские лидеры стали в определенной степени свободны в своем выборе и всё больше нацелены на самостоятельное решение проблем без опоры на традиционных партнеров. Об этом свидетельствуют революционные события в странах Сахаро-Сахельской зоны 2023–2025 годов, их объединение в союзы для противостояния политике бывших метрополий. Так, в попытке отмежеваться от бывших покровителей и решать самостоятельно свои проблемы в 2024 году Буркина-Фасо, Мали и Нигер создали в целях обороны и совместной борьбы с террористами, а также в целях развития экономического сотрудничества конфедерацию «Альянс государств Сахеля». Сотрудничество африканских государств с незападными странами способствует их дальнейшей консолидации и противостоянию коллективному Западу.

Ключевые слова: Африка, Индия, Бразилия, Индонезия, Иран, Китай, ОАЭ, Россия, Саудовская Аравия, Турция.

Abstract: the article analyzes the interaction of non-Western countries with the states of the African continent in the context of the formation of a polycentric world. India, Brazil, Indonesia, Iran, China, the United Arab Emirates, Russia, Saudi Arabia, and Turkey are among the group of

countries actively expressing their interests in Africa. Each of them is attractive in its own way for African partners who seek to diversify their foreign policy and foreign economic relations. In contrast to the period of colonial dependence on European metropolises, African leaders have become to a certain extent free in their choice and are increasingly focused on solving problems independently without relying on traditional partners. This is evidenced by the revolutionary events in the countries of the Sahara-Sahel zone in 2023–2025, their unification into unions to oppose the policies of the former metropolises. So, in an attempt to dissociate themselves from their former patrons and solve their own problems, In 2024, Burkina Faso, Mali and Niger created the Alliance of Sahel States confederation for the purpose of defense and joint fight against terrorists, as well as the development of economic cooperation. The cooperation of African states with non-Western countries contributes to their further consolidation and opposition to the collective West.

Key words: Africa, India, Brazil, Indonesia, Iran, China, UAE, Russia, Saudi Arabia, Turkey.

Введение

В XXI веке страны Африканского континента стали играть заметную роль в мировых делах. Это касается политики, экономики, культуры, образования. Активность африканских лидеров и поиск новых партнеров стали привлекательными для стран Незапада. Коллективный Запад стремится и дальше сотрудничать с африканцами на так называемой равноправной традиционной основе. Однако делать это ему становится всё сложнее, поскольку появились такие новые центры развития, как Индия, Бразилия, Индонезия, Иран, Китай, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция, которые видят свою выгоду в сотрудничестве с африканскими партнерами, а взамен готовы оказывать содействие в развитии и обеспечении безопасности. Россия как испытанный временем партнер также стремится налаживать разносторонние отношения с африканскими государствами.

В 2025 году появилась коллективная монография «Политика ведущих государств Незапада на Африканском континенте» под редакцией И.Д. Лошкарёва [9] в издательстве «Аспект-Пресс», которая отражает современные тенденции взаимодействия африканских стран с ведущими западными государствами. В ней проводится тщательный анализ стратегий и практического воплощения политики этих государств, характеризуются особенности взаимодействия на современном этапе, включая проблемы двусторонних отношений и перспективы развития, представлена классификация западных партнеров. Руководствуясь экономическими соображениями, авторы включили в первую группу такие страны, как Бразилия, Индия и ОАЭ. Другая группа стран включает в себя Индонезию и Саудовскую Аравию. Их характе-

ризует пока не четко выраженная направленность приоритетов [9, с. 260]; и третья группа — это Иран, КНР, Россия и Турция, которые уже выделили для себя отраслевые приоритеты [9, с. 260].

Авторы коллективной монографии считают, что такой поворот в сторону Незапада стал возможным в силу нескольких причин. Среди них: формирование зоны автономного обращения капитала, технологий и ресурсов [9, с. 5]; ускоренные темпы формирования новых политико-экономических блоков [9, с. 6], а также фактор нового мироустройства в целом, которое будет опираться не на универсальные организации, а в большей степени на ситуативные, нередко неформальные объединения [9, с. 7].

Конечно, как утверждается в монографии, соперничество, а возможно, и столкновения интересов не исключены. И они будут перемещаться в технологическую и экономическую сферы [9, с. 9]. Также возможны противоречия между самими странами Незапада.

Авторы приходят к выводу о том, что политика ведущих держав мирового большинства на Африканском континенте формируется в условиях значительных внутренних изменений и колебаний конъюнктуры в странах-партнерах. Тем менее для всех девяти проанализированных государств характерно постепенное углубление отношений с африканскими государствами, расширение отраслевых и географических рамок сотрудничества [9, с. 258]. Важен тот фактор, что доминировавший до настоящего времени Запад получил конкурента в лице стран Незапада [1, с. 34].

Бразилия

Ведущие специалисты по странам Латинской Америки считают, что в ближайшей перспективе эти страны превратятся в самостоятельный центр многополярного мира. Это доказывает укрепление связей не только между странами Латинской Америки, но с внешним миром, включая государства Африканского континента [15, с. 8].

Бразилия в качестве партнера Африки была выбрана автором А.А. Казелько не случайно. Со странами континента ее объединяют тесные исторические связи. Первые их контакты приходятся на первую половину XVII века. Именно тогда стали налаживаться прочные торговые позиции на западном побережье Африки [9,

с. 22]. Как подчеркивается, Африка была в те времена более доступна для сбыта товаров в отличие от монополизированных европейских стран, включая Англию и Голландию [9, с. 22], а со временем, переосмыслив свою роль на международной арене, стала позиционировать себя как лидер стран «третьего мира» [9, с. 23]. Автор уместно цитирует документ под названием «Стратегия национальной обороны Бразилии» от 18 декабря 2008 года, в котором говорится, что «Бразилия... занимает особое положение на международной арене... и намерена достичь ведущей позиции в мировой иерархии» [8, с. 361]. Причем А.А. Казелько акцентирует внимание на развитии стран «Юг – Юг» в виду этнической и культурной общности, а также на схожих климатических условиях [9, с. 24]. Начав успешное сотрудничество с португалоязычными странами — Анголой и Мозамбиком, — где не надо было преодолевать языковой барьер, Бразилия заметно продвинулась в своих амбициозных планах по завоеванию международного авторитета. Более того, удачное участие в миротворческих операциях ООН по поддержанию мира в ряде африканских государств стало для Бразилии хорошим трамплином для дальнейшего освоения континента. В период президентства Лула да Силвы (2003–2010 гг.) Бразилия вышла за рамки сотрудничества с зоной лузофонии в Африке. В настоящее время она имеет дипломатические представительства в 37 африканских странах. А.А. Казелько уточняет, что стали устанавливаться контакты с Африканским союзом, Новым партнерством в интересах развития Африки (НЕПАД), Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС), Сообществом развития Юга Африки (САДК) и другими [9, с. 27]. С приходом к власти Дилмы Руссефф (2011–2016 гг.), нового Президента, которая сочла, что «издержки от дипломатии превышают выгоды» [9, с. 31], внешнеполитическая активность государства заметно снизилась, и такая тенденция наблюдалась вплоть до 2022 года, когда на пост Президента «вернулся» Л. да Силва. С этого момента бразильско-африканские отношения вновь обрели динамику и дальнейшее развитие, о чем свидетельствует активизация Бразилии в рамках БРИКС. Это межкультурное объединение, по словам замминистра науки и высшего образования К.И. Могилевского, «всё заметнее влияет на международную повестку дня» [2, с. 19].

Детальная проработка А.А. Казелько «хроники событий» бразильско-африканских отношений, которые имели «взлеты и падения», а также ее критические оценки важны для понимания роли и места этой латиноамериканской страны в контексте общего восприятия взаимодействия незападных стран с государствами Африканского континента.

Индия

Индия — перспективный быстро развивающийся центр полицентричного мира. Ее присутствие на Африканском континенте становится всё более заметным в первой четверти XXI столетия. Однако, по словам В.А. Усова, «восприятие Индии в Африке слишком мозаично, для того чтобы передать его одним или несколькими знаками. Оно постоянно распадается на составные части, перетекающие друг в друга, и в сущности не имеет твёрдого ядра, сравнимого с теми верными или чаще неверными, но крепко утвердившимися в сознании широкой публики стереотипами, касающимися, например, отношений Африки с государствами Запада» [13, с. 116]. Именно поэтому исследование автора главы об Индии, И.С. Копытцева, заслуживает должного внимания, поскольку ему удалось выделить и сформулировать пять этапов развития отношений, включая «духовную близость», «переход к реализму», «новый курс», «промежуточный» этап и этап «модификации» [9, с. 47–48]. С момента обретения независимости от Великобритании в 1947 году, в эпоху Д. Неру, одним из главных векторов внешнеполитического курса Индии стало установление тесных контактов с государствами глобального Юга. Тем не менее, по мнению автора, Индию следует относить к числу «догоняющих государств», которые включились в гонку за Африку, несмотря на активное сотрудничество со странами региона [9, с. 64]. В целом вплоть до середины 1960-х годов сотрудничество Индии со странами континента «проходило в логике совместного противостояния колониальному присутствию европейцев на континенте» [9, с. 49]. На рубеже веков приоритетными направлениями политики Индии в Африке стали такие экономические категории, как прибыль и взаимная выгода [9, с. 50]. Однако проблемой в развитии отношений стала острая конкуренция в борьбе за Африку с Китаем. Исследователь В.А. Усов

утверждает, что эта конкуренция «явно не отвечает интересам безопасности государств в этой части мира и международной безопасности в целом... и побуждает Нью-Дели к дальнейшему укреплению связей с Вашингтоном» [13, с. 139]. Таких же оценок придерживается и Т.Л. Дейч [4, с. 8].

В целом проделанный анализ индо-африканских отношений несомненно заслуживает внимания, поскольку в обозримом будущем Индия займет одну из главных ниш среди мировых центров и будет играть не последнюю роль в процессе формирования новых международных отношений.

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

ОАЭ занимают лидирующее положение среди стран Персидского залива во взаимодействии со странами Африканского континента, что имеет ряд особенностей. Об этом пишет А.К. Адрианов. Характерным для помощи ОАЭ является тот факт, что страна предпочитает предоставлять ее на двусторонней основе (около 90%), что очевидно мотивируется возможностью контролировать «точечные» финансовые потоки [9, с. 152]. Так, в период с 2011 по 2012 год страна десятикратно увеличила объем международной помощи странам континента [9, с. 147].

Еще одна особенность: стратегия ОАЭ на континенте осуществляется государственными, а не частными компаниями, которые придерживаются государственной политики, направленной на повышение эффективности управления [16, р. 117]. В связи с этим А.К. Адрианов подчеркивает, что государственные инвестиционные фонды, холдинги и компании подчиняются властям Абу-Даби и Дубая. Наиболее крупными госпредприятиями руководят члены правящих семей [9, с. 149]. А.К. Андрианов акцентирует внимание на том, что в торговом секторе страны преобладает наличие семейных холдингов и династий, специализирующихся на определенных сферах [9, с. 169]. Важной статьей импорта из Африки является алмазное сырье, поскольку ОАЭ считаются мировой алмазной столицей.

В качестве основных партнеров автор выделяет страны арабского мира, близкие к ОАЭ по духовным ценностям. Это прежде всего страны Северной Африки, где на первый план выдвигаются исламские традиции [9, с. 155]. В сферу интересов ОАЭ попада-

ют также страны Африканского Рога, где наблюдается тесное переплетение политических, экономических интересов и военных вопросов [9, с. 156].

Автор аргументировано делает вывод о том, что, несмотря на факт соперничества с отдельными странами, в первую очередь с Египтом и Китаем, присутствие ОАЭ на континенте будет расширяться [9, с. 170].

Индонезия

Индонезия — морская держава, одна из ведущих стран Юго-Восточной Азии по экономическим показателям. Диверсифицируя свои политические и экономические связи, она нацелена на расширение взаимодействия со странами Африканского континента. В настоящее время Индонезия имеет 17 посольств в Африке, включая посольства в Алжире, Ливии, Египте, Тунисе, Марокко, Судане, Нигерии, Камеруне, Сенегале, Кении, Эфиопии, Танзании, Мозамбике, Зимбабве, ЮАР, Намибии и Мадагаскаре.

Важная составляющая главы, подготовленной Н.В. Ивкиной, — исторические и концептуальные основы государства, а также характеристика африканского вектора политики страны при двух президентах — С.Б. Юдойоно и Дж. Видодо. Отмечается, что концептуальную основу внешней политики Индонезии составляют такие доктринальные документы, как Закон № 37 «О внешних сношениях», который отвечает требованиям международного права [9, с. 72–73]. Однако этот документ не выделяет приоритетные направления сотрудничества. Характеризуя политику в период правления С.Б. Юдойоно, автор обращает внимание на практическое сотрудничество между Азией и Африкой в таких областях, как торговля, промышленность, инвестиции, финансы, туризм, информационно-коммуникационные технологии, энергетика, здравоохранение, транспорт, сельское хозяйство, водные ресурсы и рыболовство, предотвращение конфликтов, наращивание технического потенциала [9, с. 74]. Если ранее Индонезия выступала за многосторонний подход «Азия — Африка», то сейчас Республика присоединилась к «новой схватке за Африку» [9, с. 89]. Автор подчеркивает, что власти Индонезии пришли к выводу о необходимости менять африканскую политику, поскольку страна не может конкурировать с другими азиатскими

государствами, которые раньше включились в «борьбу за Африку». Автор подчеркивает, что именно Джакарта заявила о своих амбициях в качестве «морской оси мира», которая дипломатически и через торговлю объединяет разные регионы и за счет этого становится мировой морской державой [9, с. 79]. Что касается модели взаимодействия Индонезии с африканскими государствами, власти страны намерены не только сохранять свою самобытность и идентичность, но и перенимать черты поведения тех акторов, которые с успехом работают на этом направлении (имеются в виду США, Индия и Китай) [9, с. 88–89].

Саудовская Аравия

В XXI веке Саудовская Аравия стала активно интересоваться африканскими государствами как потенциальными партнерами по сотрудничеству в различных областях, таких как дипломатическая сфера, экономика, экспорт безопасности. Именно они находятся в фокусе внимания К.К. Григорьева, автора данной главы. По его оценкам, Саудовская Аравия планирует стать связующим элементом между Африкой, Европой и Азией [9, с. 212]. Осуществляя намеченные цели, она провела первый саммит в ноябре 2023 года в формате «Африка+1», который стал хорошей площадкой для дальнейшего взаимодействия, включая многостороннюю дипломатию. Эр-Риядская Декларация по результатам саммита подтверждает намерения страны по расширению сотрудничества со странами континента. Автор акцентирует внимание на гуманитарной помощи африканским странам, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов. Так, в мае 2023 года была оказана поддержка гражданам Судана [9, с. 213]. Кроме того, саудистские власти намерены играть роль медиатора в конфликте в Судане, что в полной мере отражает внутреннюю и внешнюю политику Королевства. Стабильная обстановка, как утверждает К.К. Григорьев, откроет государству новые возможности для развития инфраструктурных мегапроектов и будет способствовать туристическому бизнесу [9, с. 214]. Кроме Судана и Южного Судана страна оказывает гуманитарное содействие Сомали и Эфиопии. Проявляются интересы в минерально-сырьевом секторе. Налаживаются отношения с Бурунди по добыче никеля, с Гвинеей — по бокситам [9, с. 229]. Однако у саудитов

есть и конкуренты в освоении африканских ресурсов. Например, в горнодобывающих проектах Саудовской Аравии первым конкурентом является Китай. Это подтверждение можно найти не только в исследуемой главе, но и у академика РАН А.М. Васильева [3, с. 613], который среди конкурентов называет Китай, ОАЭ, Катар, Кувейт. Таким образом, в результате анализа проектов и перспектив Саудовской Аравии в Африке, проделанного К.К. Григорьевым, перед нами предстает наглядная картина развития двусторонних отношений.

Россия

Временный застой в российско-африканских отношениях, наблюдавшийся на рубеже веков, наконец преодолен. Концепция внешней политики России от 31 марта 2023 года по-новому расценивает место Африки в российских национальных приоритетах [7]. Прошли два саммита Россия — Африка (2019 и 2023 гг.), которые определили дальнейший путь развития и придали импульс динамике взаимоотношений с африканскими партнерами. Россия занимает особое положение в шкале африканских приоритетов сотрудничества. Это проверенный временем партнер, обладающий мощным военно-техническим потенциалом, быстро реагирующий на стихийные бедствия, будь то засуха, вооруженные конфликты или смертельно опасные болезни типа лихорадки Эбола. И.Д. Лошкарёв, посвятивший свое исследование африканскому направлению внешней политики России, останавливается на дипломатии саммитов, диалоговых площадках и институтах, сотрудничестве в сфере безопасности и гуманитарных связях. Он считает, что особенность институциональной позиции российской политики в Африке состоит в выстраивании сети специализированных структур и организаций, которые занимаются отраслевой проблематикой и руководствуются различной логикой поведения, включая рыночную, смешанную или политическую [9, с. 209]. Позиция автора о сотрудничестве России со странами Африки так же хорошо изложена в другой коллективной монографии МГИМО [10].

Среди основных партнеров африканских государств в военно-политической сфере И.Д. Лошкарёв называет Египет, Алжир, Буркина-Фасо, Мали и Нигер, в экономической — Алжир, Гви-

нею, Египет, Кению и ЮАР, в гуманитарной — Египет, Тунис, Танзанию и Республику Конго [9, с. 209]. Несмотря на конкуренцию со странами Незапада в некоторых сферах сотрудничества, он справедливо отмечает, что в целом интересы России и других ведущих государств Незапада не противоречат друг другу настолько, чтобы стать основанием для серьезных конфликтов и «корпоративных войн» [10, с. 210]. Это происходит потому, что политические элиты африканских государств со временем стали более разборчивы в выборе партнеров. Они не ограничиваются сотрудничеством только с бывшими метрополиями и уверено выбирают тех, с кем выгодно решать проблемы [11]. Комментарии и выводы И.Д. Лошкарёва сделаны на высоком профессиональном уровне, позволяющем судить о современном состоянии российско-африканских отношений.

Иран

Политика Ирана в Африке менялась на протяжении веков. Первые контакты были установлены с аборигенами восточной части Африки еще в X веке. В основном это были торговцы, которые «охотились» за слоновой костью. Позднее их место заняли оманские предприниматели того времени. В период Каджарской династии (1796–1925 гг.), по свидетельству Д.В. Протасова, автора главы, иранская знать с энтузиазмом завозила из Африки рабов, которые в Иране выполняли роль прислуги. Работоторговля оставила свое значительное потомство — это так называемые афро-иранцы [9, с. 91]. Д.В. Протасов подробно останавливается на внешнеполитической доктрине хомейнизма, в которой после исламской революции 1979 года африканская политика этого государства получила формулу «на шарки, на карби», то есть ни Восток, ни Запад, подчеркивая тем самым самобытность страны [9, с. 97]. В период президентства М. Хатами (1997–2005 гг.) африканскому направлению политики не уделялось большого внимания, хотя именно в то время появилась концепция «диалога цивилизаций» [9, с. 103]. События «арабской весны» 2011 года придали импульс африканской политике Ирана. В Тегеране в тот год прошла Международная конференция «Исламское пробуждение», название которой говорит само за себя. Началось активное взаимодействие со странами Африканского континента.

Д.В. Протасов выделяет несколько этапов в развитии отношений со странами континента, среди которых: 1980–1990-е годы — установление контактов с ЮАР и со странами Восточной Африки; 2000–2010-е годы — преодоление санкций и борьба с «Большим Сатаной» в лице США [9, с. 128]. При этом уточняется, что при М. Ахмадинежаде значение Африки было достаточно велико. Вплоть до 2021 года прагматические интересы были важнее для государства, чем идеологические. Рубежным стал 2021 год. По мнению автора, это — этап установления баланса идеологии и практических интересов [9, с. 128].

Китай

Китай — один из значимых мировых лидеров на Африканском континенте. Для КНР Африка представляет собой стратегически важное направление ее внешнеполитического курса. Как считает автор главы А.А. Забелла, в первую очередь это обусловлено историческими связями, общностью колониального прошлого и международных проблем, продвижением инициативы «Один пояс — один путь». Лидер Китая Си Цзиньпин подчеркивал, что Китай фокусируется на достижении китайской мечты о великом возрождении китайской нации, а Африка — на реализации африканской мечты о саморазвитии через единство и рост. Китайский лидер сравнил Африку с «галопирующим африканским львом», имея в виду быстрое экономическое развитие континента [9, с. 13]. Именно об этом пишет А.А. Забелла, знакомя читателей с Китаем, на страницах своего исследования. А с 2020 года в китайских медиа стала муссироваться идея связать эту китайскую инициативу с подписанным африканскими странами соглашением о создании континентальной зоны свободной торговли [5, с. 125]. Помимо этого Африка для Китая — надежный политический союзник, голосующий единым блоком в системе ООН [9, с. 129]. Как пишет автор, концептуальная база политики КНР в Африке содержится в трех основополагающих документах, включая политику Китая в отношении Африки в 2006–2025 годах, китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху 2021 года и Белую книгу «Китайско-африканское сотрудничество в новую эпоху» [9, с. 129]. При этом следует отметить, что реализовать внешнеполитические планы в Африке способствуют не только

китайцы, проживающие в Китае, но и хуацяо, китайские эмигранты, расселенные по всему миру [12, с. 80]. Динамику отношениям Китая со странами Африки придают форумы китайско-африканского сотрудничества как ключевого механизма взаимодействия, стартовавшего в 2000 году [9, с. 130]. Анализируя основные направления сотрудничества между КНР и странами континента, автор называет Дакарскую программу действия 2022–2024 годов. Это — медицина и здоровье, борьба с бедностью и сельскохозяйственное развитие, торговля, инвестиции, цифровые возможности, «зеленое» развитие. Китай участвует также в миротворческих операциях; более 80% миротворцев Китая, а это 2 тыс. человек, работают в Африке [9, с. 138]. Таким образом, Африка, по мнению А.А. Забеллы, становится аренной по продвижению Китаем мироустройства, альтернативного западному во многих сферах [9, с. 145].

Турция

Автор статьи «Турция: политика присутствия» А.О. Беляков останавливается на таких важных моментах взаимодействия с государствами Африки, как исторические связи, концептуальные и идейные основы политики, экономическое, военнотехническое и гуманитарное сотрудничество.

Выделяется сотрудничество со странами Северной Африки в силу исторических причин и относительной географической близости. Начало нового тысячелетия, как подчеркивает автор, ознаменовалось для Турции активизацией усилий по выстраиванию отношений со странами континента. Увеличилось число диппредставительств и культурных центров, динамично развивается торговля [9, с. 233]. Такой же точки зрения придерживается М.А. Колесникова в своей книге «Турецкий полумесяц над африканским континентом», где она не только описывает достижения Турции, но и повествует о препятствиях на пути к целям [6]. Далее А.О. Беляков констатирует, что на рубеже XX и XXI веков связи с континентом сильно ослабли [9, с. 234] и турецким властям пришлось основательно поработать над африканским вектором политики. Так, в 1998 году правительство Турции приняло документ под заголовком «План действий по открытости Африки». Его разработкой занимались дипломаты, различные ведомства

и представители бизнес-структур. Это означало нацеленность государства на диверсификацию связей и развитие отношений. В основу концепции сотрудничества с африканскими странами была положена внешнеполитическая программа «Век Турции», официально постулируемая турецким МИДом [9, с. 236]. Смысл ее состоит в возрождении статуса великой державы. В настоящее время Турция заметно активизировала и разнообразила свое экономическое присутствие, хотя африканские страны не входят в число ключевых ее экономических партнеров, как подчеркивает автор [9, с. 238]. Турция имеет соглашения о торговле с Египтом, Тунисом, Марокко, Маврикием, Суданом. Торговые представительства Турции имеются в 28 странах [9, с. 238]. Важной составляющей сотрудничества является экономический и бизнес-форум «Турция — Африка», проходящий на постоянной основе. В главе уделяется внимание военно-техническому сотрудничеству, одному из ключевых направлений внешней политики Турции. Республика заключила соглашения в военной сфере более чем с 25 африканскими странами, включая Нигер, Руанду, Сенегал, Мали, Нигерию и другие [9, с. 243]. Что касается гуманитарной сферы, в африканских странах Турция имеет 22 представительства [9, с. 245]. А.О. Беляков, поводя итоги исследования, считает, что политика Турции в целом отличается продуманностью и прагматизмом [9, с. 257].**244**

Заключение

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что коллективная монография «Политика ведущих государств Незапада на Африканском континенте» под редакцией И.Д. Лошкарёва заслуживает должного внимания. Страны, которые рассматриваются в книге с точки зрения перспективы утверждения на далеком континенте, уже становятся полновесными политическими центрами новой системы международных отношений, которая будет, как известно, характеризоваться полицентричностью. Кроме того, сложилось условное ядро близких по взглядам государств, включая КНР, Россию и Иран, а это исключает в определенной степени воинственную конкуренцию и, наоборот, способствует дружественной кооперации на Африканском континенте. К безусловным достоинствам работы сле-

дует отнести стремление участников коллективной монографии начертать перспективы развития отношений с африканскими государствами, а также аргументировано проиллюстрировать особенности взаимодействия с Африкой разных стран с разных континентов. Комментарии и рассуждения авторов позволяют окунуться в атмосферу современной политической жизни, ощутить ее дипломатические нюансы, лучше понять — зачем нужна Африка незападным государствам?

Заслуга авторов состоит также в том, что ими собран большой фактологический материал, показывающий динамику развития связей на всех уровнях. Более того, разнообразие фактуры материала, на котором построено исследование, профессиональный методологический подход раскрыли «секретные пружины» двусторонних связей. В одних случаях, это близость религиозных взглядов, в других — общее колониальное прошлое, в третьих — заинтересованность в обоюдной выгоде. Важно и то, что в каждой главе представлена авторская позиция ученых, специалистов по конкретной изучаемой стране.

Представленное на суд читателей научное исследование — важный вклад в изучение взаимодействия между странами Незапада и африканскими государствами. Монография будет полезна для тех, кто хотел бы разобраться в сложных, порой противоречивых международных отношениях. Она не просто состоялась, а состоялась как качественное своевременное научное исследование в отечественной историографии.

Литература

1. *Атаян В.В.* Западные и незападные ценности как векторы инновационного развития // *Инновационная наука*. — 2022. — № 4–1. — С. 33–36.
2. БРИКС: формирование международного научного ландшафта. — М.: Российский центр научной информации, 2024. — 362 с.
3. *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. — М.: Наука, 2024. — 796 с.
4. *Дейч Т.Л., Усов В.А.* Китай и Индия в Африке в постковидную эру // *Азия и Африка сегодня*. — 2021. — № 10. — С. 5–13.
5. *Дейч Т.Л.* Участие Китая в борьбе с пандемией и ее последствиями в Африке // *Африка перед лицом современных угроз*. — М.: Ин-т Африки РАН, 2021. — С. 120–127.
6. *Колесникова М.А.* Турецкий полумесяц над африканским континентом. — Тула: Аквариус, 2018. — 240 с.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). — URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>.
8. *Мартынов Б.Ф.* История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна. XX — начало XXI века. — М.: Аспект-Пресс, 2024. — 368 с.

9. Политика ведущих государств Незапада на Африканском континенте / под ред. И.Д. Лошкарёва. — М.: Аспект-Пресс, 2025. — 279 с.
10. Россия в Африке. От новых сфер сотрудничества к новому имиджу / под ред. И.Д. Лошкарёва. — М.: Аспект-Пресс, 2024. — 224 с.
11. Сидорова Г.М. Африка южнее Сахары: движение к стабильности. — М.: Проспект, 2022. — 200 с.
12. Сидорова Г.М., Захарьев Я.О. Изменение интересов элиты китайской общины Юго-Восточной Азии в начале XXI века: перспективы сотрудничества в ЮТР, Африке и России // Научное обозрение. Теория и практика. — Т. 15. — 2025. — Вып. 1. — С. 80–87.
13. Усов В.А. Африканская политика Нью-Дели: вызовы и перспективы // Проблемы национальной стратегии. — 2023. — № 3 (78). — С. 114–143.
14. Филиппов В.Р. Африканская политика президента Франции Э. Макрона: хроника действий и эволюция идей (2017–2022 гг.). — М.: Ин-т Африки РАН, 2023. — 214 с.
15. Эволюция политического ландшафта стран Латинской Америки и Карибского бассейна / под ред. М.Г. Троянского. — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2020. — 200 с.
16. BRICS development in the context of world dynamics / Ed. by Academician V. Sadovnichy. — М.: Moscow University Press, 2024. — 336 p.
17. Gliniasty J. de. France, une diplomatie déboussolée. — P.: Ed. L'Inventaire, 2024. — 205 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [8, с. 12] или [8, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2025. № 2 (44)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 04.06.2025. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 11
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5